

Председатель редакционного совета журнала

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, профессор. Заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ.

Заместитель председателя редакционного совета

СИНЮКОВ Владимир Николаевич проректор по научной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России.

Главный редактор журнала

ЧУЧАЕВ Александр Иванович доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Ответственный секретарь

САЛИЯ Марианна Романовна эксперт отдела научно-издательской политики Управления организации научной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Редакционный совет журнала

БАРАБАШ Юрий Григорьевич доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного права Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого», член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины.

БЕКЯШЕВ Камиль Абдулович доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ.

БЕШЕ-ГОЛОВКО Карин доктор публичного права, Франция.

БОНДАРЬ Николай Семенович доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ.

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права, первый проректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ.

ДМИТРИЕВА Галина Кирилловна доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный юрист города Москвы.

ИСАЕВ Игорь Андреевич доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ.

КОМОРИДА Акио профессор Университета Канагава (Япония).

КОЛЮШИН Евгений Иванович доктор юридических наук, профессор, член Центризбиркома России, заслуженный юрист РФ.

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович	кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса.
ОТМАР Зойль	доктор права, почетный доктор права, Emeritus профессор Университета Paris Ouest-Nanterre-La Defense (Франция).
ПАН Дунмэй	кандидат юридических наук, профессор юридического института Хэйлунцзянского университета КНР, приглашенный исследователь Центра славянских исследований университета Хоккайдо Японии.
ПИЛИПЕНКО Юрий Сергеевич	доктор юридических наук, вице-президент Федеральной палаты адвокатов России, председатель Совета коллегии адвокатов Московской области «Юридическая фирма “ЮСТ”».
РАРОГ Алексей Иванович	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный юрист города Москвы.
РАДЬКО Тимофей Николаевич	доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ.
РАССОЛОВ Илья Михайлович	доктор юридических наук, профессор кафедры правовой информатики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный редактор журнала «Судебная и правоохранительная практика».
РЫБАКОВ Олег Юрьевич	доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, член российской секции Международной ассоциации философии права и социальной философии, член комиссии по науке ассоциации юристов России, член Экспертного совета по праву Министерства образования и науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ.
ТУМАНОВА Лидия Владимировна	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса и правоохранительной деятельности, декан юридического факультета Тверского государственного университета, заслуженный юрист РФ.
ФЕДОРОВ Александр Вячеславович	заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации, генерал-полковник, кандидат юридических наук, профессор, главный редактор журнала «Наркоконтроль».
ХЕЛЛЬМАНН Уве	Dr. iur. habil, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия).
ШЕВЕЛОВА Наталья Александровна	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и административного права Санкт-Петербургского государственного университета.
ШУГРИНА Екатерина Сергеевна	доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
де ЗВААН Яап	(почетный) профессор кафедры права Европейского Союза университета Эразмус в Роттердаме (Нидерланды), профессор кафедры Жанна Монне.

Редакционная коллегия журнала

ГРОМОШИНА Наталья Андреевна	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
ЕРШОВА Ирина Владимировна	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
ИЩЕНКО Евгений Петрович	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
КАШКИН Сергей Юрьевич	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
КОМАРОВА Валентина Викторовна	доктор юридических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
КОРНЕВ Аркадий Владимирович	доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
ЛЮТОВ Никита Леонидович	доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович	доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
СЛЕСАРЕВ Владимир Львович	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и семейного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
СМИРНОВ Александр Федорович	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой организации правоохранительной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Chairman of the Council of Editors

**BLAZHEEV
Victor
Vladimirovich** Rector of the Kutafin Moscow State Law University, PhD in Law, Professor, Head of the Department of Civil Process, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Specialist in Science and Technology of the Russian Federation.

Vice-Chairman of the Council of Editors

**SINYUKOV
Vladimir
Nikolaevich** Vice-Rector on Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor, Merited Scientist of the Russian Federation, Merited Officer of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Editor-in-Chief of the Journal

**CHUCHAEV
Aleksandr
Ivanovich** Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Executive Editor

**SALIYA
Marianna
Romanovna** Expert of the Division for the Scientific and Publishing Policy of the Department for the Organization of Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University.

Council of Editors

**BARABASH
Yuriy
Grigorievich** Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional Law of the National University Legal Academy of Ukraine named after Yaroslav the Wise, Correspondent Member of the National Academy of Legal Sciences of Ukraine.

**BEKYASHEV
Kamil
Abdulovich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Scientist of the Russian Federation.

**BECHET-GOLOVKO
Karine** Doctor of Public Law, France.

**BONDAR
Nikolay
Semenovich** Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Scientist of the Russian Federation.

**GRACHEVA
Elena
Yurievna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial Law, First Vice-Rector of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Specialist in Science and Technology of the Russian Federation.

**DMITRIEVA
Galina
Kirillovna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the International Private Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Scientist of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education, Merited Lawyer of the City of Moscow.

**ISAEV
Igor
Andreevich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Scientist of the Russian Federation.

**KOMORIDA
Akio** Professor of the Kanagawa University (Japan).

**KOLYUSHIN
Evgeniy
Ivanovich** Doctor of Law, Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Merited Lawyer of the Russian Federation.

- MALINOVSKIY Vladimir Vladimirovich** PhD in Law, Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councillor of Justice.
- OTMAR Seul** Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Ouest-Nanterre-La Defense (France). В английском варианте Ред Совета
- PAN Dunmey** PhD in Law, Professor of the law Institute Heilongjiang University of China, invited researcher at the Slavic research Center of Hokkaido University of Japan.
- PILIPENKO Yuri Sergeevich** Doctor of Law, Vice-President of the Federal Chamber of Advocates of Russia, Chairman of the Council of the Bar Associations of Advocates of the Moscow region, Legal Firm «JUST».
- RADKO Timofey Nikolaevich** Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Lawyer of the Russian Federation.
- RAROG Aleksey Ivanovich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Scientist of the Russian Federation, Merited Lawyer of the City of Moscow.
- RASSOLOV Ilya Mikhailovich** Doctor of Law, Professor of the Department of Legal Information Science of the Kutafin Moscow State Law University, Editor-in-Chief of the Journal «Judicial and Law-Enforcement Practice».
- RYBAKOV Oleg Yurievich** Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Member of the Russian Section of the International Association of Philosophy of Law and Social Philosophy, Member of the Commission on Science of the Association of Lawyers of Russia, Member of the Expert Committee on Law of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.
- TUMANOVA Lidia Vladimirovna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Process and Law-Enforcement Activities, the Dean of the Law Faculty of the Tver State University, the Merited Lawyer of the Russian Federation.
- FEDOROV Aleksandr Vyacheslavovich** Vice-Chairman of the Investigation Committee of the Russian Federation, Colonel General, PhD in Law, Professor, Editor-in-Chief of the Journal «Drug Enforcement» (Narcocontrol).
- HELLMANN Uwe** Dr. iur. habil, Professor, Head of the Department of the Criminal and Economic Criminal Law of the Law Faculty of the Potsdam University (Germany).
- SHEVELEVA Natalia Aleksandrovna** Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the St. Petersburg State University.
- SHUGRINA Ekaterina Sergeevna** Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- de ZWAAN Jaap Willem** (Emeritus) Professor of the Law of the European Union at Erasmus University Rotterdam (The Netherlands), also Jean Monnet Professor.

Editorial Board

- GROMOSHINA Natalia Andreevna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- ERSHOVA Inna Vladimirovna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- ZHAVORONKOVA Natalia Grigorievna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- ZUBAREV Sergey Mikhailivich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- ISHCHENKO Yevgeniy Petrovich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Forensic Science of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- KASHKIN Sergey Yurievich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- KOMAROVA Valentina Viktorovna** Doctor of Law, Professor, Ag. Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- KORNEV Arkadiy Vladimirovich** Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- LYUTOV Nikita Leonidovich** Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Labour Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- MATSKEVICH Igor Mikhailovich** Doctor of Law, Professor of the Department of Forensic Studies and Criminal Executive Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- SLESAREV Vladimir Lvovich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil and Family Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- SMIRNOV Aleksandr Fedorovich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Organization Law Enforcement Activities of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

СОДЕРЖАНИЕ

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

Багмет А. М. Академия Следственного комитета Российской Федерации 9

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Карагодин В. Н. Научный характер и практическая реализация рекомендаций по борьбе с преступностью 19

Ильюк Е. В. Психопатологический механизм общественно опасных действий лиц с психическими расстройствами как основа психологического портрета серийного преступника 34

Бутенко О. С. Криминалистические и процессуальные аспекты проведения осмотра мобильных телефонов в рамках предварительного следствия 49

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

Бычков В. В. Оружие и боеприпасы как признак преступлений, образующих криминальный оборот предметов вооружения 61

Ильюхов А. А. Проблемы теории и практики апелляционного производства уголовных дел, рассмотренных судом с участием присяжных заседателей 76

ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Галкин Д. В. Жестокое обращение: проблемы толкования и доказывания. 88

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Розовская Т. И. Эволюция института уголовно-правового воздействия на юридических лиц 95

Самойлова Ю. Б. Уголовно-правовая охрана водных биологических ресурсов 105

Казаков А. А. Дисбаланс в правовом регулировании процессуальных иммунитетов в сфере уголовного судопроизводства 115

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Скобелин С. Ю. Тенденции уголовно-исполнительной политики России начала XXI века 124

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Курнышева Е. А.; Родионова Ю. В. Становление системы профессионального образования следователей Следственного комитета Российской Федерации в Приволжском федеральном округе 138

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА ПРАВА

Хмелева А. В. Предварительное следствие в России: ретроспективный взгляд 151

ИМЯ В НАУКЕ

Бастрыкин А. И. Николай Сергеевич Алексеев (1914–1992 гг.) 162

Шахматов А. С.; Коробеев А. И. Александр Вячеславович Федоров 169

CONTENT

CALLING CARD

Bagmet A. M. *The Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation* 9

COUNTERING CRIME

Karagodin V. N. *Scientific character and practical implementation of crime prevention guidelines* 19

Ilyuk E. V. *Psychopathological mechanism of socially dangerous acts of persons with mental health problems as the ba-sis of a psychological profile of a serial offender* 34

Butenko O. S. *Forensic and procedural aspects of examining mobile phones during preliminary investigation* 49

THEORETICAL PROBLEMS OF THE BRANCHES OF LAW

Bychkov V. V. *Arms and ammunition as the aspect that forms criminal trafficking of weapons* 61

Ilyukhov A. A. *Problems of theory and practice of appeal proceedings in criminal cases considered by the court with the participation of the jury* 76

QUESTIONS OF LAW ENFORCEMENT

Galkin D. V. *Child abuse: problems of interpretation and proving* 88

THE IMPROVEMENT OF LEGISLATION

Rozovskaya T. I. *The evolution of the concept of penal actions for legal persons* 95

Samoilova Yu. B. *Criminal Legal Protection of Aquatic Biological Resources* 105

Kazakov A. A. *Imbalance in legal regulation of procedural immunity in the sphere of criminal proceedings* 115

PENAL ENFORCEMENT POLICY

Skobelin S. Yu. *Penal Enforcement Policy Tendencies in Russia at the Beginning of the 21 Century* 124

LEGAL EDUCATION

Kurnysheva E. A.; Rodionova, Yu. V. *Formation of Vocational Education for Investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation in the Volga Federal District* 138

HISTORY OF STATE AND LAW

Khmeleva A.V. *Preliminary investigation in Russia: retrospective view* 151

NAME IN THE SCIENCE

Bastrykin A. I. *Nikolay Sergeevich Alekseev (1914–1992 gg.)* 162

Shakhmatov A. S.; Korobeev A. I. *Aleksandr Vyacheslavovich Fedorov* 169

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

А. М. Багмет*

АКАДЕМИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье раскрываются цели, задачи, функции Академии Следственного комитета Российской Федерации, в том числе ее Санкт-Петербургского филиала и факультетов повышения квалификации.

Изначально, в 2010 г., был создан Институт повышения квалификации Следственного комитета РФ. В течение пяти лет функционирования Института повышена квалификация более чем 10 тысяч сотрудников Следственного комитета. В январе 2014 г. на базе Института была образована Академия Следственного комитета.

Главной задачей Академии является подготовка юристов (следователей) в системе Следственного комитета, повышение уровня профессионализма следователей. Отличительной чертой юридического образования в Академии является необходимость овладения будущими следователями как теоретических (базовых) дисциплин, изучаемых юристами, так и приобретение практических навыков в расследовании преступлений. В настоящее время структура Академии представлена двумя образовательными учреждениями: Юридический институт и Институт повышения квалификации. В Юридическом институте реализуются программы высшего образования по направлениям подготовки: специалитета — «Правовое обеспечение национальной безопасности» и магистратуры — по магистерской программе «Следственная деятельность».

В структуре Академии имеется филиал в городе Санкт-Петербурге, в котором реализуются программы высшего образования, и шесть факультетов — в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Новосибирске, Хабаровске, где реализуются программы дополнительного профессионального образования.

Ключевые слова: Следственный комитет Российской Федерации, образование, специалитет, магистратура, аспирантура, следователь, обучающийся, слушатель, Институт повышения квалификации, Академия Следственного комитета, Санкт-Петербургский филиал, факультет повышения квалификации.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.113.4.009-018

В соответствии со ст. 34 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»¹, в целях обеспечения повышения профессионального уровня сотрудников Следственного

комитета Российской Федерации действует система их подготовки, переподготовки и повышения квалификации. Овладение новыми знаниями, практическими навыками, поддержание их на должном уровне рассматриваются

¹ СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.

© Багмет А. М. , 2016

* Багмет Анатолий Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, исполняющий обязанности ректора Академии Следственного комитета Российской Федерации.

akskrf@yandex.ru

125080, Россия, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

как служебная обязанность каждого сотрудника Следственного комитета. Для обеспечения указанных целей распоряжением Правительства РФ от 4 августа 2010 г. № 1318-р был создан Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации (далее — Институт).

1 ноября 2010 г. Институт осуществил первый набор слушателей.

В течение пяти лет функционирования Института профессорско-преподавательским составом повышена квалификация более чем 10 тыс. сотрудников Следственного комитета различных категорий (руководителей следственных органов и подразделений, следователей, следователей-криминалистов, сотрудников процессуального контроля, помощников следователей) по 20 образовательным программам дополнительного образования.

27 января 2014 г. распоряжением Правительства РФ от № 77-р на базе Института образовано федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия Следственного комитета Российской Федерации» (далее — Академия).

21 февраля 2014 г. Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки Академии выдана лицензия на осуществление образовательной деятельности по следующим образовательным программам:

- 1) высшее образование — подготовка кадров высшей квалификации в аспирантуре (адъюнктуре) по специальностям:
  - 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право;
  - 12.00.09 — уголовный процесс;
  - 12.00.12 — криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность;
- 2) дополнительное профессиональное образование.

Приказом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки РФ от 14 апреля 2014 г. Академии выдана лицензия на право ведения образовательной деятельности по программам высшего образования по направлениям подготовки специалитета — «Правовое обеспечение национальной безопасности» и магистратуры — «Юриспруденция».

Необходимо отметить, что юридические специальности у абитуриентов в настоящее время пользуются достаточно большим спросом и входят в число самых популярных. Однако, несмотря на огромное количество выпускников-юристов в стране, Следственный комитет испытывает нехватку профессионально подготовленных и ориентированных на следственную работу сотрудников.

В своем выступлении на интернет-конференции еще в 2009 г. С. М. Шахрай справедливо заметил: «По данным Росстата и Министерства образования и науки России, 50 % из примерно 750 000 дипломированных юристов по специальности не работают. Иными словами, некачественных юристов много, как минимум вдвое больше общей потребности в юридических кадрах. А вот высокопрофессиональных юристов, чья квалификация устраивала бы конкретную компанию, конкретный государственный орган, найти всегда непросто»¹. На сегодняшний день ситуация мало изменилась.

Представляется, что цель юридического образования состоит не в передаче знаний, а в привитии этических и ценностных ориентиров, которые составляют понятие «профессионализм». Юридическое образование — это целостное воспитание человека, его потребностей, нравственности, интеллекта, воли².

Процесс формирования современного следователя предстает собой не просто передачу тех или иных знаний, но и процесс окультуривания, «возделывания» личности обучающегося. В этой связи главной задачей Академии сегодня является подготовка юристов (следователей) — идейных, практически ориентированных, желающих работать и осознающих важность профессии следователя для общества и государства, что также будет способствовать и укреплению, и стабилизации кадрового состава в целом в системе Следственного комитета, повышению уровня профессионализма следователей, обеспечению преемственности кадров.

В 2014 году Академия осуществила свой первый набор обучающихся. У них с самого начала воспитывается осознание и принятие основных правовых принципов демократического общества, ценности права — необходимого

² Шахрай С. М. Проблемы качественного юридического образования // URL: <http://www.garant.ru>.

³ Моисеева Л. В. Актуализация правового образования будущих педагогов дошкольного образования // Вестник ЧГПУ. 2009. № 5. С. 105—112.

элемента урегулирования интересов людей и поддержания стабильности и законности в обществе, а также особой социальной значимости и ответственности профессии следователя.

В целях обеспечения отбора среди абитуриентов лиц, наиболее склонных к работе в Следственном комитете, устанавливается четкий и строгий порядок приема граждан на обучение в Академию. Так, гражданам, желающим поступить в Академию, необходимо обратиться в кадровое подразделение следственного органа Следственного комитета по месту жительства, где с претендентом на обучение проводится собеседование, выдается перечень документов, которые абитуриент должен оформить, после чего из предоставленных документов формируется личное дело, которое с заключением руководителя кадрового подразделения направляется в Приемную комиссию Академии для проведения отбора.

Отличительной чертой юридического образования в Академии является необходимость овладения будущими следователями как теоретическими (базовыми) дисциплинами, изучаемыми юристами, так и приобретение практических навыков в расследовании преступлений. В Академии выделяется большое количество учебных часов на изучение специальных учебных дисциплин, таких как: методика расследования отдельных видов преступлений, актуальные проблемы уголовного судопроизводства, технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений, теория и практика квалификации преступлений, правовые основы противодействия коррупции и формирования антикоррупционного поведения сотрудников Следственного комитета и др.

Обучающиеся Академии по программам высшего образования проходят производственную практику в следственных органах Следственного комитета, участвуют в производстве следственных действий. По завершении обучения выпускникам как высококвалифицированным специалистам, готовым к следственной деятельности, гарантирована работа в подразделениях Следственного комитета.

В структуре Академии имеется лаборатория по управлению профессиональными знаниями следствия, где постоянно ведется работа по обобщению следственной и судебной практики, подготовке разного рода аналитического материала, разрабатываются методики расследования отдельных видов преступлений. Все материалы доступны для изучения обучаю-

щимися как по программам дополнительного профессионального образования, так и по программам высшего образования. Изучение материалов, издаваемых лабораторией, способствует формированию у будущих следователей четкого представления о тактике и методике расследования тех или иных видов преступлений, развитию аналитических способностей, выработке собственного алгоритма действий при планировании расследования каждого конкретного преступления.

Подготовка квалифицированного следователя невозможна без обеспечения его необходимой учебной литературой. Академией проделана большая работа по закупке литературы для формирования библиотечного фонда — для обеспечения учебного процесса по программам высшего образования по всем учебным предметам. На постоянной основе проводится анализ новой литературы с целью пополнения фонда библиотеки специализированной научной и учебной литературой.

Академия, Санкт-Петербургский филиал и факультеты имеют библиотеки, расположенные в отдельных помещениях, а также помещения читальных залов. Состав библиотечного фонда регулярно обновляется с учетом изменений действующего законодательства.

Практическая направленность обучения в Академии подтверждается и тем, что для эффективного осуществления учебной деятельности, отвечающей современным требованиям следственной практики, а также для моделирования следственных ситуаций в Академии создан криминалистический полигон, на котором успешно проводятся практические занятия по криминалистике, в ходе которых используются специально приобретенные Академией различные виды современных технико-криминалистических средств.

Важнейшим показателем качества образования в Академии является ее профессорско-преподавательский состав, представленный преимущественно сотрудниками, чья деятельность ранее была связана непосредственно и продолжительное время с работой по реализации уголовно-процессуального законодательства, защитой прав и свобод человека и гражданина, — это работники Следственного комитета, органов прокуратуры, Министерства внутренних дел, судебных органов. Сильным является и научный потенциал преподавательского состава, 90 % которого имеют ученые степени и ученые звания.

Занятия с обучающимися проводят докторы и кандидаты наук из различных областей знаний.

Преподаватели Академии активно занимаются научной деятельностью, что выражается в значительном количестве их публикаций в периодических изданиях, подготовке монографических трудов, учебной литературы. Труды сотрудников Академии вызывают неподдельный интерес научного сообщества и находятся на хорошем счету.

На сегодняшний день профессорско-преподавательский состав Академии — это монолитный коллектив единомышленников, которому под силу любые поставленные перед ним задачи.

Вся деятельность Академии направлена на создание полноценной материально-технической базы для обеспечения качественного учебного процесса по программам высшего образования, продолжение подбора наиболее опытных и высококлассных преподавателей, формирование четкой и качественной системы отбора абитуриентов, поступающих в Академию.

В Академии проводятся научно-практические форумы, в том числе и международного уровня. В частности, в первом полугодии 2015 года организованы три международных конференции с участием сотрудников правоохранительных органов и судов, российских и представителей зарубежных стран — как СНГ, так и дальнего зарубежья. По результатам научных форумов публикуются сборники научно-практических материалов.

Академией заключены договоры о творческом сотрудничестве с высшими учебными заведениями России, Беларуси, Казахстана и Таджикистана — как гражданскими, так и ведомственными. Одним из ярких проявлений сотрудничества является такая форма, как проведение совместных научно-практических форумов.

В Академии организованы подготовка и издание двух журналов: «Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации» и «Расследование преступлений: проблемы и пути их решения». Причем второе издание включено ВАК Министерство образования и науки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Одной из приоритетных задач Академии является создание благоприятного микроклимата не только в коллективе, но и между преподавателями и обучающимися. Сотрудниками Академии проводится культурно-воспитательная работа среди обучающихся, прививается гордость за свою профессию, организуются посещения театров, музеев и др.

В настоящее время структура Академии представлена двумя образовательными учреждениями:

- Юридический институт;
- Институт повышения квалификации.

В *Юридическом институте* реализуются программы высшего образования по направлениям подготовки:

- специалитет — «Правовое обеспечение национальной безопасности»;
- магистратура — по магистерской программе «Следственная деятельность».

В Академии организована аспирантура для работников Следственного комитета. Академия будет готовить обучающихся по следующим специальностям научных работников:

- ✓ 12.00.08 — «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» — за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета по заочной форме (срок обучения — 3,5 года);
- ✓ 12.00.09 — «Уголовный процесс» — за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета по заочной форме (срок обучения — 3,5 года);
- ✓ 12.00.12 — «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность» — за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета по заочной форме (срок обучения — 3,5 года).

В *Институте повышения квалификации* реализуются образовательные программы дополнительного образования, к основным из которых относятся:

1. Расследование преступлений против личности.
2. Криминалистическое обеспечение предварительного следствия.
3. Расследование преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних или совершенных несовершеннолетними.
4. Расследование должностных и коррупционных преступлений.
5. Расследование преступлений, связанных с экстремистской и террористической деятельностью.

6. Расследование преступлений, связанных с захватом имущества, имущественных и неимущественных прав, денежных средств предприятий (расследование рейдерства).
7. Расследование налоговых преступлений.
8. Организация процессуального контроля.
9. Организация работы следственных подразделений.
10. Расследование преступлений в сфере экономической деятельности.
11. Расследование преступлений, совершенных в составе организованной преступной группы, преступного сообщества (преступной организации).
12. Организация работы следственных органов Следственного комитета РФ.
13. Расследование преступлений против личности и преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних или совершенных несовершеннолетними.
14. Расследование преступлений, совершенных на объектах транспорта.
15. Организация работы помощников следователей.
16. Составление процессуальных документов по уголовным делам.
17. Расследование преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и в сфере экономики.

Кроме того, разработана дополнительная образовательная программа профессиональной переподготовки (530 часов), которая состоит из трех разделов — образовательных программ повышения квалификации:

1. Образовательная программа повышения квалификации № 1 «Расследование преступлений против личности и преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних или совершенных несовершеннолетними» (120 часов).

Повышение квалификации по данной программе проходят сотрудники СК России, не имеющие опыта следственной работы и впервые назначенные, после окончания юридических вузов, на должности следователей следственных отделов СК России по городам, районам и приравненных к ним специализированных, в том числе военных следственных отделов.

2. Образовательная программа повышения квалификации № 2 «Расследование преступлений террористической и экстремистской направленности и коррупционных преступлений» (154 часа).

По программе № 2 повышение квалификации проходят сотрудники СК России, имеющие стаж следственной работы в органах СК России от 2 до 3 лет и прошедшие повышение квалификации предыдущего уровня, а также впервые принятые на службу из других правоохранительных органов, имеющие стаж следственной работы от 2 до 5 лет и назначенные на должности следователей следственных отделов СК России.

3. Образовательная программа повышения квалификации № 3 «Расследование уголовных дел о налоговых преступлениях и преступлениях, связанных с захватом имущества, имущественных и неимущественных прав, денежных средств предприятий (“рейдерства”» (226 ч).

Данная программа предназначена для повышения квалификации сотрудников СК России, имеющих стаж следственной работы в органах СК России от 3 до 4 лет и прошедших повышение квалификации двух предыдущих уровней, назначенных на должности следователей следственных отделов СК России по городам, районам и приравненных к ним специализированных, в том числе военных, следственных отделов. Кроме того, обучение по названной программе могут проходить заместители руководителей следственных отделов СК России по городам, районам и приравненных к ним специализированных, в том числе военных, следственных отделов, инспекторы отделов процессуального контроля следственных управлений СК России по субъектам РФ и приравненных к ним специализированных, в том числе военных, следственных управлений, а также следователи следственных отделов СК России по городам, районам и приравненных к ним специализированных, в том числе военных, следственных отделов, планируемые на выдвижение на вышестоящую должность.

В структуре Академии имеется филиал в городе Санкт-Петербурге, в котором реализуются программы высшего образования, и шесть факультетов — в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Новосибирске, Хабаровске, где реализуются программы дополнительного профессионального образования.

Санкт-Петербургский филиал создан от 20 мая 2014 г. приказом Председателя Следственного комитета № 41. Подразделением руководит проректор, кандидат педагогических наук, генерал-лейтенант Александр Иванович Ефремов, имеющий многолетний практиче-

ский опыт в МЧС России. В настоящее время филиал полностью материально-технически обеспечен, набран штат преподавателей. С сентября 2015 г. в филиале начнут обучаться 50 абитуриентов.

Первый факультет повышения квалификации (с дислокацией в г. Ростов-на-Дону) (далее — Первый ФПК) создан на базе Ростовского филиала Института повышения квалификации Следственного комитета, осуществлявшего повышение квалификации и профессиональную переподготовку сотрудников системы Следственного комитета в целях получения ими новых профессиональных знаний и навыков в области предварительного расследования преступлений. Моментом образования Первого ФПК считается дата создания Академии в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 27 января 2014 г. № 77-р.

В своем развитии Первый ФПК прошел несколько этапов.

Федеральные законы от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”»⁴ и от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»⁵ послужили отправным моментом создания относительно самостоятельного органа по расследованию преступлений в системе органов прокуратуры России и подготовили условия для дальнейшей полной организационной и функциональной независимости следственного органа. Поступление на службу в органы Следственного комитета при прокуратуре России (далее — СКП РФ) новых сотрудников, а также включение в подследственность СКП РФ новых составов преступлений обусловили необходимость организации системы подготовки и переподготовки кадров.

В соответствии с приказом первого заместителя Генерального прокурора РФ — Председателя СКП РФ от 3 октября 2008 г. № 84 «Об институтах (учебных центрах) Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации в федеральных округах» 19 января 2009 г. Следственным управлением по Ростовской области был создан отдел профессионального развития — Учебный центр СКП РФ в Южном

федеральном округе (далее — Учебный центр), который возглавил С. А. Воронцов, доктор юридических наук, профессор. С назначением в 2009 г. на должность руководителя кандидата психологических наук Зинаиды Игоревны Брижак отдел профессионального развития получил новый импульс, позволивший создать коллектив единомышленников, способный решать стоящие перед ним задачи по повышению квалификации сотрудников СКП РФ.

Реорганизация Учебного центра в Ростовский филиал Института повышения квалификации Следственного комитета последовала 22 августа 2011 г. в соответствии с положениями Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-З «О Следственном комитете Российской Федерации».

Отличительной особенностью коллектива Первого ФПК являлись и являются высокая работоспособность, целеустремленность, достаточный объем практических и теоретических юридических знаний. Профессорско-преподавательский состав на 80 % состоит из кандидатов наук. Работа на факультете позволяет преподавателям не только передавать свои практические знания и умения более молодым коллегам, но и повышать свой профессиональный уровень. В разное время в составе коллектива факультета трудились сотрудники, которые получили признание в других правоохранительных и правоприменительных структурах. Так, доцент кафедры уголовного процесса к. ю. н. В. Ю. Водяная в настоящее время работает судьей Ростовского областного суда, к. э. н. Д. Г. Горобец состоит в должности заместителя руководителя 2-го отдела процессуального контроля Следственного управления СК РФ по Ростовской области, В. В. Ходурский является начальником Управления прокуратуры Ростовской области. В настоящее время три сотрудника филиала являются аспирантами высших учебных заведений Ростовской области.

Можно утверждать, что Первый ФПК представляет собой коллектив единомышленников и профессионалов, готовых решать поставленные перед факультетом задачи.

Второй факультет повышения квалификации (с дислокацией в г. Екатеринбург). 27 января 2009 г. приказом руководителя Следственного управления СКП РФ по Сверд-

⁴ СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

⁵ СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2833.

ловской области, во исполнение приказа Председателя СКП РФ, в г. Екатеринбург был создан отдел профессионального развития (учебный центр).

Исполняющим обязанности руководителя отдела был назначен заместитель руководителя отдела криминалистики Следственного управления СКП РФ по Свердловской области С. М. Хуснитдинов.

С 17 марта 2009 г. отдел возглавил доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Валерий Николаевич Карагодин. Сборы по повышению квалификации в первой половине 2009 г. проводились в одной аудитории учебного здания Уральского государственного педагогического университета, а затем — в актовом зале Следственного управления Следственного комитета при прокуратуре РФ по Свердловской области. Все сотрудники размещались в одном служебном кабинете.

22 августа 2012 г. отдел был преобразован в Екатеринбургский филиал Института повышения квалификации Следственного комитета. При этом филиал разместился в здании Следственного комитета по Свердловской области.

17 января 2014 г., в связи с созданием Академии, приказом Председателя Следственного комитета Екатеринбургский филиал Института повышения квалификации был преобразован во Второй ФПК Академии.

Третий факультет повышения квалификации (с дислокацией в г. Новосибирск). Знаменательно, что рождение будущего института, а в последующем факультета Академии произошло в сибирской колыбели науки — в Новосибирском академгородке, на базе и площадях юридического факультета Новосибирского государственного университета.

Идея профессионального образования в системе Следственного комитета начала реализовываться с создания учебных центров (отделов профессионального развития) в следственных управлениях при прокуратуре Российской Федерации в центрах федеральных округов. По этому принципу был создан Новосибирский учебный центр — в качестве отдела профессионального развития Следственного управления Следственного комитета РФ при прокуратуре Российской Федерации по Новосибирской области. Торжественное открытие учебного центра состоялось 19 января 2009 г. Руководителем отдела профессионального развития (учебного центра) был назначен старший советник юстиции А. П. Николаев.

Учебный центр проводит курсы повышения квалификации для сотрудников следственных управлений, входящих в состав Сибирского федерального округа.

В 2013 г. филиал получил в пользование помещения, отвечающие требованиям образовательного процесса. В здании, расположенном в центре города, имеется достаточное количество аудиторных помещений.

С созданием Академии в 2014 г. филиал Института преобразован в Третий ФПК Академии, который возглавил полковник юстиции Андрей Павлович Николаев.

Не меняя стратегии и действуя по принципу наступательности, коллектив Третьего ФПК ведет большую работу по развитию и повышению эффективности работы подразделения.

С целью усовершенствования учебного процесса большое внимание придается такой форме, как обратная связь. Мнения и пожелания слушателей учитываются при формировании расписания и применении новых форм обучения.

Несмотря на краткую историю существования, на факультете уже сложились традиции, которые касаются взаимоотношений и со слушателями, и с бывшими работниками. Факультет достойно проводил на пенсию двух преподавателей. Преподавательский состав факультета использует в работе опыт ушедших коллег, привнося свой вклад в образовательный процесс.

Четвертый факультет повышения квалификации (с дислокацией в г. Нижний Новгород). Становление Четвертого ФПК началось с момента образования в федеральных округах отделов профессионального развития (учебных центров).

В 2009 г. Следственным управлением СКП РФ по Нижегородской области во исполнение приказа первого заместителя Генерального прокурора РФ — Председателя СКП РФ от 3 октября 2008 г. № 84 «Об институтах (учебных центрах) Следственного комитета при прокуратуре РФ в федеральных округах» проводились мероприятия, необходимые для образования Института повышения квалификации СКП РФ в Приволжском федеральном округе — подготовительные действия для повышения квалификации следователей с непродолжительным стажем работы в занимаемых должностях.

Лицами, ответственными за организацию учебного процесса, являлись референт Следственного отдела СКП РФ по Приволжскому фе-

деральному округу Е. А. Малиновский и заместитель руководителя отдела криминалистики Следственного управления СКП РФ по Нижегородской области П. А. Сергеев.

Под руководством В. В. Стравинскаса — руководителя Следственного управления СКП РФ по Нижегородской области — организована подготовительная работа по созданию курсов повышения квалификации.

В течение четырех месяцев на базе гостиничного комплекса Международной олимпийской академии спорта, расположенного в г. Кстово Нижегородской области, проводилось повышение квалификации 87 следователей региональных следственных управлений СКП РФ Приволжского федерального округа по дополнительной профессиональной образовательной программе «Проблемы раскрытия и расследования тяжких и особо тяжких преступлений против личности».

По решению СКП РФ (приказ от 22.01.2009 № 12-ш) в структуре Следственного управления по Нижегородской области создан отдел профессионального развития (Учебный центр), задачей которого являлось повышение квалификации сотрудников следственных управлений, входящих в Приволжский федеральный округ.

Возглавила Учебный центр кандидат педагогических наук Елена Александровна Курнышева.

С 1 сентября 2009 г. августа 2009 г. Учебный центр начал обучение по трем дополнительным профессиональным образовательным программам: «Проблемы раскрытия и расследования тяжких и особо тяжких преступлений против личности», «Расследование коррупционных преступлений» и «Организация процессуального контроля в следственных органах Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации».

Одновременно с учебным процессом сотрудники отдела профессионального развития занимались подготовкой учебно-методической документации: учебных и учебно-тематических планов, программ по всем преподаваемым дисциплинам, документов организационного характера.

При этом в Учебном центре было создано периодическое издание «Вестник Учебного центра Следственного управления Следственного комитета при прокуратуре РФ по Нижегородской области», которое издавалось раз в квартал и содержало научно-исследовательские работы как сотрудников отдела, так и слушателей, проходящих обучение.

20 марта 2012 г. при создании в системе Следственного комитета Института повышения квалификации Следственного комитета на базе отдела профессионального развития (Учебного центра) создан Нижегородский филиал.

17 января 2014 г. на базе Нижегородского филиала Института повышения квалификации создан Четвертый ФПК Академии.

Факультет интенсивно развивается, растут масштабы его деятельности, совершенствуется качество образовательного процесса. Четвертый ФПК вступил в новый этап своей жизни. Факультет переехал в новое здание, с более комфортными условиями для осуществления учебного процесса и размещения сотрудников. Сегодня обучение слушателей может осуществляться одновременно на трех потоках.

Пятый факультет повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровск). Большая удаленность территориальных органов Следственного комитета Дальневосточного федерального округа значительно осложняла проведение обучения сотрудников Следственного комитета в центральных регионах России.

Руководством СКП РФ в 2008 г. было принято решение о создании на Дальнем Востоке ведомственного подразделения, осуществляющего повышение квалификации сотрудников СКП РФ. Приказом первого заместителя Генерального прокурора РФ — Председателя СКП РФ от 3 октября 2008 г. создан отдел профессионального развития (Учебный центр) Следственного управления СКП РФ по Хабаровскому краю.

В кратчайшие сроки Учебный центр был укомплектован высококвалифицированными сотрудниками, имеющими богатый педагогический опыт. Все штатные сотрудники Учебного центра имели практический опыт следственной деятельности.

Пятый ФПК — единственное учебное подразделение для подготовки сотрудников СК России на этом огромном пространстве, занимающем 30 % территории Российской Федерации и охватывающем 9 территориальных и 2 военных следственных управлений Следственного комитета Российской Федерации.

17 июля 2012 г. приказом Председателя Следственного комитета на базе Учебного центра образован Хабаровский филиал Института Следственного комитета.

17 января 2014 г. приказом Председателя Следственного комитета в составе Института повышения квалификации Академии След-

ственного комитета на базе Хабаровского филиала Института повышения квалификации Следственного комитета был образован Пятый ФПК.

С февраля 2011 г. подразделение возглавляет заслуженный юрист РФ Ирина Степановна Трубчик, имеющая большой стаж следственной и руководящей работы в правоохранительных органах.

Факультетом активно ведется научно-исследовательская и редакционно-издательская деятельность.

Так, по инициативе сотрудников в следственном управлении был создан научно-консультативный совет Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Хабаровскому краю.

Профессорско-преподавательский состав факультета принимает активное участие в научно-практических конференциях и семинарах, проводимых высшими учебными заведениями и органами государственной власти. Сотрудники факультета участвуют в проведении научно-практических конференций и круглых столов регионального всероссийского и международного уровня.

Шестой факультет повышения квалификации (с дислокацией в г. Санкт-Петербург). Санкт-Петербургский филиал Института повышения квалификации Следственного комитета создан 30 октября 2012 г. приказом Председа-

теля Следственного комитета от 16 октября 2012 г.

В сентябре 2013 г. директором Санкт-Петербургского филиала был назначен Владимир Григорьевич Киршин. До этого назначения В. Г. Киршин два года занимал аналогичную должность в Новосибирском филиале. За его плечами огромный опыт работы в следственных органах: сначала помощником Альметьевского городского прокурора, старшим следователем Альметьевской городской прокуратуры, старшим следователем Прокуратуры Республики Татарстан, Бавлинским городским прокурором; Лениногорским городским прокурором, руководителем Следственного управления СКП РФ по Республике Татарстан.

С 7 февраля 2014 г. Санкт-Петербургский филиал преобразован в Шестой ФПК. В настоящее время штат факультета полностью укомплектован. С июля 2014 г. факультет базируется в здании, расположенном в центре Санкт-Петербурга — на Васильевском острове.

1 сентября 2014 г. Шестой ФПК принял слушателей в новом здании.

В заключение необходимо отметить, что у Академии Следственного комитета РФ имеются все возможности и ресурсы, чтобы воспитать и обучить следователей для работы в системе Следственного комитета и стать престижным учебным заведением в системе вузов, осуществляющих подготовку юристов.

Материал поступил в редакцию 27 августа 2015 г.

THE ACADEMY OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION

BAGMET Anatoly Mikhailovich — Ph.D. in Law, Associate Professor, Acting Rector of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

[akskrf@yandex.ru]

125080, Russia, Moscow, ul. Vrubelya, d. 12.

Review. *The article considers the goals, objectives and functions of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, inter alia, its St. Petersburg branch and Faculties of Advanced Training.*

Initially, in 2010 the Advanced Training Institute of the Investigative Committee was founded and the first students were enrolled in November 2010. During the five years of the Institute operation 10,000 officers of the Investigative Committee have improved their qualification.

In January 2014 The Academy of the Investigative Committee was founded on the basis of the Institute. In February 2014 the Federal Service for Supervision in Education and Science granted the Academy the license for educational activity in a number of educational programs of higher and secondary vocational education. In April 2014 the Academy was granted a license to conduct educational activities in Specialists' training program «Legal Maintenance of National Security and Masters' training program «Jurisprudence».

The main goal pursued by the Academy is training lawyers (investigators) within the framework of the Investigative Committee and improving the level of professionalism of investigators. In September 2014 the Academy enrolled its first students. The distinctive feature of legal education for future investigators is the necessity to master both theoretical subjects (core

subjects) studied by lawyers and to improve practical skills necessary to investigate crimes. Currently, the Academy structure includes two educational institutions, namely, the Law Institute and the Advanced Training Institute. The Law Institute provides for two higher education programs: the Specialist's training program "Legal protection of national security" and Master's training program "Investigative Activities".

The structure of the Academy also includes the branch in St.Petersburg where higher education training programs are provided for and six Faculties in St.Petersburg, Rostov-on-Don, Nizhny Novgorod, Yekaterinburg, Novosibirsk, Khabarovsk, where additional vocational training programs are provided.

The Academy has both capacity and resources for educating and training investigators to work in the system of the Investigative Committee.

Keywords: Investigative Committee of the Russian Federation, education, specialist's training program, master's training program, postgraduate studies, investigator, student, Advanced Training Institute, Academy of the Investigative Committee, St.Petersburg branch, Advanced Training Faculty.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

В. Н. Карагодин*

НАУЧНЫЙ ХАРАКТЕР И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ РЕКОМЕНДАЦИЙ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Аннотация. Рассмотрение вопросов заявленной проблематики начинается с анализа понятия «рекомендации» в широком смысле этого слова. Затем дается краткий исторический анализ трансформации представлений о научном характере знаний на различных этапах развития науки.

Для более тщательного исследования критериев научного характера предлагаются авторские и разработанные другими учеными классификации рекомендаций по борьбе с преступностью. В зависимости от того, при проведении исследований в каких отраслях науки разрабатывались рекомендации, они дифференцируются на криминологические, правовые, криминалистические и организационно-управленческие, а также на общие, специальные и индивидуальные, комплексные и несистемные.

В статье описывается алгоритм разработки общих рекомендаций по борьбе с преступностью в целом. Он предусматривает репрезентативное и объективное научное исследование криминогенной ситуации в стране, влияния на нее деятельности управомоченных органов. Автор подчеркивает, что в ходе изучения следует выявлять не просто негативные явления, а закономерности их повторяемости. На основе проведенных исследований строится теоретическая модель криминогенной ситуации, объединяющая параметры отдельных видов преступности и обуславливающие их факторы.

С учетом этого избираются средства и методы борьбы с преступностью, разрабатываются соответствующие рекомендации по их применению. Эта деятельность должна быть согласована с уголовно-правовой политикой, являющейся частью общеправовой и общегосударственной политики. Поэтому при формировании уголовно-правовой политики учитываются условия социально-экономической обстановки в стране, требующей создания условий, благоприятных для ее экономического развития. В этой связи высказываются предложения по совершенствованию уголовно-правовых мер по обеспечению безопасности бизнеса в нашей стране, защите прав других лиц.

В статье исследуются также некоторые проблемы уголовно-процессуальной и организационно-управленческой деятельности, высказываются суждения о направлениях их совершенствования.

В качестве средств практической реализации уголовно-правовой политики предлагается разрабатывать комплексные перспективные, промежуточные и текущие программы борьбы с преступностью.

При анализе специальных рекомендаций по борьбе с преступностью отмечается разобщенность, недостаточные обоснованность и конкретность некоторых из них.

© Карагодин В. Н., 2016

* Карагодин Валерий Николаевич, доктор юридических наук, заместитель директора, декан второго факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Екатеринбург) Института повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации, заслуженный юрист РФ, полковник юстиции

uc.ural@mail.ru

620142, Россия, г. Екатеринбург, ул. Щорса, д. 18

В статье рассматриваются и проблемы практической реализации разработанных в теории рекомендаций, излагаются соответствующие предложения по их внедрению в практику.

Критикуя инициаторов создания законов о внедрении научных рекомендаций в правоприменительную практику, автор предлагает формировать электронные банки для хранения таких продуктов научной деятельности.

Ключевые слова: рекомендации, критерии научного характера, разработка криминалистических рекомендаций, борьба с преступностью, криминогенная ситуация, факторы преступности, параметры и факторы преступности, уголовно-правовая политика, уголовно-правовые меры, программа борьбы с преступностью, научные рекомендации.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.113.4.019-033

Задачи эффективного воздействия на внутреннюю и международную преступность признаются актуальными практически всеми странами мира. Россия в этом плане не является исключением. В то же время уникальность нашего общества состоит в том, что большинство его граждан, а самое главное — представителей органов законодательной власти полагают, что избрание и реализация средств, методов влияния на преступность как безусловно опасное для любого государства социальное явление не требуют глубоких и научных обоснований. Современные расширенные возможности опубликования в печатных, электронных, видео- и аудиоизданиях привели к тиражированию разного рода идей о методах и средствах если не полного искоренения, то, как это теперь модно выражаться, продуктивного противодействия преступности.

Представляется, что многие подобные сообщения, облеченные в разную форму и даже озаглавленные как «рекомендации», ничего общего с ними не имеют.

Рекомендации, по нашему мнению, всегда представляют собой научно обоснованные предложения об использовании в определенных условиях конкретных средств, а также приемов и методов их применения.

В теории криминалистики сущность рекомендаций традиционно раскрывается через термин «совет»¹. Представляется, что данное выражение чаще используется для обозначения пожеланий о направлении, стиле деятель-

ности, об образе действий в общебытовых или служебно-производственных ситуациях. В основе совета лежит, как правило, не научное, а обыденное познание, не предполагающее выяснения и объяснения причин предлагаемого поведения, его обусловленности какими-либо факторами, наличием связей между ним и другими событиями и т.п. Основаны советы, как правило, на опыте их автора и в лучшем случае еще нескольких лиц.

Научное обоснование предполагает проведение научных исследований, отвечающих определенным критериям.

Оценки преступности и связанных с ней социальных явлений нередко не отражают существенных признаков оцениваемых событий. Формулируемые на этой основе предложения (чаще всего по совершенствованию закона) не имеют какого-либо практического значения. В качестве примера может быть приведена выдержка из опубликованной в уважаемом российском издании законодательной новеллы: «Для дисциплинирования недобросовестных должностных лиц закрепить в законе, что срок незаконного приостановления предварительного расследования добавляется к общему процессуальному сроку производства по уголовному делу. Аналогичный способ применим и в случае принятия решения о незаконном прекращении уголовного дела либо уголовного преследования»². Никакого обоснования приведенному суждению не дается. Предложение автора не выдерживает критики.

¹ Например: Рекомендация криминалистическая // Криминалистика : Краткая энциклопедия / авт.-сост. Р. С. Белкин. М., 1993. С. 66—67 ; Корноухов В. Е. Структура особенной части криминалистики // Курс криминалистики. Особенная часть. Т. 1 : Методики расследования насильственных и корыстно-насильственных преступлений / отв. ред. В. Е. Корноухов. М., 2001. С. 9.

² Богословская Е. Разумный срок уголовного преследования // Законность. 2015. № 4. С. 58.

Непонятно, почему на недобросовестного работника должно подействовать подобное исчисление сроков. С равной вероятностью можно предполагать, что такое нововведение не окажет никакого влияния на нерадивого или добросовестно заблуждающегося следователя. Не возникло у инициатора таких новаций и мысли о том, что их реализация может привести к полной утрате возможности продолжения процесса в связи с истечением установленных сроков его проведения.

Вопросы определения научного характера издавна являются предметом дискуссии в науковедении и отдельных отраслях научного знания. Учеными отмечается изменение критериев научности знания вместе с трансформацией представлений о меганауке, формирующихся на различных этапах эволюции общества. Независимо от этого критериями научности считаются признаки знания, позволяющие относить его к научному. На основе критериев формируется идеал, или оптимальная модель научности, отражающая доминирующие представления определенного периода времени. Так, выделяется классическая наука XVII—XIX вв., в которой научность отождествлялась с истинностью и объективностью знания. В эту эпоху, характеризующуюся борьбой науки с религией, ставилась задача достижения истины, т.е. получения в результате научных исследований безусловно достоверных знаний. Трактовка объективности научных знаний связывается с нацеленностью на конкретный объект и независимостью от субъекта познания. Отдельно выделяется критерий доказанности и обоснованности знаний, что означает аргументацию результатов научных изысканий. К сожалению, в научных работах по юридической тематике этот критерий сводится в основном к перечислению нескольких позиций разных ученых, затем к подтверждению одной из них статистическими данными и выводу о ее доказанности. В итоге выдаются рекомендации об использовании в научной и практической деятельности выводов и положений из наиболее приемлемой, по мнению автора, позиции.

В неклассической модели науки, сформировавшейся к началу XX в., критерии научно-

сти сместились к признанию относительной истинности знаний, влияния эмпирических и теоретических средств познания на истинность и объективность получаемых знаний, активности исследователя в процессе познания, плюрализма мнений и равноправия различных концепций и теорий, касающихся одного объекта изучения.

В постнеклассической науке последней четверти XX в. сохранились в общем виде вышеперечисленные критерии. В то же время усиливается аксиологический аспект, подчеркивающий связь ценностно-целевых установок субъекта познания, выделяется критерий связи науки с социокультурной жизнью, ее ценностями и идеалами³.

Представляется, что все эти критерии в полной мере распространяются на научные рекомендации по борьбе с преступностью.

Для более внимательного исследования этих критериев полагаем необходимым классифицировать названные рекомендации.

В зависимости от того, при проведении исследований в каких отраслях юридических наук разработаны рекомендации, они могут быть дифференцированы на криминологические, правовые, криминалистические и организационно-управленческие.

Следует оговориться, что рассматриваемые рекомендации могут разрабатываться при проведении исследований в рамках не только юридических наук, но и общегуманитарных: социологии, экономики, психологии и т.п. По вполне понятным причинам мы остановимся лишь на рекомендациях, конструируемых на основе изысканий в области юридических наук. Что касается мер правового характера, то среди них в настоящей публикации будут затронуты рекомендации, разрабатываемые науками уголовного материального и процессуального права.

По аналогии с мерами предупреждения преступности анализируемые рекомендации могут быть классифицированы на общие, специальные и индивидуальные⁴.

Под общими рекомендациями следует понимать предложения, направленные на борьбу с преступностью в целом, под специаль-

³ Полякова Я. С. Трансформация идеала и критериев научности // Физическое воспитание и спортивная тренировка. 2011. № 1 (1). С. 184.

⁴ URL: http://cribs.me/kriminologiya/sistema-preduprezhdeniya-prestupnosti-subekty-obekty-mery-vozdeistviya_ (дата обращения: 05.05.2015).

ными — с отдельными видами преступлений, совершаемых определенными типами субъектов или в выделяемых типовых условиях обстановки, под индивидуальными — с конкретными преступлениями.

По своему содержанию рекомендации могут быть дифференцированы на комплексные и несистемные.

К сожалению, следует отметить, что комплексных рекомендаций, содержащих предложения о принятии системы взаимосвязанных мер по борьбе с преступностью в целом или отдельных ее видов, в нашей стране разрабатывается явно недостаточно. Комплексными должны быть прежде всего рекомендации общего и специального характера. Известно, что любой деятельности системность придает общая конечная цель.

Как ни странно, но и относительно целей воздействия на преступность в нашей стране единое мнение отсутствует. В теории уголовного права продолжается дискуссия о возможности и необходимости сосредоточения усилий государства только на ограничении преступности на одном приемлемом уровне или о полном ее искоренении. Нам более импонирует позиция ученых, полагающих, что пропагандируемая рядом авторов умеренная концепция сдерживания может привести от компромисса к дружбе с преступным миром. В государстве, озабоченном не только днем сегодняшним, но и будущим своего населения и общества, должна ставиться и осуществляться цель непримиримой борьбы с преступностью, ее полного искоренения⁵.

К сказанному можно лишь добавить, что именно эта цель дает установку на активную деятельность против преступности, создающей препятствия на пути социально-экономического развития страны. Названная цель также определяет идеологию государства и общества по отношению к преступности, с которой априори не может быть мирного сосуществования.

На сегодняшний день уровень преступности в России оценивается отечественными и зарубежными предпринимателями как один

из факторов, влияющих на отказ от инвестиций в экономику нашей страны. Эта же причина называется в числе главных препон для малого и среднего бизнеса, по общему правилу являющегося ядром экономики развитых стран.

Из генеральной цели должны выводиться промежуточные, последовательное достижение которых позволяет осуществить и конечную. Эти цели обуславливаются комплексом социально-экономических факторов. Среди них выделяются прежде всего потребности общества в определенных изменениях преступности, действиях, позволяющих добиться позитивных результатов в социально-экономической деятельности, других сферах жизни общества, отдельных его групп и индивидов.

Названные потребности выявляются в ходе проведения криминологических исследований, оценки ситуации как требующей или не требующей применения конкретных мер борьбы с преступностью.

В этой связи представляются заслуживающими внимания высказывания о том, что скольконибудь полные криминологические исследования в нашей стране не проводятся. Поэтому отсутствуют и объективные, достоверные данные «о криминологической обстановке в мире, стране, регионе»⁶. Вряд ли можно возразить против подобного весьма пессимистичного, но, бесспорно, обоснованного суждения.

Уже длительное время анализ криминологической обстановки подменяется показателями официальной статистики, свидетельствующими об увеличении количества тех или иных преступлений. Приводя эти данные, руководители органов и ведомств, к функциям которых относится борьба с преступностью, в большинстве случаев не пытаются выявлять связи между сообщаемыми сведениями и социально-экономическими явлениями, увязывая положительную динамику с деятельностью возглавляемого учреждения, а негативную — с неэффективной работой подконтрольных, поднадзорных или иных институтов.

В результате в научной печати приводятся самые разные данные о реальном количестве преступлений, совершаемых ежегодно в нашей

⁵ *Бойко А. И.* Мечтать не вредно (о политических увлечениях в современном обществознании и уголовно-правовой науке) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 3. С. 30—32.

⁶ *Лунеев В. В.* Соотношение криминальных реалий и теорий права в России (доклад на конференции «Актуальные аспекты анализа и обобщения современного правоведения») // Государство и право. 2015. № 4. С. 113—114.

стране. Они колеблются от 4 млн до 23—24 млн в год⁷. Следует согласиться, что официальные статистические сведения о зарегистрированных преступлениях не отражают реального состояния преступности. Однако, судя по приведенным данным, существующие методики научных исследований вполне позволяют оценить криминогенную ситуацию в России как крайне неблагоприятную для социально-экономического развития общества в целом и полноценной, безопасной жизни каждого из его членов.

В нашей стране наблюдается устойчивая тенденция в любом случае уповать на помощь государства и лиц, осуществляющих властные полномочия. При отсутствии поддержки со стороны названных субъектов творческая инициатива угасает, а научные исследования прекращаются. Представляется, что ученые, научные коллективы и учреждения должны быть заинтересованы в проведении исследований преступности в нашей стране на макроуровне. Несомненно, отсутствие доступа к информации обо всех сообщениях, заявлениях о совершенных преступлениях создает серьезные трудности для объективной оценки реального уровня преступности. Однако и доступная информация позволяет судить о весьма сложной и крайне опасной ситуации для государства, субъектов предпринимательской, других видов социально полезной деятельности и безопасности каждого индивида.

Наконец, научные изыскания возможно проводить не только с помощью методов исследования статистических данных о преступности. Допустимы выборочное изучение реальных материалов, по которым отказано в возбуждении уголовного дела, прекращенных или приостановленных производством уголовных дел, а также рассмотренных в судебном порядке уголовных дел.

Думается, что ограничения доступа к информации о преступности в разной степени существовали всегда и сохраняются в будущем в самых разных государствах, отличающихся по уровню развития и условиям криминогенной ситуации. Однако это не должно останавливать исследователей.

В результате проведения исследований должны быть определены наиболее опасные условия криминогенной ситуации, которые

в первую очередь нуждаются в изменении. Важно установление причин возникновения указанных условий, т.е. наиболее опасных видов преступности, их связей с различными благоприятными для развития и препятствующими факторами.

Исследованию подлежит также деятельность уполномоченных органов по борьбе с преступностью. В процессе такого изучения недостаточно только выявления промахов и погрешностей. Следует не просто регистрировать, а пытаться выявить закономерности повторяемости недостатков, а также факторов, обуславливающих причины и содержание повторяющихся погрешностей. Необходимо подчеркнуть, что в ходе выборочных исследований должна обеспечиваться репрезентативность выводов. Для этого целесообразно использовать достижения математической науки, в которой уже довольно давно разработаны методы расчета пределов достоверности результатов, полученных с помощью конкретных способов и средств.

Обоснованность и достоверность выводов исследований должны проверяться с помощью разных научных методов. Уместно напомнить, что именно с использованием научных методов в классической науке связывается научный характер получаемых знаний. Они являются результатом применения одновременно эмпирических и теоретических методов познания. К первым относятся наблюдение, сравнение, измерение и другие методы изучения конкретных проявлений преступности, а также применявшихся средств по выявлению, расследованию и предупреждению отдельных или совокупности посягательств. При этом в современной науке наблюдаются определенные сложности, так же как и в интерпретации полученного знания⁸.

Результаты исследований должны интерпретироваться с помощью разных научных методов и положений различных концепций и частнонаучных теорий. Такое объяснение позволяет объективно проверить данные.

На основе вышеописанных исследований преступности строится теоретическая модель криминогенной ситуации, объединяющая как отдельные виды преступности, так и факторы, ее обуславливающие. Среди них могут быть

⁷ Лунеев В. В. Указ. соч. С. 112.

⁸ Черникова И. В. Природа науки и критерии научности // Гуманитарный вектор. 2012. № 3. С. 95.

выделены основные элементы, или узлы, представляющие собой:

- а) факторы, требующие первоочередного реагирования в связи с более высокой общественной опасностью;
- б) условия, изменение которых позволяет в короткие сроки полностью или частично разрешить основные проблемы.

С учетом этого избираются методы и средства борьбы с преступностью, разрабатываются соответствующие рекомендации. Следует подчеркнуть, что эта деятельность осуществляется в русле реализуемой в этот период уголовной политики. В ряде ситуаций на основе анализа состояния преступности могут вноситься предложения о полном или частичном изменении уголовной политики. Нельзя не отметить, что в теории отечественного уголовного права нет единого мнения относительно понятия и содержания уголовно-правовой политики⁹. Не вдаваясь в подробности дискуссии по этому поводу, хотелось бы прежде всего присоединиться к мнению ученых, оспаривающих пессимистические утверждения некоторых авторов об отсутствии в России уголовно-правовой политики как таковой. Нельзя отрицать, что уголовно-правовая политика как элемент государственной политики осуществляется во все периоды времени. Она действительно может страдать недостатками и даже находиться в кризисе, но какая-то уголовная политика все-таки осуществляется¹⁰.

Несомненно и то, что уголовно-правовая политика является частью правовой, которая, в свою очередь, входит в государственную политику. Поэтому при разработке и осуществлении уголовно-правовой политики должны учитываться как основные принципы, направления общей государственной, так и правовой политики.

Вряд ли вызывает сомнения, что между этими институтами в действительности больше нестыковок, чем взаимодействия и согласованности.

В настоящее время основная дискуссия по поводу направлений уголовно-правовой политики сводится к криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации. При этом в законодательной практике преобладает увеличение норм, предусматривающих ответственность за все новые и новые преступления, ужесточение наказания за ранее предусмотренные уголовным законом.

Отсутствие единого документа, содержащего основные положения уголовно-правовой политики, обуславливает бессистемность и рассогласованность изменений закона, не способствует эффективности деятельности по его применению.

В этой связи привлекает внимание проект Концепции уголовно-правовой политики России, подготовленный экспертами комиссии Общественной палаты Российской Федерации. Авторы полагают его вполне достаточным для принятия в виде закона, хотя и признают некоторую его односторонность, поскольку в Концепции затрагиваются лишь уголовно-правовые вопросы. Проблемы же уголовно-процессуальные, криминологические, пенитенциарные в ней не рассматриваются. Тем не менее авторы настаивают на принятии Концепции, чтобы остановить поток необоснованных законодательных инициатив и бесконечных изменений закона¹¹.

Принимая к сведению объяснения причин отсутствия в обсуждаемом проекте вышеуказанных элементов уголовно-правовой политики, хотелось бы заметить, что с момента обнародования обсуждаемого документа прошло более 3 лет. Насколько можно понять, за этот период не удалось восполнить имеющиеся пробелы. Кроме этого, обращает на себя внимание явно недостаточный уровень обсуждения предлагаемой Концепции — только среди ученых-теоретиков.

Представляется, что для реализации предложенного проекта требуется значительно более широкое обсуждение. В частности, среди слоев

⁹ См., например: *Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф.* Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006 ; *Бородин С. В.* Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М., 1990 ; *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности. М., 2013.

¹⁰ *Федоров А. В.* Основные тенденции развития российской законодательной уголовно-правовой антинаркотической политики // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 3 (14). С. 115.

¹¹ *Коробеев А. И.* Уголовно-правовая политика современной России в сфере пенализации (депенализации): кнут или пряник? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 3 (14). С. 52.

и групп населения, в интересах которых разрабатывается и реализуется уголовно-правовая политика. Проект Концепции необходимо обсуждать среди социально активных групп — предпринимателей, представителей политических партий и общественных организаций, в коллективах ученых, работающих в других отраслях знания, студентов и т.п. Наконец, проект следовало бы обсудить и с сотрудниками следственных и судебных органов, прокуратуры, иных учреждений, которым предстоит непосредственно и в большей степени реализовывать уголовно-правовую политику.

Думается, что при дальнейшей разработке этого или другого проекта следует учитывать социально-экономическую обстановку в стране, обусловленную ею криминогенную ситуацию, результативность деятельности правоприменительных органов.

В ситуации экономического кризиса перед органами государственной власти ставится задача создания условий, благоприятствующих расширению и развитию предпринимательской деятельности. Думается, что в решении этой задачи могут быть использованы и уголовно-правовые средства. Прежде всего должны быть выделены средства обеспечения безопасности правомерной предпринимательской деятельности от преступных посягательств. В первую очередь надлежит более четко сформулировать нормы закона, предусматривающие ответственность за преступления, получившие название рейдерских захватов. На сегодня ответственность за подобные деяния предусмотрена различными нормами Уголовного кодекса. Требуется своего разрешения ситуация, характеризующаяся возможностью привлечения к уголовной ответственности в связи с внутрикорпоративными спорами. В подобных ситуациях уголовно-правовые средства используются для незаконного захвата предприятия, его имущества или средств, находящихся в долевой или совместной собственности. Нужны и другие изменения уголовного закона в соответствии с нормами гражданского, предпринимательского, административного права, регламентирующими отношения собственности, предпринимательскую деятельность и ее защиту от противоправных посягательств.

Не менее важной задачей является уголовно-правовая защита имущественных прав фи-

зических лиц, в том числе от посягательств, совершаемых в связи с мнимым или действительным осуществлением предпринимательской деятельности.

Думается, что среди уголовно-правовых мер борьбы с этими, а также другими посягательствами должны быть предусмотрены стимулы для отказа от продолжения преступной деятельности и возмещения причиненного ею вреда. Существующие в настоящее время стимулы малоэффективны. Например, в следственной практике значительно сокращается количество прекращенных уголовных дел о налоговых преступлениях в связи с погашением возникшей задолженности. Обвиняемые открыто заявляют, что в качестве наказания им будет назначен штраф, размер которого гораздо меньше суммы задолженности. Уплата штрафа будет осуществляться за счет средств предприятия, под разными предлогами выплачиваемыми предпринимателю. Поэтому погашение недоимки, штрафов и пеней представляется нецелесообразным.

Остаются актуальными проблемы борьбы с коррупцией. Среди них могут быть названы сложности определения должностного и служебного статуса предполагаемых виновников преступления.

Судебная практика по этому поводу неоднозначна и противоречива. В значительной степени этим можно объяснить парадоксальные показатели антикоррупционной деятельности, в результате которой число лиц, привлеченных к ответственности за дачу взятки, почти в три раза превышает количество осужденных за получение взятки. Весьма удивительна и судебная практика, в которой субъект за предложение взятки сотрудникам полиции в размере 200 руб. наказывается лишением свободы в колонии строгого режима¹², а для обвиняемой в хищении государственного имущества на сумму около 3 млрд руб., совершившей преступление с использованием должностного положения и не признающей себя виновной, прокурор просит назначить условное наказание.

Представляется, что если разработка уголовной политики России требует серьезных временных и материальных затрат, то программа борьбы с коррупцией уже практически реализуется. Необходимы лишь объективная оценка проделанной работы, выявление при-

¹² Куликов В. Что с них взять // Российская газета. 5 мая 2015 г.

чин ее малой эффективности, что не представляет особых трудностей. С учетом этого необходимо определить комплекс мероприятий по совершенствованию законодательства, повышению продуктивности раскрытия и расследования преступлений рассматриваемой группы.

Элементом уголовно-правовой политики является уголовно-процессуальная составляющая. Некоторые ученые справедливо отмечают проблемы нынешнего уголовно-процессуального законодательства в части неполного и неверного формулирования задач и принципов уголовного судопроизводства, что лишает эту деятельность системности и, как следствие, существенно понижает ее эффективность¹³.

Несомненно, круг проблем современного уголовно-процессуального законодательства достаточно широк. Значительная часть из них относится к регулированию на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Остается дискуссионным вопрос о стадии возбуждения уголовного дела¹⁴. В настоящее время в некоторых региональных управлениях Следственного комитета РФ количество проверяемых на этой стадии материалов в десятки раз превышает число расследованных уголовных дел. Значительная часть из них — это материалы проверки обстоятельств смерти лиц, при обнаружении и медицинском исследовании которых не выявлено признаков насильственной смерти. Как правило, основной сложностью таких проверок является получение актов судебно-медицинского исследования трупов. Время ожидания следователями этого документа в некоторых регионах достигает 30 дней.

В то же время проверка ряда сообщений о некоторых видах преступлений (коррупционных, совершаемых в сфере экономической деятельности, связанных с управлением техникой и техническими средствами, механизмами и т.п.) нередко осуществляется в сложных ситуациях, для разрешения которых необходимы следственные действия, производство которых на стадии возбуждения уголовного дела не разрешено законом.

Довольно серьезные проблемы возникают в связи с проверкой сообщения о готовящемся преступлении. Как известно, в этих ситуациях следствие поручает органам дознания проведение оперативно-розыскных мероприятий по проверке поступившего заявления и задержания виновных с поличным в случае его подтверждения. При этом следователь лишен права требовать проведения конкретных оперативно-розыскных мероприятий, рекомендовать их тактику и т.п. Субъекты оперативно-розыскной деятельности, не обладая достаточной уголовно-процессуальной подготовкой, при фиксации проводимых мероприятий допускают различные погрешности. А потом в судах дефектные документы, отражающие ход и результаты оперативно-розыскных действий, признаются недопустимыми доказательствами.

Неясно и процессуальное положение задержанного, который не может быть наделен статусом подозреваемого до возбуждения уголовного дела. Для разрешения этих проблем нами предлагалось дополнить главу 19 УПК РФ статьей 144.1, определяющей порядок, основания, сроки задержания с поличным, возможность привлечения к его проведению субъектов оперативно-розыскной деятельности, права задержанного¹⁵.

В целом в уголовно-процессуальном законе должны быть более четко определены границы уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, установлены правила формирования процессуальных доказательств на основе оперативно-розыскных данных. Необходимо исключить проведение так называемых гласных оперативно-розыскных мероприятий, фактически подменяющих процессуальную деятельность на стадии возбуждения уголовного дела. Осуществляющие ее сотрудники нередко используют отсутствие каких-либо правил проведения таких действий для незаконного воздействия на предполагаемых виновников исследуемого деяния и даже для совершения коррупционных преступлений.

¹³ Володина Л. М. Некоторые проблемы российской уголовной политики // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 3 (14). С. 229—231.

¹⁴ См., например: Багмет А. М. К вопросу о совершенствовании стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1. С. 27—32; Чекулаев Д. П. Стадия возбуждения уголовного дела: исключить нельзя оставить // Там же. С. 189—201.

¹⁵ Карагодин В. Н. Теория и практика задержания с поличным в российском уголовном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2012. № 6 (87). С. 151.

Продолжаются дискуссии по поводу теории доказывания, не отличающиеся ни корректностью, ни конструктивностью. В результате процедура уголовно-процессуального доказывания все больше детализируется. Причем вносимые в уголовно-процессуальный закон требования увеличивают обязанности следователя по выполнению действий, прямо не связанных с установлением обстоятельств предмета доказывания. Эти предписания в еще большей степени детализируются ведомственными актами, предусматривающими выполнение дополнительных действий якобы во исполнение требований закона. Речь идет о различного рода регистрации полученных и направляемых следователем документов о возбуждении дел о преступлениях, выявленных при расследовании других посягательствах, о соединении этих дел с основным, об уведомлениях и ознакомлениях потерпевших, гражданских истцов, их представителей, а также участников со стороны защиты с различными процессуальными решениями и документами, а также с материалами уголовного дела.

Не меньше обязанностей возлагается на следователя и на заключительной стадии предварительного расследования, после объявления о завершении производства. Заслуживает внимания и поддержки мнение ученых о необходимости освобождения следователя от несвойственных ему функций¹⁶.

Представляется, что назрела необходимость коренным образом изменить структуру уголовного судопроизводства, сделав ее более экономичной и в то же время эффективной. Хотелось бы заметить, что в нашей стране никто никогда не пытался просчитать эргономические показатели уголовного судопроизводства в целом и предварительного следствия в частности. Наверное, пришло время для того, чтобы с помощью соответствующих специалистов определить реальные затраты, потребности и продуктивность работы всех звеньев системы органов по борьбе с преступностью. Это направление представляется перспективным в аспекте подготовки организационно-управленческих рекомендаций.

К этой же категории должны относиться и рекомендации по совершенствованию выше-

указанной системы, повышению результативности, эффективности ее деятельности. Проводимая в России реформа уголовной юстиции приостановлена в связи с обострением экономического кризиса. В результате нереализованным пока остается план создания единого следственного ведомства. Известно, что это направление реформы вызывает яростные возражения, сопряженные порой не с аргументированной критикой, а с простыми нападками и неприличными высказываниями. Приведение каких-либо ссылок на конкретных авторов полагаем неуместным, поскольку их высказывания не содержат ничего заслуживающего внимания. Часть из этих авторов стремится таким образом повысить искусственно внедряемые в нашей стране разнообразные индексы, якобы отражающие научный авторитет. Несмотря на то что эти индексы ничего общего с оценкой имиджа ученого не имеют, мы не желаем увеличивать их значение у вышеназванных авторов.

К положительным результатам проводимой реформы следует отнести возрастающее доверие населения к Следственному комитету РФ. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты различных опросов населения. Несомненно, в деятельности указанного органа есть недостатки, обусловленные объективными и субъективными факторами. Среди последних может быть названо изменение субординации между отдельными звеньями системы уголовной юстиции, в результате чего были нарушены прежние связи, а новые налаживаются с большим трудом. В этой системе один из институтов должен взять на себя координирующую роль. В большей степени для этого подходит прокуратура, которая осуществляет надзор за всеми другими учреждениями, входящими в анализируемую систему. Таким образом, она имеет возможности для обобщения более полной информации о деятельности всей системы. Объективная оценка такой информации позволяет координировать усилия всех элементов системы для достижения положительных результатов в борьбе с преступностью. Однако взаимодействие в этом направлении деятельности должно быть основано на равноправном участии. Речь идет не о

¹⁶ Колоколов Н. А. Ознакомление с материалами уголовного дела. Следователь должен быть освобожден от несвойственных ему функций // Российский следователь. 2014. № 4. С. 3—6.

процессуальной деятельности указанных органов, а именно об организационной. К сожалению, значительная часть сотрудников органов прокуратуры видит свое назначение только в выявлении, регистрации недостатков, нарушений, допущенных работниками других учреждений, являющихся компонентами названной системы. Хотелось бы напомнить, что все звенья этой системы имеют единые конечные цели, предполагающие концентрацию усилий, организацию делового сотрудничества, а не отчуждение, дезинтеграцию.

Представляется, что в уголовной политике должны быть определены не только процессуальные, но и организационно-управленческие функции разных ее субъектов.

Средством практической реализации уголовно-правовой политики могут стать комплексные программы борьбы с преступностью¹⁷. Среди них могут быть выделены перспективные, рассчитанные на срок, в течение которого, по мнению разработчиков, могут быть достигнуты желаемые положительные результаты, и текущие — ежегодные, а также промежуточные.

Сроки действия программ и выполнения предусмотренных ими мероприятий должны быть научно обоснованы. Недопустимо произвольное их определение в соответствии с обыденными субъективными впечатлениями. Сроки должны рассчитываться с учетом происходящих в стране социально-экономических изменений, а также имеющегося опыта осуществления подобных мероприятий.

В научной литературе разрабатывались рекомендации по составлению программ противодействия преступности. Представляется, что они после соответствующей доработки с учетом сегодняшней обстановки в стране и достижений современной науки могут быть реализованы.

В отличие от общих, в разработке специальных рекомендаций по борьбе с отдельными видами преступности накоплен значительный положительный отечественный опыт. В качестве примера могут быть приведены уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, криминологические, криминалистические рекомендации по борьбе с организованной преступностью, преступлениями коррупционной, террористи-

ческой и экстремистской направленности и некоторыми другими.

К достоинствам этих рекомендаций относится их апробация, опыт применения. Одним из главных недостатков, на наш взгляд, является почти полное отсутствие связи между рекомендациями, разрабатываемыми в рамках различных юридических наук. Не в полной мере используются при разработке некоторых рекомендаций достижения иных отраслей научного знания, в частности психологии¹⁸.

Некоторые из специальных рекомендаций, например криминалистические, не отличаются системностью. При их подготовке не учитываются не только достижения других наук, но и положения криминалистических характеристик, обычно предшествующих изложению практических рекомендаций. Авторы значительного количества криминалистических рекомендаций по раскрытию и расследованию преступлений ограничивают их перечнем задач, возникающих на разных этапах расследования, и процессуальных, оперативно-розыскных мероприятий, с помощью которых якобы могут быть разрешены сформировавшиеся следственные ситуации.

Представляется, что специальные рекомендации должны быть адресными, т.е. рассчитаны на понимание и использование определенным потребителем. Чем ниже уровень подготовленности субъекта потребления к восприятию предлагаемых предложений, тем более подробным и аргументированным должно быть изложение рекомендаций. Вообще, рекомендации как результат научного исследования должны, по нашему мнению, обосновываться, разъясняться и излагаться максимально подробно. Это позволит исследователю проверить ход своих рассуждений, выявить допущенные погрешности и принять меры к их устранению.

При подготовке рекомендаций для обсуждения необходимо также учитывать личностные свойства участников, их способности оценивать материал определенного объема и качества. Другими словами, должна быть обеспечена доступность рекомендаций для восприятия.

При этом необходимо избегать использования непонятной для реципиента или сложной для восприятия терминологии, неаргументи-

¹⁷ Бородин С. В. Указ. соч.

¹⁸ См., например: Бирюкова Г. М., Зазыкин В. Г. Психологические аспекты изучения коррупции // Юридическая мысль. 2013. № 1 (75). С. 108—115.

рованных утверждений, многословия и отвлечений от темы. Рекомендации, независимо от объема, целесообразно излагать логически последовательно: от постановки общей проблемы к причинам ее возникновения и затем к путям, средствам, методам разрешения. Тем самым обеспечивается последовательность изложения, облегчается объяснение и аргументация отдельных положений, выводов, создаются условия для более полного и объективного восприятия.

Однако и аргументированные, и обоснованные рекомендации нередко не используются практиками в правоприменительной деятельности. Причинами такого положения являются нигилизм определенной части практических работников, неприятие ими теории вообще, нежелание менять привычное течение деятельности, боязнь неудач, которые могут последовать за попытками практической реализации рекомендаций. Для преодоления этого негативного отношения часть ученых предлагают придать своим научным выводам и рекомендациям силу закона. Как уже упоминалось, в законодательные органы внесено предложение о законодательном утверждении Концепции уголовно-правовой политики России. Высказываются предложения криминалистов о введении Криминалистического кодекса, в котором бы закреплялись предписания о реализации основных криминалистических рекомендаций¹⁹.

Представляется, что некоторые рекомендации не только не могут, но и не должны закрепляться в законе. Исключение составляют рекомендации об изменении действующего закона. Как только они реализуются, а содержащиеся в них положения становятся нормами, они одновременно утрачивают статус научных рекомендаций.

Одним из свойств современной науки является толерантность, предполагающая сосуществование разных теоретических концепций, в том числе и взаимоисключающих.

Следуя логике авторов указанной концепции, нужно принять законы о государственной политике в целом и об отдельных ее видах. Вряд ли существует практическая потребность в этом. Более того, политика не является неизменной, она трансформируется под влиянием

социально-экономической и политической ситуации. Политика реализуется в отдельных программах, предусматривающих последовательное выполнение определенных мероприятий, позволяющих осуществлять предусмотренные концепциями преобразования. Эти программы могут утверждаться органами законодательной и исполнительной власти. Однако реализуемые через них рекомендации должны быть не только обоснованными, но и выполнимыми.

Что же касается предложения законодательного закрепления криминалистических рекомендаций, то его авторы, по-видимому, забыли, что криминалистика является юридической, а не правовой наукой. Кроме того, свойством криминалистических, да и, по-видимому, всех других, рекомендаций является избирательность. Она предполагает свободу выбора рекомендаций с учетом свойств личности пользователя и условий ситуаций, в которых они должны применяться.

Кроме этого, психологией давно установлено, что добровольный, осознанный выбор способа поведения дает больший эффект, нежели принуждение к этому же образу действий. Уместно напомнить и то, что юридическая практика осуществляется в динамично меняющихся ситуациях, требующих от правоприменителя умения своевременно адаптироваться к новым условиям и избирать адекватные им средства, приемы и методы действия. Правовые предписания императивного характера если и не полностью лишают возможности выбора наиболее приемлемых для данных условий рекомендаций, то существенно ограничивают ее.

Для практической реализации научных рекомендаций их содержание должно доводиться до сведения предполагаемого потребителя. Здесь недостаточно простой рассылки практическим органам рекомендаций на бумажных или электронных носителях. Полезна организация их обсуждений. Положительные результаты могут быть достигнуты после пробного использования научных рекомендаций в практике отдельного сотрудника, подразделения, учреждения или территориального образования. Преимущества предлагаемых рекомен-

¹⁹ Халиков А. Н. Проблемы нормативно-правовой регламентации криминалистической методики // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 5 (16). С. 282—283 ; Кучин О. С. О правовой регламентации криминалистических алгоритмов предварительного расследования // Там же. С. 234.

даций могут демонстрироваться в процессе получения основного и дополнительного образования, разного рода проводимых разработчиками тренингов и иных индивидуальных и коллективных учебных и научно-консультационных мероприятий.

Однако и научная обоснованность, продуктивность, а также другие положительные характеристики научных рекомендаций не дают гарантий немедленного востребования их в практике борьбы с преступностью. Иногда для этого требуется довольно длительное время. В связи с этим возникает проблема сохранения и накопления научных рекомендаций. Оптимальным вариантом видится систематизация их в едином учреждении, что позволило бы в кратчайшие сроки извлекать информацию об этих рекомендациях, сравнивать их и отбирать наиболее приемлемые.

В современных условиях в довольно сжатые сроки возможно создание электронных баз данных, которые могут пополняться без какого-либо отбора, бесплатно либо за символическую плату. Как известно, еще академик В. И. Вернадский мечтал о создании интеллектуального центра человечества, в котором бы систематизировался опыт всех стран мира, что позволило бы более достоверно прогнози-

ровать развитие не на основе кратковременных и единичных наблюдений, а на базе многолетних исследований природных и общественных процессов.

Последователи этой идеи предлагают не только накапливать, но и обрабатывать информацию, организовав автоматизированный процесс таким образом, чтобы обеспечить отбор оригинальных идей и предложений. До принятия решения авторы представляемых разработок остаются анонимными. Созданный таким образом массив информации перерабатывается посредством сопоставления уже имеющихся данных с вновь поступившими. С помощью этих банков предлагалось не только накапливать информацию и пользоваться ею, но и проводить обсуждение законопроектов, предложений по изменениям в различных сферах жизни²⁰.

Оптимальным вариантом, по нашему мнению, является создание межведомственного центра по накоплению информации о рекомендациях по борьбе с преступностью. Вполне осознавая весьма слабую вероятность создания такого единого центра, считаем возможным создание нецентрализованных банков данных при органах системы уголовной юстиции, научных и учебных заведениях.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. — М., 2006.
2. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности. — М., 2013.
3. Багмет А. М. К вопросу о совершенствовании стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2014. — № 1.
4. Бирюкова Г. М., Зазыкин В. Г. Психологические аспекты изучения коррупции // Юридическая мысль. — 2013. — № 1 (75).
5. Богословская Е. Разумный срок уголовного преследования // Законность. — 2015. — № 4.
6. Бойко А. И. Мечтать не вредно (о политических увлечениях в современном обществознании и уголовно-правовой науке) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2014. — № 3.
7. Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. — М., 1990.
8. Володина Л. М. Некоторые проблемы российской уголовной политики // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2014. — № 3 (14).
9. Ганжа А. Г. Методика отбора оригинальной информации и ее систематизация // IV Международный форум по информатизации. Конгресс «Общественное развитие и общественная информация». Москва, 23—25 ноября 1999 г. : тезисы докладов. — М., 2000. — Ч. 1.

²⁰ Ганжа А. Г. Методика отбора оригинальной информации и ее систематизация // IV Международный форум по информатизации. Конгресс «Общественное развитие и общественная информация». Москва, 23—25 ноября 1999 г. : тезисы докладов. М., 2000. Ч. 1. С. 24—26.

10. Карагодин В. Н. Теория и практика задержания с поличным в российском уголовном судопроизводстве // Российский юридический журнал. — 2012. — № 6 (87).
11. Колоколов Н. А. Ознакомление с материалами уголовного дела. Следователь должен быть освобожден от несвойственных ему функций // Российский следователь. — 2014. — № 4.
12. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика современной России в сфере пенализации (депенализации): кнут или пряник? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2014. — № 3 (14).
13. Криминалистика : Краткая энциклопедия / авт.-сост. Р. С. Белкин. — М., 1993.
14. Куликов В. Что с них взять // Российская газета. — 5 мая 2015 г.
15. Курс криминалистики. Особенная часть / отв. ред. В. Е. Корноухов. — М., 2001. — Т. 1 : Методики расследования насильственных и корыстно-насильственных преступлений.
16. Кучин О. С. О правовой регламентации криминалистических алгоритмов предварительного расследования // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2014. — № 5(16).
17. Лунеев В. В. Соотношение криминальных реалий и теорий права в России (доклад на конференции «Актуальные аспекты анализа и обобщения современного правоведения») // Государство и право. — 2015. — № 4.
18. Полякова Я. С. Трансформация идеала и критериев научности // Физическое воспитание и спортивная тренировка. — 2011. — № 1 (1).
19. Федоров А. В. Основные тенденции развития российской законодательной уголовно-правовой антинаркотической политики // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2014. — № 3 (14).
20. Халиков А. Н. Проблемы нормативно-правовой регламентации криминалистической методики // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2014. — № 5 (16).
21. Чекулаев Д. П. Стадия возбуждения уголовного дела: исключить нельзя оставить // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2014. — № 1.
22. Черникова И. В. Природа науки и критерии научности // Гуманитарный вектор. — 2012. — № 3.

Материал поступил в редакцию 27 августа 2015 г.

SCIENTIFIC CHARACTER AND PRACTICAL IMPLEMENTATION OF CRIME PREVENTION GUIDELINES

KARAGODIN Valery Nikolaievich — Doctor of Laws, Deputy Director of the Institute of the Advanced Training Institute of the Academy of the Investigative Committee of Russian Federation - Dean of the Second Faculty of Advanced Training (with a dislocation in the city of Yekaterinburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Colonel of Justice.

[uc.ural@mail.ru]

620142, Russia, Yekaterinburg, ul. Shchorsa, d. 18.

***Review.** Consideration of the issues of the declared topic starts with the analysis of the concept of recommendations in the broad sense of the word*

Then, the article provides a brief historical analysis of changes in ideas concerning the scientific nature of knowledge at different stages of the development of science.

For more thorough examination of the criteria of scientific nature the author proposes his own classification and classifications developed by other scholars that can be implemented to combat crime.

Recommendations are divided into criminological, legal, forensic and managerial, as well as general, special and individual, integrated and non-systematic depending on the scientific branch within which the recommendations have been developed.

The article provides the algorithm for developing general recommendations on the fight against crime in general. This algorithm provides comprehensive and objective scientific study of the criminal situation in the country, and the impact exerted by authorized agencies on its operations. The author emphasizes that in the course of the research it is necessary to determine not only the negative phenomena but their recurrence pattern. On the basis of the research the author develops a theoretical model of the crime situation that combines parameters of certain types of crimes and the factors that cause them.

With this in mind, certain means and methods of combating crime are chosen and certain recommendations for their application are developed.

This activity is bound to be in compliance with the criminal law policy that constitutes the part of general legal and national policies.

Therefore, in forming penal law policy, conditions of social and economic situation must be taken into consideration to provide favorable conditions for its economic development. To this end, proposals are made to improve penal law measures to enforce security of business in our country and to protect rights of other people.

The article also considers some issues of criminal procedure and managerial activities. Moreover, judgments are made concerning the ways of their improvement.

As a means of practical implementation of penal policy it is proposed to develop comprehensive long-term, and ongoing programs to combat crime.

The article deals with the problems and practical implementation of the theory developed in the recommendations set out in proposals for their practical application.

As the means of practical implementation of penal policy the author suggests that complex prospective, intermediate and current programs of combating crime must be employed.

When analyzing specific recommendations on fight against crime the author notes fragmentation, lack of validity and speciality of some of them .

The article considers the problems of practical implementation of theoretical recommendations and it recounts proposals of their practical application. ,

Criticizing the initiative of making laws on application of scientific recommendations in law enforcement practice the author suggests that electronic data bases can be developed to store these products of scientific activity.

Keywords: *recommendations, criteria of scientific nature, development of forensic recommendations, fight against crime, crime situation, factors causing crime, penal policy, penal measures, program of combating crime, scientific recommendations*

BIBLIOGRAPHY

1. *Alekseev, A. B., Ovchinsky, A.I., Pobegailo E.F. Russian criminal policy: Overcoming the crisis. — M., 2006.*
2. *Babayev, M. M., Pudovochkin, Y.E. Criminal law policy and the problems of combating contemporary crime. — M., 2013.*
3. *Bagmet, A.M. On the issue of improving the stage of initiating a criminal case // Criminologist Library. — 2014. — № 1.*
4. *Biryukova, G.M., Zazykin, V.G. Psychological aspects of studying corruption // Yuridicheskaya Mysl . — 2013. — № 1(75).*
5. *Bogoslovskaya E. Богословская E. Reasonable term of criminal prosecution // Zakonnost. — 2015. — № 4.*
6. *Boйко, A. I. Бойко А.И. Dreaming is not bad (about the political enthusiasm in the modern social sciences and criminal jurisprudence) // Criminologist Library. Scientific Journal. — 2014. — № 3.*
7. *Borodin, S. V. Fight against crime: theoretical model of a complex program. — M., 1990.*
8. *Volodina, L. M. Some problems of Russian penal policy // Criminologist Library. Scientific Journal. — 2014. — № 3(14).*
9. *Ganzha, A. G. Methodology of selecting authentic information and its systematization // IV International Forum for Informatization . Congress «Social development and public information». — M., November 23–25, 1999. Scientific Conference Abstracts. Part 1.*
10. *Karagodin, V. N. Theory and practice of detaining red-handed in Russian criminal procedure // Russian Law Journal. — 2012. — № 6(87).*
11. *Kolosolov, N. A. Familiarizing with the case materials. An investigator must be released from the extrinsic function // Russian Investigator. — 2014. — № 4.*
12. *Korobeev, A. I. Penal policy of modern Russia in the sphere of penalization and depenalization: a whip or a treat? // Criminologist Library. Scientific Journal. — 2014. — № 3(14).*
13. *Criminalistics: Grief Encyclopedia / Compiled by Belkin, R.S. — M., 1993.*
14. *Kulikov, V. What to take with them // Rossiyskaya Gazeta . — May, 5. — 2015.*
15. *Course in Criminalistics. General part. V. 1. Methods of investigating violent and violent crimes with mercenary purpose / Ed. by Kornoukhov, V.E. — M., 2001.*
16. *Kuchin, O. S. On legal regulation of forensic patterns of preliminary investigation // Criminologist Library. Scientific Journal. — 2014. — № 5(16).*

17. *Luneev, V. V.* Interrelation of criminal realities and legal theories in Russia (Report at the Conference «Current aspects of analysis and synthesis of contemporary jurisprudence») // Gosudarstvo i Pravo (The State and Law). — 2015. — № 4.
18. *Polyakova, Y. S.* The transformation of the ideal and the criteria of scientific nature. // Physical education and sports training. — 2011. — № 1(1).
19. *Fedorov, A. V.* Major tendencies of the development of Russian legislative penal anti-drugs policy // Criminologist Library. Scientific Journal. — 2014. . — № 3(14).
20. *Khalikov, A. N.* The problems of the legal regulation of forensic techniques // Criminologist Library. Scientific Journal. — 2014. — № 5(16).
21. *Chekulayev, D. P.* The stage of initiating a criminal proceedings: eliminate cannot be left // Criminologist Library. — 2014. — № 1.
22. *Chernikova, I. V.* Nature of t science and criteria of scientific nature // Humanitarian Vector. — 2012. — № 3.

Е. В. Ильюк*

ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЙСТВИЙ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ КАК ОСНОВА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА СЕРИЙНОГО ПРЕСТУПНИКА

Аннотация. В статье рассматривается психиатрический подход к составлению психологического профиля серийного сексуального преступника. На примерах известных серий показано, как своеобразные сексуальные фантазии преступника, которые являются симптомами психического расстройства, реализуются в *modus operandi*. Используются результаты исследований известных психиатров, а также основателя сексопатологии Рихарда фон Крафт-Эбинга. На примере из судебно-следственной практики показано, как психическое расстройство детерминирует криминальные действия, выявляется в ходе психиатрической экспертизы, но остается «вне приговора», поскольку обвиняемый вменяем. При этом реальные обстоятельства, способствовавшие совершению преступления (а это проявившееся в совершении преступления психическое расстройство), не получают должной правовой оценки, а заболевание не лечится. В статье показано, как симптомы определенного вида психического расстройства (парафилии) проявляются в *modus operandi*. Автор показывает, с чем связаны стереотипность, ритуализация, клиширование криминального поведения. Для объяснения «феномена охоты» за жертвой автор использует психиатрический термин «процессуальность», означающий фиксацию на процессе, а не на результате деятельности. На ряде примеров известных криминальных серий автор подчеркивает одну из особенностей преступников, которая препятствовала быстрому раскрытию преступлений, что порождало серию, — это «маска нормальности». Криминальная сексуальность не мешала социализации указанных лиц в других сферах жизни. Автор обращает внимание на «бредовую» мотивацию, характерную для криминального поведения лиц с шизофренией, поскольку «бредовые» идеи являются одним из диагностических признаков шизофрении. Указывается, в каких ситуациях при наличии типично «педофильных» действий и психических расстройств диагноз педофилии не устанавливается, что препятствует применению норм УК РФ, направленных на предупреждение рецидива со стороны этих лиц. Автор показывает, что необходимую для создания психологического портрета информацию дает изучение типичного анамнеза конкретного психического расстройства.

Ключевые слова: педофилия, парафилии, серийные сексуальные убийства, психопатологический механизм общественно опасных действий, психологический портрет, криминалистическая характеристика, психические расстройства у насильственных преступников, профайлинг, принудительные меры медицинского характера, ограниченная вменяемость.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.113.4.034-048

© Ильюк Е. В., 2016

* Ильюк Елена Вадимовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права второго факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Екатеринбург) Института повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации

Elena.ilyuk@mail.ru

620142, Россия, г. Екатеринбург, ул. Щорса, д. 18

Сконца XIX — начала XX в. получает распространение новый тип убийств — сексуально-серийный. Преступник не останавливается до тех пор, пока не задержат. Усложняет сценарий преступления. Растворяется в толпе. В быту и на работе — отличный семьянин и сотрудник¹.

1888 г. Джек-потрошитель. Лондон. Количество жертв: 28. Существует список «пяти канонических жертв». Способ убийств: перерезание горла. Основными жертвами Потрошителя были проститутки из трущоб, убийца перерезал им горло, а затем вскрывал брюшную полость. Джек-потрошитель перерезал горло слева направо, рана была очень глубокой. Удалил органы из тел некоторых жертв (вагалище, почка, нос), обнаружив тем самым знания в области медицины. У трех женщин он извлек органы и унес их с собой: у Энни Чэпмен — матку с частью вагалища и мочевого пузыря, у Кэтрин Эддоус — левую почку и матку (в его письме отмечено, что половину он «поджарил и съел»), а у Мэри Келли — сердце.

Все убийства были совершены на расстоянии четверти мили друг от друга, в пятницу, субботу или воскресенье, в предрассветные часы. После первого убийства в лондонском предместье, Джек прошел около четверти мили через весь город. Если провести линию, используя в качестве контрольных точек места, где были обнаружены тела жертв (2, 3, 4 и 5), получится треугольник. Это часто наблюдается и в других случаях серийных убийств. Данный треугольник является особым районом Джека-потрошителя — его зоной, где он чувствует себя в сравнительной безопасности. Это своего рода его «зона комфорта».

В 1984 г. в связи с расследованием дела серийного убийцы Теодора Роберта Банди при Национальной академии ФБР был создан отдел бихевиористики — Центр психологии поведения, который разрабатывал метод психопрофи-

ля (на основе анализа преступной деятельности делается предположение о психологических особенностях преступника).

Психологический портрет (профиль, имеющий розыскное-поисковое значение), психолого-криминалистический портрет, криминалистическая характеристика — близкие по содержанию понятия. В них проявляется разный методологический подход к установлению взаимосвязей между признаками преступлений и преступника.

Психологический портрет — это система сведений о психологических и иных признаках лица, существенных для его выявления.

Криминалистическая характеристика основывается на анализе категории раскрытых дел. Криминалистическая характеристика преступлений является информационной моделью, содержащей сведения о криминалистически значимых признаках преступления определенного вида (рода) и об их закономерных связях между собой, построенной на основе анализа и обобщения практики их раскрытия, расследования и судебного рассмотрения, предназначенной для формирования частных методик расследования и решения задач предварительного расследования в практической деятельности. Можно сказать, что криминалистическая характеристика преступлений — информационное ядро частных методик расследования. В последнее время криминалистическая характеристика преступлений подвергалась критике². Недостаток данного (статистического) подхода — в отсутствии содержательных суждений по поводу выводимых признаков преступника. Как точно замечают Д. А. Кирюхин и С. А. Ялышев, по конкретному уголовному делу наименее статистически определенный признак может оказаться наиболее достоверным и информативным. То, что значимо в одном случае, может оказаться совершенно безразличным в ином³.

Исследователи психологической модели криминального поведения отмечали, что субъект сам обнажает и меняет *modus operandi*

¹ Кирюхин Д. А., Ялышев С. А. О соотношении понятий психологического профиля преступника и криминалистической характеристики преступлений // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 5 (16). С. 220—221.

² Бессонов А. А. Криминалистическая характеристика — информационная основа формирования частных криминалистических методик // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 2 (19). С. 238—239, 242.

³ Бессонов А. А. Указ. соч. С. 223, 224.

по мере того, как набирается опыта. Это — обучаемое поведение. Личные желания и мотивы субъекта формируют ритуал его преступления. Ритуал преступления — это то, что преступник должен совершать всегда, будучи не в силах остановиться, потому что это рождается глубоко в его фантазиях. В рассматриваемом случае намеченные жертвы, их доступность, метод инициации атаки и есть *modus operandi*. Это его ритуал, который может изменяться, становиться все более изощренным (например, у Джека-потрошителя, Теодора Роберта Банди, Рассела Уильямса, Джона Уэйна Гейси).

Аналитико-психологический подход, более присущий психологическому профилированию, направлен на раскрытие субъективно-личностного содержания действий преступника; взаимосвязь признаков лица и признаков поведения опосредована психологической, смысловой зависимостью.

Психопрофиль используется для раскрытия серийных убийств, терроризма, преступлений на основе национальной и религиозной розни.

При создании психологических портретов используются знания из области психологии (в том числе бихевиористики), криминалистики, психиатрии и других наук. Психологический портрет должны составлять специалисты разных специальностей: судебные психологи, судебные психиатры, криминалисты-трасологи, сексопатологи, лингвисты. И все же самые известные профайлеры — это психиатры. Психологический портрет Чикатило составлял известный российский психиатр А. Бухановский.

Американский психиатр Джеймс Бруссель (2-я половина XX века) считал, что по уликам с места преступления можно диагностировать психические отклонения и связанные с ними особенности поведения. Он сумел подробно описать опасного преступника, которого полиция не могла установить много лет, — «Сумасшедшего бомбометателя».

Д. Бруссель использовал в том числе метод психолингвистического анализа. Он исследовал текст письма преступника в полицию и пришел к выводу, что английский не является его родным языком (в письменной речи быстрее и более отчетливо проявляются искажения в психике при психических расстройствах). Психиатр установил, что преступник — выходец из восточной Европы, славянин, холост, католик, определил его возраст, профессию, место прежней работы,

проживания, наличие незамужних сестер, диагнозы психического и соматического заболеваний, образ жизни, особенности поведения, общения с окружающими, манеру одеваться. На основании данных Брусселя был задержан Жорж Метесский, совершивший десятки взрывов в Нью-Йорке.

Психическое расстройство искажает восприятие действительности; лица с психическими расстройствами видят мир по-другому, выводы делают другие. Психические расстройства искажают функционирование психики, исключая способность к адекватному отображению окружающего и осознанному управлению своим поведением. Например, лица с педофилией видят в открытой детской улыбке черты женского кокетства и сексуального заигрывания.

Одна из особенностей преступников, которая препятствовала быстрому раскрытию преступлений, что и порождало серию, — «маска нормальности». Это как два разных человека: один — заботливый муж и отец, имеющий высокое должностное положение, занимающийся общественной деятельностью, а в эпизодах совершенных преступлений — агрессивный и безжалостный.

Полковник Рассел Уильямс — один из самых заслуженных офицеров Военно-воздушных сил, командующий крупнейшей авиабазой ВВС Канады — Трентон. До ареста 46-летний полковник пользовался безупречной репутацией. Несколько лет он был личным пилотом канадского премьер-министра. Именно Уильямсу доверяли штурвал самолета, когда в Канаду с визитом прибывала английская королева Елизавета II или члены королевской семьи. На его счету множество краж женского нижнего белья из домов; затем — несколько изнасилований с многочасовыми издевательствами над жертвами, далее — 2 убийства.

Джон Уэйн Гейси был казначеем благотворительного общества и оказывал заметную материальную помощь полиции района Норвуд Парк. На фотографии, изъятой при обыске в доме, Гейси запечатлен вместе с Розалин Картер — будущей первой леди США. На пиджаке у Гейси виден знак, указывающий на допуск (сопровождающийся предварительной проверкой) от Секретной службы США (Secret Service), отвечающей за защиту Президента США. Серийный сексуальный убийца убивал своих гей-партнеров, длительно пытая.

По социальному положению пациенты с парафилиями⁴ нередко имеют престижный уровень социализации, тогда как в группе лиц с алкоголизмом таких нет. Поэтому «маска нормальности» характерна именно для лиц с парафилиями.

Для лиц с парафилиями характерна большая степень семейной дезадаптации: меньшая доля среди них были женаты, меньшая доля имели детей. Про них говорят: «Это невозможно! Я никогда не поверю!» И это как раз типично! Жены говорят: «Он никогда не изменял мне... Он такой надежный!» У них — кажущаяся, внешняя асексуальность... А на самом деле — их сексуальность проявляется по-другому, в агрессивных действиях: в множественных ножевых ранениях, в «охоте» — преследовании жертвы, в длительных, многочасовых издевательствах над ней...

Известный российский психиатр Александр Бухановский в ряде интервью отмечал, что он не знает ни одного серийного убийцы — ни в России, ни в Соединенных Штатах, ни в Германии, — которому официально не был бы установлен тот или иной психиатрический диагноз. После каждого тюремного срока время до очередного преступления у серийных убийц все короче. Из колонии они выходят еще более жестокими. Рассуждая, сколько нужно лечить таких людей, Бухановский пришел к выводу: всю жизнь они должны принудительно лечиться от своей болезни по месту отбывания наказания, потому что из тюрьмы они выходят с той же самой патологической системой в голове⁵.

Психиатрами выработано понятие «психопатологические механизмы общественно опасных действий» — взаимодействие болезненных расстройств психики с личностными особенностями больного и ситуационными факторами. Наряду с прямой обусловленностью деяния характером синдрома, импульс к совершению действия часто дает внешняя ситуация⁶.

Исследования, проведенные О. А. Бухановской⁷, показали следующее: у лиц с серийным

агрессивным сексуальным опасным поведением встречается два вида психических расстройств. Первый из них представлен парафилиями и имеет специфическую клиническую картину, особенности формирования и течения. Стержневое проявление парафилий — садистское поведение. Проявления садизма аналогичны клиническим особенностям и закономерностям развития зависимого поведения. Второй, непарафильный, вид включает психические расстройства и расстройства поведения, связанные с употреблением алкоголя, начавшимся в подростковом возрасте (подростковый алкоголизм). Агрессивные действия проявляются меньшим разнообразием способов, в их развитии не отмечается закономерной смены синдромов, свойственных парафильному садизму.

Формирование модели криминального поведения с раннего возраста было изучено в ряде исследований, в частности в диссертации О. А. Бухановской, которая показала влияние биологических и социальных факторов на формирование парафилии и соответствующей данному заболеванию модели поведения. К социальным факторам относятся: цикличность семейного насилия, инцест; эстафета семейного насилия в нескольких поколениях. К биологическим, медицинским факторам относятся: психопатологическая отягченная наследственность; патология беременности и родов — обвитие пуповины, кислородное голодание, травма мозга во время родов (у А. Сливко было удушение пуповиной) или травма головного мозга в детстве (А. Пичушкин в 4 года упал с качелей, получил черепно-мозговую травму, стал путать буквы в словах; у А. Чикатило была гидроцефалия — водянка головного мозга); аномалии мозговых структур и черепа — поражения отделов мозга с локализацией в лобном и височном отделах; психические расстройства; возможно «оскудение нормативной сексуальности», за границами парафилии возникала кажущаяся асексуальность.

⁴ Парафилии — психические расстройства, расстройства сексуального предпочтения.

⁵ Интервью с профессором А. Бухановским. Маньяками не рождаются... // <http://centerphoenix.ru/otsentre/press-and-tv/1055-aleksandr-bukhanovskiy-manyakami-ne-rozhdayutsya> (дата обращения: 06.07.2015).

⁶ Руководство по судебной психиатрии / под ред. А. А. Ткаченко. М. : Юрайт, 2012. С. 169, 672—673, 680—681.

⁷ Бухановская О. А. Психические расстройства у лиц с серийными сексуально опасными действиями (клиника, динамика, систематика) : автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2003.

Врожденные пороки развития мозга отмечены в семьях лиц с парафилиями. Патология беременности и родов отмечена во всех группах — и с парафилиями, и с алкоголизмом. Высокий уровень неблагоприятных воздействий на плод и не менее высокая перинатальная травматизация имели комплексный характер. В период эмбрио- и фетогенеза действовали агрессивные химические и физические факторы, простудные заболевания матери, прием медикаментов, затяжной стресс. Патология родов, включая родовую слабость и стимуляцию, встречалась во всех группах обследуемых. 2/3 пациентов появились на свет с родовой травмой.

Неблагоприятные химические и физические воздействия, стресс, алкогольные эксцессы матери, травматичные роды способны привести к патологизации мозга. Большинство авторов отмечают высокую распространенность органических поражений головного мозга при парафилиях и криминальном сексуальном поведении. Биологические факторы у пациентов с парафилиями сочетаются с нарушенными условиями воспитания и семейной дисгармонией. Неблагоприятная наследственность, патология беременности и родов, врожденные органические поражения мозга дополняются существенной неблагоприятной микросоциальной ситуацией, выявленной во всех группах. Все обследованные росли в негативном психологическом климате. В большинстве семей отношения могут быть охарактеризованы как неуважительные и конфликтные. Существенным дополнением этого стали нарушения внутрисемейных связей «ребенок-родитель». В результате в 1/3 случаев привязанность или не возникла ни к кому из близких родственников вообще, или же ее объект находился за пределами семьи. Наиболее уязвленной оказалась связь с отцом, который подавляющим большинством был отвергнут, тогда как более половины декларировали, что наиболее значимым лицом для них была женщина — мать, бабушка, сестра. Неправильное воспитание обнаружено фактически во всех случаях. Все системы воспитания одним из основных компонентов имели эмоциональную дефектность. Для группы с парафилиями характерно сочетание системы жестоких отношений с эмоциональным отвержением.

К социальным факторам формирования личности серийного насильственного преступника относятся дефекты воспитания — холодное воспитание, инцест, эстафета семейного

насилия в нескольких поколениях. Такая обстановка в семье может отразиться у ребенка в следующем:

- головные боли, ночные кошмары, тревога, страхи;
- низкая самооценка, самоутверждение через насилие над слабыми;
- амбивалентные чувства по отношению к взрослым (любовь и ненависть одновременно), избегание телесной и эмоциональной интимности; отсутствие доверия к кому-либо;
- регрессивное поведение (сосание пальцев, обгрызание ногтей);
- энурез (онкопрез), заикания;
- сложности в обучении;
- игры и разговоры сексуального характера (до 12 лет);
- депрессии, попытки суицида (в подростковом возрасте);
- уходы из дома (после 7 лет);
- девиантное поведение (раннее курение, алкоголизация, наркотизация, проституция).

Отец Джона Гейси сильно пил и часто бил жену. Она забеременела очень поздно, роды проходили с осложнениями. Позже психологи выяснили, генетическая наследственность Гейси не сильно обнадеживала. Ребенок рос слабым и постоянно болел. С пятилетнего возраста он начал периодически терять сознание. Причиной тому послужила опухоль мозга, которую позже удалили.

В его детских воспоминаниях остались умственно неполноценная соседская девочка, совершавшая над ним развратные действия, и грязные домогательства отцовского приятеля — педофила, который, как позже рассказывал Гейси на допросах, совратил его. В возрасте 17 лет, во время первого полового опыта, он потерял сознание, в результате чего у него сильно обострился комплекс неполноценности. Через год Гейси бросил школу и уехал в Лас-Вегас, где ему удалось устроиться на работу в морг. А через три месяца разъяренный владелец морга заявил полиции, что Джон совершает половые акты с трупами. Тогда правоохранительные органы не проявили интереса к молодому Гейси и в течение нескольких лет ничего о нем не слышали.

В 1964 году он переехал в город Ватерлоо штата Айова, женился на Мэрилин Мейерс и стал управляющим рестораном быстрого питания KFC, принадлежавшим ее отчиму. На

работе он отличался завидным трудолюбием — каждый день он без устали трудился по 12 и более часов. Но, как оказалось позже, на работе он задерживался не только из-за своего трудолюбия, но и из-за патологической любви к подросткам, которых постоянно принуждал к сексуальным контактам и оральному сексу. Все пострадавшие молчали, боясь угроз своего начальника. Только пятнадцатилетний Дональд Вурхиз подал заявление в полицию и не забрал его даже после жестокого избиения. На основании этого заявления было проведено расследование, после которого в 1968 году состоялся первый суд в жизни Гейси — по обвинению в сексуальных домогательствах в отношении трех подростков. Приговор суда штата Айова был довольно мягким, т.к. подсудимый во всем чистосердечно признался и глубоко раскаялся. Его осудили всего на 10 лет лишения свободы, несмотря на то что ему грозило пожизненное заключение. Но уже через 18 месяцев Гейси был досрочно освобожден за хорошее поведение.

Брак с Мэрилин Мейерс распался сразу после осуждения Гейси.

После освобождения из тюрьмы Гейси переехал в пригород Чикаго Норвуд Парк, в 1971 году купил там дом и занялся строительным бизнесом. В это же время он вступил в Демократическую партию США, стал казначеем благотворительного общества, занимался общественной деятельностью.

Первое убийство Джон Гейси совершил 3 января 1972 года, еще до своего второго брака, причем сделал это совершенно случайно. После очередной бурной ночи со своим гомосексуальным партнером Тимоти МакКоем Джон отдышал на кровати. Когда Тимоти подошел к нему с кухонным ножом в руке, Гейси сильно испугался и начал защищаться. В ходе завязавшейся драки он убил своего молодого любовника, т.к. был намного старше и сильнее его. Позже, когда Гейси вышел на кухню и понял, что МакКой просто готовил для них завтрак, он не сильно расстроился из-за этого убийства. Потому что получил очень сильное и яркое удовольствие, пережив чувства, переполнившие его во время борьбы с жертвой.

Схема его действий практически всегда была одинаковой: он ездил по вечерам на своем автомобиле и подыскивал жертву — молодого сексуального парня. Потом знакомился с ним, привозил к себе домой, насиловал,

избивал и пытал. Это могло продолжаться очень долго. В перерывах между пытками Гейси читал своим жертвам Библию, после чего душил и сбрасывал в подвал или в местную реку, когда подвал уже переполнился. Иногда жертвы сами приходили к нему домой по объявлению о поиске работников в строительную компанию. Гейси приглашал их на собеседование, после чего набрасывался, связывал и начинал свои игры.

Хотелось испытать еще более сильные ощущения, и он привез в дом сразу двоих. Тела Ренделла Рэффетта и Сэма Степлтона он похоронил в позе 69, вложив им в рот половые члены друг друга.

У подавляющего числа обследованных отмечены затруднения в общении. Основания для отвержения сверстниками разные. В группе с парафилиями они связаны с истинными нарушениями коммуникации, повышенной сензитивностью и «чужаковатостью» пациентов, изгнание которых из группы порой принимало грубо издевательскую форму. При этом комфортным для них было общение с детьми младшего возраста или пожилыми. Лица с алкоголизмом формально трудностей коммуникации не испытывали, но в силу присущих им претензий на господство, диктат, склонности к аффективно-агрессивным реакциям оказались неспособными устойчиво поддерживать неформальные взаимоотношения со сверстниками, которые начинали их избегать.

Большинство пациентов в детско-подростковом возрасте неоднократно подвергались насилию, которое имело комплексный характер. Среди тех, кто совершил сексуальное преступление в отношении мальчиков, жертвами сексуального насилия в детстве были 80 %; среди тех, кто совершил сексуальные действия в отношении девочек, — 26 %. В детстве у сексуальных убийц значительно выше уровень недовольства женщинами, чем у насильников; отмечается эмоциональное одиночество в подростковом возрасте.

Возникновение агрессивных садистских действий связано с научением (возникновением и закреплением поведенческих стереотипов путем их повторения и подкрепления) и импринтингом — специфической формой запечатления. Импринтинг происходит чрезвычайно быстро, без внешнего подкрепления, часто при первой встрече с объектом, а его результат, как правило, необратим.

Импринтинг выступает спусковым крючком развития патосексуального паттерна (модели поведения). В криминальной психологии импринтинг — это «впечатывание» в большой головной мозг запахов, звуков, образов и других ощущений, которые вызывают сексуальное возбуждение. В других ситуациях оно не возникает. Например, запах пота + запах крови + образ крови.

Клинические особенности обследованных с алкоголизмом: во всех случаях был диагностирован подростковый алкоголизм, отличавшийся атипичностью, злокачественностью социальных и противоправных последствий. Начало употребления спиртного ранее ($11,2 \pm 0,9$ лет), групповое пьянство с $13,8 \pm 0,6$ лет.

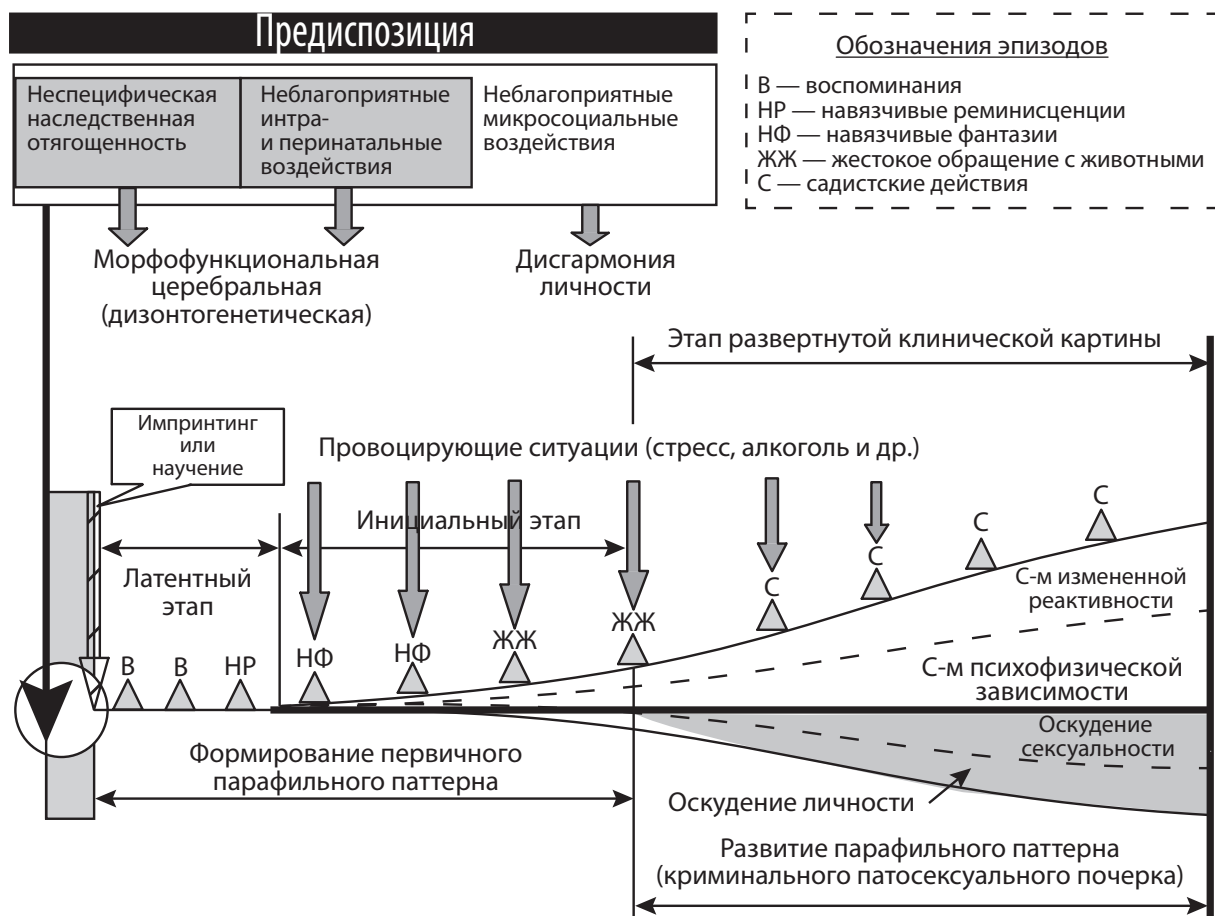
Этапы развития криминального паттерна при парафилиях и алкоголизме представлены О. А. Бухановской в следующей схеме, приведенной ниже:

Парафилические фантазии развиваются у человека, стремящегося избежать тревоги, связанной с личными сексуальными отношениями.

Фантазии в последующем воплощаются в реальных действиях с сохранением представляемых объектов эротизации, форм и способов агрессии. Нередко уже на этом этапе фантазии приобретают характер устойчивых признаков, которые затем включаются в индивидуальный криминальный почерк.

Особенности садистских фантазий:

- 1) их содержанием всегда было грубо-жестокое насилие, характер и способы причинения которого доставляли бы особые мучения и боль, унижительно-оскорбительное покорение жертвы, манипуляции с ней и ее телом, т.е. фантазии носили экспрессивный характер;
- 2) фантазии в большей степени фиксированы не на жертве, а на процессе, способах и месте приложения насилия;
- 3) со значительным постоянством в фантазиях встречались такие характеризующие жертву признаки, как пол и возраст;
- 4) и объект, и субъект насилия в фантазиях всегда представлены в единственном числе;

Графическое изображение развития садистских парафилий

- 5) сексуальные действия осуществлялись с живой жертвой, насильно, против ее воли;
- 6) эмоциональных отношений с жертвой не устанавливалось;
- 7) фантазии обладали способностью изменять актуальное психоэмоциональное состояние, не ограничиваясь эротизирующим эффектом — вызывать психофизический дискомфорт/дискомфорт в/вне ситуации фантазирования;
- 8) они приобретали эффекты: эротизирующий, мобилизирующий, тонизирующий, седативно-релаксирующий, гомеостабилизирующий;
- 9) фантазии были связаны с ситуацией уединения — потребность в фантазировании вела к уединению, одиночество провоцировало фантазирование;
- 10) фантазирование возникало эпизодами.

На латентном этапе развития паттерна сексуальных агрессивных действий отмечаются воспоминания, навязчивые реминисценции, навязчивые фантазии. Действия начинаются с жестокого обращения с животными, продолжают уже в отношении людей. Например, Денис Рейдер в молодости работал в службе по отлову бездомных животных.

Агрессия по отношению к животным возникла в 5—11 лет. Для нее характерно:

- 1) объекты — живые существа (собаки, кошки, кролики, крыса, корова, козлята, ежи, куры, цыплята, попугай и др.);
- 2) абсолютного предпочтения одного из объектов не выявлено, хотя большинство из них имели небольшой размер;
- 3) выбор объекта насилия происходил стихийно и зависел от степени его доступности, ситуации и личного к нему негативного отношения («неприятный», «облезлый», «безобразный», «жалкий», «вызывал чувство брезгливости, отвращения, омерзения», «раздражал»);
- 4) насилие над животным было грубо деструктивным, мучительным, отражало полное над ним господство;
- 5) многоэпизодность — не менее 2 эпизодов;
- 6) присутствие симптомов психофизического комфорта/дискомфорта в/вне патологической ситуации;
- 7) связь с мастурбацией.

Среди домашних животных-жертв преобладают кошки как символ женственности.

На этапе развернутой клинической картины проявляется зависимое садистское поведение.

Пациент приобретает новое качество — становится одновременно «сценаристом, режиссером, актером, зрителем». Со временем содержание фантазий и условия их возникновения становятся стереотипно-шаблонными, сопровождая, провоцируя или замещая очередные эпизоды сексуальной опасной агрессии.

«Ассортимент» жестоких действий при садизме намного превышал ассортимент действий группы лиц с алкоголизмом.

Поведение в период, предшествовавший действиям сексуального характера, имело двоякий смысл: с одной стороны, это принуждение жертвы к насильственному половому контакту, с другой — максимально возможное подчинение жертвы, что позволило отнести такие поступки к садистским. Способами агрессии служили: побои, несмертельные придушения, сочетание побоев с придушениями, колото-резаные раны, реально жизни не угрожавшие, рубленые повреждения. Полное обнажение жертв также отражало потребность в господстве.

В период совершения действий сексуального характера агрессия меняла характер, преобразуясь в безжалостные истязания, порой напоминавшие пытки и причинявшие особые страдания. Преобладающими становились прижизненные множественные стереотипные колото-резаные раны, локализация которых смещалась в область эрогенных зон и жизненно важных органов, и тяжкие побои. В этом периоде возникали новые формы опасных повреждений: вырезание половых органов; глубокие проникновения в естественные отверстия в теле жертв руками или посторонними предметами, отличавшиеся особой жесткостью и особыми мучениями и другие.

В ряде серий не отмечено даже попыток к генитальному сближению — сексуальные действия исчерпывались мастурбацией или семяизвержение происходило без обнажения, по ходу агрессивных сексуальных действий.

Агрессивные сексуальные действия лиц группы с прогрессивными парафилиями были более brutальными (патосексуальная толерантность выше). Помимо действий с живой жертвой, они включали целый ряд садистских действий с трупом: введение в естественные отверстия фаллозамещающих предметов, некросадизм, вампиризм и некрофагию. Садистский тип парафилии определяет такие особенности криминальной агрессии, как ее сексуальный характер, стереотип (выбор пола, возраста жертв

и т.п.), способы и формы опасных действий — особую жестокость, мучительность, установку на смертельный исход.

В завершающем периоде эпизода *после действий сексуального характера* частыми являлись манипуляции с глазами жертвы (их прикрывание, выкалывание и т.п.), что отражало скорее не садистскую мотивацию, а личностные проблемы обследованных — сензитивность, трудности неформального общения, непереносимость и даже боязнь взора.

У лиц с парафилиями отмечен *рост патосексуальной толерантности по интенсивности*. Выраженность их садистского поведения со временем менялась в сторону возрастания степени его отклонения, жестокости, необычности используемых способов и частоты эпизодов. Анализ динамики садистских действий позволил по нарастанию степени их отклоняемости и брутальности, с учетом последовательности их появления в конкретных сериях, построить следующий ряд: визионизм, фроттеризм → садистские фантазии → садизм и садистская гомицидомания → некросадизм → некрофагия, вампиризм. Пиромания (беспричинные поджоги), эксгибиционизм, вуайеризм являются началом «развала психики». Некрофилия сменяется некросадизмом или каннибализмом. Заболевание развивается постепенно, агрессия от эпизода к эпизоду нарастает.

При анализе агрессивного сексуального поведения в первой и второй группах внутри эпизодов удалось обнаружить проявления зависимого поведения в форме синдромов психофизической зависимости и измененной реактивности, а вне эпизодов — оскудение личности и сексуальности, что свидетельствовало о переходе на этап развернутой клинической картины.

Оскудение сексуальности (оскудение нормативной сексуальности не имеет ничего общего с гипосексуальностью, при которой резко снижается или исчезает эротизм, стремление к сексуальным действиям, страдают эрекция, эякуляция, оргазм) относится не столько к количественной стороне сексуальности, хотя присутствует и она, сколько к качественной, связанной с парафильным поведением, приобретающим аутоэротическую направленность. Терялась возможность поддерживать отношения с постоянным сексуальным партнером.

Алкоголизм лиц, совершающих серийные агрессивные сексуальные опасные действия, характеризуется ранним началом (подростко-

вый) и быстрым возникновением измененных форм опьянения, проявляющихся в импульсивно-подобной актуализации и реализации сексуального влечения.

Подростковый алкоголизм с измененным алкогольным опьянением оказывает существенное влияние на выбор формы развития и осуществления криминального поведения в виде серийных опасных сексуальных действий без признаков особой жестокости и некросадизма. Мотивом убийства является устранение свидетеля.

Основной мотив насилия в группе лиц с алкоголизмом — совершение полового акта в соответствии с присущей пациенту психосексуальной ориентацией. Агрессивное поведение имеет своей целью принуждение жертвы, в силу чего оно лишено разнообразия, присущего садизму, не соответствует признаку мучительности и встречается перед действиями сексуального характера. Рост патосексуальной толерантности выступает психопатологической основой усиления степени агрессивности, жестокости, кровожадности и, соответственно, тяжести и общественной опасности повторно совершаемых садистских действий.

У серийных преступников с алкоголизмом внезапное нападение на жертву в *период, предшествовавший действиям сексуального характера*, диктовалось стремлением подавить сопротивление, даже возможное, привести жертву в беспомощное состояние. Это сопровождалось циничными предложениями полового акта, оскорблениями, угрозами. Физическая агрессия была представлена умышленным грубым насилием над живой жертвой с ее повреждениями и, в половине случаев, убийством. Способами агрессии были:

- 1) *побои*, как правило, единичные, причиняемые в область головы руками, случайными подручными средствами, ударами жертвы о стену или пол;
- 2) *удары ножом*, чаще единичные, неглубокие, реально жизни не угрожавшие. Именно для этой группы характерно частичное обнажение жертвы, что отражает установку непосредственно на половой акт с функциональной доступностью гениталий, а не на лицезрение обнаженной жертвы и демонстрацию своего над ней господства.

В *период совершения действий сексуального характера* ни в одном эпизоде ни по одной серии не зафиксированы колото-резаные раны, вырезания половых органов, ритуаль-

ные проникновения посторонним предметом в естественные отверстия жертв, прижизненные укусы или откусывания и прочие признаки некросадизма, имевшие место у лиц с парафилиями.

После завершения сексуальной агрессии лица с алкоголизмом умерщвляли свою жертву, что отражало стремление избавиться от свидетеля. Подобного деяния не зафиксировано при садизме, где смерть жертвы, в случае ее наступления, была одной из задач садистского поведения и достигалась особо жестокими действиями по ходу агрессивных сексуальных действий. Ни одного случая манипуляций с глазами жертв или их захоронения, хотя бы ритуального, в группе с алкоголизмом не зафиксировано.

Парафилии отличаются устойчивостью. В основе их лежит защитный механизм сексуализации. Парафилии чаще всего являются клапаном для выпуска агрессивных сексуальных инстинктов, они прикрывают дефекты, связанные с недостаточностью личности; они защищают от глубоко укоренившегося страха. Парафилии чаще встречаются у мужчин. Решающим фактором в формировании является индивидуальная реакция ребенка на табуизирование полового поведения.

Для парафилий характерна *коморбидность* — их связь и клиническое единство с другими нарушениями контроля импульса, другими формами аддикции — такими как патологическое влечение к азартным играм, к поджогам (пиромания) или к воровству (клептомания). Они возникают на базе органического поражения головного мозга, шизофрении, паранойи, эпилепсии.

Базой (биологической, медицинской) возникновения парафилий являются травма головного мозга → органическое поражение головного мозга → шизофрения, или паранойя, или эпилепсия, или другие психические расстройства. Один из клинических признаков шизофрении — бред, бредовые идеи. Не случайно «серийщики» считают себя «чистильщиками», рассматривают свою криминальную деятельность как общественно полезную, очищая общество от гомосексуалистов, проституток (Джек-потрошитель), изменяющих жен и мужей (Зодиак), представителей иных рас или национальностей, представителей тех или иных профессий.

Если у серийного преступника основой патосексуального поведения являются парафи-

лии или другие психические расстройства, то эпизоды с течением времени учащаются, если алкоголизм — становятся реже.

Парафилии представлены садизмом и иными парафилиями — педофилией, эксгибиционизмом, геронтофилией, множественными расстройствами сексуального предпочтения, «стержневым» проявлением которых являются садистские тенденции. Это позволяет говорить о существовании садистского типа парафилий. Множественные расстройства сексуального предпочтения встречаются в разных вариантах, например: педофилия + садизм; эксгибиционизм + педофилия + садизм; визионизм + фроттеризм + педофилия + садизм. Основной мотив насилия у этих лиц направлен не столько на удовлетворение сексуального влечения, сколько на реализацию потребности в господстве над жертвой и причинении ей морально-физических страданий.

Судорожный припадок при *эпилепсии*, принимающий серийный характер, значим для диагностики, но нейтрален с точки зрения вменяемости. В клинической картине эпилепсии на первый план выступают специфические для эпилепсии изменения личности и снижение интеллекта, нарушения мышления, когнитивные и эмоциональные нарушения. У лиц с лобной эпилепсией наблюдаются признаки *эксгибиционизма*.

При оценке психопатологических расстройств при эпилепсии нарушения часто не укладываются в какой-либо очерченный клинический синдром, а, как правило, нестабильны, проявляются в субъективно сложных ситуациях и провоцируются внешними неблагоприятными факторами.

24 мая 2012 г. Пермским областным судом было рассмотрено уголовное дело в отношении З., совершившего убийство малолетней девочки 10 лет (с последующими половыми актами с трупом девочки). Заключение сексолого-психиатрической экспертизы установлено: «Имеющиеся расстройства личности в виде эпилептоидно-возбудимых проявлений на фоне органического заболевания головного мозга привели к срыву компенсаторных психологических механизмов в проблемной для данной личности ситуации. Истинный психотравмирующий эффект от внешне незначительного повода — демонстративного поведения ребенка — привел к уродливой, деструктивной форме защиты привычного и комфортного для З. стереотипа жизнеде-

ательности. Обстоятельства неопределенного ожидания развития событий, связанные с угрозами потерпевшей малолетней О., привели к рациональному эмоциональному реагированию для устранения возникшей угрозы — физической ликвидации девочки. Последующие сексуальные действия с мертвым телом обозначаются как: полиморфный транзиторный псевдопарафильный синдром (ситуационные импульсивные педофильные и некрофильные сексуальные действия)... З. понимал характер совершаемых им преступных действий, а именно совершения убийства и вступления в половой акт с О., мог руководить ими в момент совершения преступления, о чем свидетельствует подробное описание им всех деталей инкриминируемой ситуации. У З. имеются расстройства психической деятельности, но это не лишало его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий»⁸.

Кроме педофилии, есть ряд крайне опасных парафилий — некрофилия (сексуальное возбуждение возникает к неживому), некрофагия (стремление к поеданию человеческих органов), гомицидные акты (стремление к уничтожению живого, убийствам), раптофилия (без насилия сексуальное возбуждение не возникает).

Рихард фон Крафт-Эбинг стал одним из первых экспертов в области сексопатологии. Самой знаменитой его работой является книга «Половые психопатии», исследование сексуальных девиаций, которая вышла в 1886 году. Отличительная ее особенность — собранное автором огромное число случаев сексуальных отклонений, были опубликованы подробные медицинские отчеты о сотнях половых извращений. В этой книге Крафт-Эбинг подробно описывает и впервые вводит понятия садизма, мазохизма, зоофилии, а также бертранизма. Термин «бертранизм» появился благодаря знаменитому случаю сержанта Бертрана, также впервые описанному Крафт-Эбингом.

Некросадизм, или некрофильный садизм, или садистическая некрофилия, — стремление к осквернению трупа и надругательству над ним (чаще в форме отрезания молочных желез, вырезания половых органов). Некросадизм иногда сочетается с предварительным

убийством жертвы, либо получение сексуального удовлетворения сопряжено именно с самим процессом убийства.

Согласно психологическому портрету, написанному Бухановским, серийный убийца Андрей Чикатило являлся некросадистом.

Крайняя форма некросадизма — бертранизм.

Сержант Франсуа Бертран — французский военный инженер, живший в XIX веке и прославившийся благодаря своей склонности к некрофилии и некросадизму.

Юный Бертран рано обнаружил в себе любовь к разрушению — ему нравилось ломать и крошить вещи. Когда он предавался онанизму (с 13 лет), воображение рисовало ему комнату, наполненную обнаженными женщинами, которых он истязал и мучил после совершения полового акта. Затем он начал представлять женские трупы, которые в своих мечтах подвергал осквернению. Бертран ощутил непреодолимую жажду воплотить свои фантазии в реальности. Первое время ему пришлось довольствоваться трупами животных, разрывая которые он мастурбировал. С 1846 года для добычи свежих трупов он начал сам убивать собак. К концу этого года он впервые осознал потребность обладания человеческим трупом. В 1847 году Бертран заметил на кладбище полузасыпанную могилу, его охватили сильная головная боль и сердцебиение, и он не смог устоять перед искушением раскопать ее, несмотря на опасность быть застигнутым за этим занятием. Он извлек тело, но под рукой не оказалось ничего острого, чем бы он мог рассечь его на куски. Тогда Бертран стал в ярости наносить по трупу удары могильной лопатой.

В 1847—1848 годах примерно каждые две недели у Бертрана начинались сильные головные боли, унять которые можно было только очередным надругательством над трупом, что он и проделывал, пробираясь на кладбище. Трупы он вырывал голыми руками, даже не чувствуя боли от содранной кожи. Вырыв труп, он рассекал его саблей или ножом, вынимал внутренности. Совершая все эти манипуляции, он мастурбировал. Изрезав труп на куски, он складывал все его фрагменты обротно в могилу и зарывал ее.

⁸ Судебная сексолого-психиатрическая экспертиза обвиняемого З. г. Пермь, 03.01.2012. Уголовное дело № 2-71-12 // Архив Пермского краевого суда.

В июле 1848 года Бертрану попало тело 16-летней девушки. Его впервые охватило страстное желание совершить совокупление с трупом. «...Я покрыл его поцелуями и бешено прижимал его к сердцу. Все, что можно испытать при сношении с живой женщиной, ничто в сравнении с полученным мною наслаждением. Через четверть часа после этого я по обыкновению рассек тело на куски, вынул внутренности, а затем опять закопал труп...» В дальнейшем он начал практиковать половые акты с трупами людей (как женщин, так и мужчин) и животных. После совокупления Бертран обезображивал и расчленял трупы. При этом надругательство над телом было кульминацией всего ритуала, и позднее Бертран признавался, что именно ради процесса рассечения тела, а не полового акта, он раскапывал могилы. Совокупление было лишь прелюдией, усиливавшей наслаждение. Без рассечения, извлечения внутренностей и последующего возвращения трупа в могилу ритуал не мог быть закончен⁹.

При гомицидомании — влечении к убийству — убийство происходит быстро, резко, без стремления вступить в контакт, без желания затягивать процесс. В таких случаях речь идет не о патологии сексуального предпочтения, а о «других расстройствах привычек и влечений».

Выделяются следующие диагностические критерии для сексуальной аддикции (парафилии): периодическая неспособность противостоять импульсам к специфическому сексуальному поведению; нарастание ощущения напряжения, непосредственно предшествующего началу сексуального поведения; удовольствие или облегчение во время осуществления сексуального поведения¹⁰. Отношение к объекту воздействия — потерпевшему — характеризуется такими явлениями, как деперсонализация (отношение к живому как к неживому, как к предмету), фетишизация (у Рассела Уильямса фетишем было женское белье) и др.

Для клинической картины парафилий характерна фиксация, стереотипность, ритуализация, клиширование сексуального поведения. При этом следование стереотипу в полном объеме

и достижение эмоционального состояния в разной степени зависят от реакции партнера — от абсолютной спонтанности до жесткой обусловленности, например, реакцией испуга.

Существуют психологические критерии, по которым агрессоры выбирают своих жертв. Они соответствуют сексуальным фантазиям преступника. Как отмечают Д. А. Кирюхин, С. А. Ялышев, преступления, в которых нет значимого выражения фантазии преступника, сильно ограничивают возможность использования метода построения психологического профиля в силу отсутствия или слабо выраженного отражения в преступном событии индивидуализирующих психических параметров личности¹¹.

Другое выражение клишированности поведения — связь его с определенной территорией. У некоторых серийных сексуальных преступников отмечается феномен неоднократного возвращения на место преступления, обстановка при этом играет роль триггера воспоминаний, которые восстанавливают чувство реальности происходящего. Следует отметить и понятие индивидуальной территории — пространства, где человек имеет тенденцию доминировать, находиться в состоянии комфорта.

Для парафилий характерна процессуальность (как психиатрический, а не уголовно-процессуальный термин). Процессуальность предполагает фиксацию на процессе, а не на результате деятельности, которая приобретает незавершенный характер с нарастающей редукцией отдаленных целей поведенческого акта и пролонгацией его ближайших звеньев, которые подвергаются схематизации и символизации. Это проявляется в значимости такого звена, как «охота» — поиск необходимого объекта, в использовании длительного и схематичного «ритуала»; внешне явно сексуальное действие часто не завершается именно в сексуальном смысле (отсутствие полового акта). Сами больные парафилиями отмечают, что половое удовлетворение у них возникает при виде крови, предсмертных конвульсий, при расчленении трупа, разглядывании и вдыхании запаха внутренних органов, обезображении половых органов жертвы. Характер действий

⁹ Крафт-Эбинг Р. фон. Половая психопатия // URL: <http://www.litmir.co/br/?b=93290> (дата обращения: 07.07.2015).

¹⁰ Руководство по судебной психиатрии. С. 340.

¹¹ Кирюхин Д. А., Ялышев С. А. Указ. соч. С. 223.

при парафилиях при шизофрении повторяется по типу клише, поскольку сексуальная патология больных проявляется стереотипно.

Теодор Роберт Банди знакомился со своими жертвами по следующей схеме: в многолюдном месте он пытался поднять тяжелый предмет, как будто ненароком демонстрируя фальшивую гипсовую повязку на руке. Там он ожидал до тех пор, пока ему не предложит помощь симпатичная девушка. Однажды, переодевшись в форму полицейского, он «задержал» девушку и оттранспортировал ее в ближайший глухой закоулок. Дальше все шло по обычному сценарию. После предложения помощи Банди приветствовал будущую жертву ставшей ритуальной фразой: «Привет, я Тед».

Трупы всех его жертв были обнажены. Он убивал при помощи дубинки или ледоруба ударом по голове. На всех трупах имелись следы жестокого истязания. Все девушки были подростками или чуть старше 20 лет. Все девушки красивые, стройные, темноволосые. Вокруг шеи большинства жертв был повязан нейлоновый чулок. Во многих случаях сопротивление жертв отсутствовало, что наряду с фактом похищения свидетельствовало о внезапности нападения.

Эксперты охарактеризовали Банди так: «Высокая маска нормальности, высокий образовательный уровень, развитая коммуникативная сфера, активная политическая жизнь».

Банди долго добивался реализации своего права на собственную защиту в суде. Когда суд вынужден был разрешить Банди выступать адвокатом по собственному делу, судебное заседание стало чрезвычайно динамичным. Полемика с судьей часто демонстрировала большой потенциал Банди, показания свидетелей он отводил с хода, замечая ничтожнейшие значимые факты. Так, главный свидетель не убедил присяжных в истинности своих показаний после того, как Банди указал на ночное время восприятия действий Банди. Одна из потерпевших не смогла опознать Банди. Возможно, это произошло потому, что Банди часто стал менять имидж: он то отпустил усы и бороду, то сел на диету, то, наоборот, полнел.

Сексуальный характер убийства может проявиться в том, что ранения носят множественный, стереотипный характер и наносятся в

сексуально значимые области (грудь, живот, половые органы, ягодицы, шею). Заключение о возможном сексуальном характере преступления особенно вероятно, если наряду с проникающими ранениями имеются следы стереотипных надкалываний, царапины.

При внешне «педофильных» действиях диагноз «педофилия» не всегда может быть установлен. Для постановки диагноза должны соблюдаться общие и специфические диагностические требования:

Общие требования к парафилиям:

- 1) лицу свойственны периодические сексуальные влечения и фантазии, включающие необычные предметы (фетиши) или поступки;
- 2) лицо или поступает в соответствии с этими влечениями, или испытывает из-за них значительный дистресс (сердцебиение, головная боль);
- 3) это предпочтение наблюдается минимум 6 месяцев.

Специфические диагностические признаки педофилии:

- 1) выявление постоянного или преобладающего предпочтения сексуальной/эротической активности с детьми препубертатного (до 12 лет) или раннего пубертатного возраста (12—14 лет);
- 2) для диагностики педофилии обязательно достижение субъектом по меньшей мере 16 лет и наличие 5-летней разницы с ребенком.

Педофилию следует отличать от синдрома *недифференцированного объекта* сексуального влечения, при котором сексуальное влечение реализуется в отношении любого объекта. Например, установлено, что подозреваемый в развратных действиях в отношении трех девочек 12—13 лет имел в течение более чем 40 лет гомосексуальные контакты при отбывании наказания в исправительных учреждениях и незадолго до инкриминируемого эпизода имел сексуальные контакты с престарелым лицом 82 лет. В отличие от лиц с парафилиями, серийные сексуальные убийцы без парафилий преимущественно совершают правонарушения в отношении зрелого гетеро- и гомосексуального (нормативного) объекта;

- 3) педофильные действия могут быть частью клинической картины другого психического расстройства, например шизофрении (в этом случае будет установлен диагноз основного заболевания — шизофрении);

4) при педофилии предпочтение отдается детям, не имеющим выраженных внешних половых признаков, ведущее значение имеют возрастные особенности телесной организации, происходит фетишизация признаков незрелости детского тела;

5) типичные педофильные действия — поглаживания, ощупывание и разглядывание, обнажение и демонстрация половых органов как регресс к ранним стадиям психосексуального развития.

Объекты воздействия педофилов наделяются явно не соответствующими им качествами более зрелого лица, в обычной детской мимике они видят черты женского кокетства.

Рассмотренный подход позволяет сделать и другие выводы, объясняющие поведение серийных сексуальных преступников:

- 1) выкалывание глаз или покрытие головы — попытка избежать «взгляда» жертвы;
- 2) чем старше преступник, тем реже, но длительнее серия преступлений; чем он моложе, тем выше частота криминальных эпизодов (эта зависимость позволяет ориентировочно судить о возрасте преступников);
- 3) тенденция к прямой связи между возрастом виновного и возрастом выбираемых жертв;

4) выбор жертв не случаен, он осмыслен нарушителем. Пол и возраст жертвы могут дать информацию о развитии сексуальной ориентации нарушителя.

Психиатрами выработаны принципы оценки вероятности опасного поведения:

1) психопатологические механизмы ООД являются стойкой индивидуальной особенностью и обычно сохраняются у больного при повторных деяниях¹²;

2) следует уделять внимание поведению при ухудшении состояния, именно это поведение, а не поведение в светлые периоды позволяет прогнозировать поведение в будущем¹³.

Синдром психофизической зависимости при парафилиях детерминирует многоэпизодность и принудительность садистского поведения в эпизодах, произвольность его возникновения, трудности преодоления аномального влечения в начавшемся эпизоде, влияет на степень свободы при выборе садистского паттерна и тем самым выступает психопатологической основой серийности опасных действий. Знание клинической картины парафилий является одной из составляющих для создания психологического портрета разыскиваемого лица, подозреваемого в совершении серии насильственных сексуальных преступлений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бессонов А. А. Криминалистическая характеристика — информационная основа формирования частных криминалистических методик // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2015. — № 2 (19).
2. Кирюхин Д. А., Ялышев С. А. О соотношении понятий психологического профиля преступника и криминалистической характеристики преступлений // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2014. — № 5 (16).
3. Мальцева М. М., Котов В. П. Опасные действия психически больных. — М., 1995.
4. Руководство по судебной психиатрии / под ред. А. А. Ткаченко. — М., 2012.
5. Черкасова Е. С. Профайлинг — психологический портрет лица, совершившего насильственное преступление, на этапе организации предварительного расследования // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения : сборник научно-практических трудов. — Вып. 2. — М., 2013.

Материал поступил в редакцию 27 августа 2015 г.

¹² Мальцева М. М., Котов В. П. Опасные действия психически больных. М., 1995.

¹³ Ткаченко А. А. Социальная опасность и превенция криминальной агрессии у лиц с психическими расстройствами // URL: www.myshared.ru/slide/684287 (дата обращения: 05.05.2015).

PSYCHOPATHOLOGICAL MECHANISM OF SOCIALLY DANGEROUS ACTS OF PERSONS WITH MENTAL HEALTH PROBLEMS AS THE BASIS OF A PSYCHOLOGICAL PROFILE OF A SERIAL OFFENDER

ILYUK Elena Vadimovna — Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Second Faculty of Advanced Training (Yekaterinburg) of the Academy of Investigative Committee of the Russian Federation [Elena.ilyuk@mail.ru]
620142, Russia, Yekaterinburg, ul. Shchersa, d. 18.

Review. *The article considers the psychopathological approach to constructing the profile of a serial sexual offender. The examples of famous "patterns" are used to demonstrate how sui generis sexual fantasies adumbrating the mental disorder are actualized in their "modus operandi". The author employs the results of scientific research of famous psychiatrists, as well as the founder of sexual pathology Richard Krafft-Ebing. The patterns from forensic and investigative practice are used to demonstrate how mental disorders influence criminal acts, how these mental disorders are detected during psychological forensic examination, but they are not taken into account when the sentence is passed because the accused is considered to be mentally competent. At the same time the circumstances that have contributed to the commission of an offense (which means the mental disorder that is revealed in commission of an offence) are not subjected to proper legal assessment, and the disease is not treated. The article shows how the symptoms of certain types of mental disorders (paraphilias) are reflected in the "modus operandi". The author shows what influences stereotype in criminal behavior, its ritualization and patterning. To explain "the phenomenon of hunting" for a victim the author uses the term "process" that means fixation on the process rather than the result of the activity. The author uses a number of famous criminal patterns to highlight one of the features of offenders that prevented the patterns from prompt detection and led to "a pattern", namely, a "mask of normality". Criminal sexuality did not prevented offenders from their complete socialization in other spheres of life, e.g. the Head of the air force base Trenton, Colonel Aviation Russell Williams, charity treasurer John Wayne Gacy, a lawyer, psychologist and public servant Theodore Robert Bundy. The author draws attention to the "delusional" motivation typical for criminal behavior of persons suffering from schizophrenia, as "delusional" ideas are one of the diagnostic features of schizophrenia. It is stated that in some situations when typical "pedophilic" actions are obvious pedophilia as a mental disorder is not diagnosed, which prevents the application of the Criminal Code provisions aimed at preventing recidivism on the part of such individuals. The author proves that the information necessary to develop a psychological profile of an offender can be provided by means of investigating a typical history of a particular mental disorder of a particular sexual offender, e.g. heavy childbirth, brain injury as a child, incest and assault in the family with such consequences as enuresis, suicide, sexually unconventional behavior, parental neglect that is significant for the purposes of detection. .*

Keywords: *pedophilia, paraphilia, sexual serial killings, psychopathological mechanism of socially dangerous acts psychological profile, criminological characteristics, mental disorders of violent criminals, profiling, compulsory medical measures, diminished sanity*

BIBLIOGRAPHY

1. Bessonova, A. A. Criminalistics characterization as an an information basis for the formation of particular forensic techniques. // Criminologist Library. – 2015. – № 2(19).
2. Kiryuhin, D. A, Yalyshev, S.A. On the relation between the concepts of the psychological profile of a criminal and forensic characterization of crimes // Criminologist Library. – 2014. – № 5 (16).
3. Maltseva, M. M., Kotov V.P. Dangerous acts of the mentally ill. – M., 1995.
4. Guidelines for Forensic Psychiatry / Ed. by Tkachenko A.A. – M., 2012.
5. Cherkasova, E. S. Profiling refers to a psychological portrait of a person who committed a violent crime at the stage of organizing preliminary investigation // Investigation of crimes: problems and ways of their solving: a collection of scientific and practical works. Vol. 2. – M., 2013.

О. С. Бутенко*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА МОБИЛЬНЫХ ТЕЛЕФОНОВ В РАМКАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В статье анализируется такое следственное действие, как осмотр мобильных телефонов, которое весьма слабо освещено в научной литературе. Автор специально касается как криминалистического, так и процессуального аспекта следственного осмотра, поскольку регламентация требований к осмотру мобильных телефонов находится в стадии становления. Автором рассматриваются криминалистически значимые следы, которые могут быть обнаружены на мобильном телефоне, даются отдельные рекомендации по тактике проведения изъятия и осмотра мобильных устройств, рассматриваются общие требования и основания для проведения осмотра мобильных телефонов. Акцентируется внимание на том, что важной задачей, стоящей перед следователем на первоначальной стадии изъятия и осмотра мобильного устройства, является обеспечение полной сохранности криминалистически значимой информации в мобильном устройстве в неизменном виде. Далее автор анализирует современные программные и технические средства, применяемые в следственной практике для осмотра мобильных телефонов (программно-аппаратные комплексы UFED и XRY, иные программные и аппаратные методы, позволяющие изъять из мобильного телефона действующую и удаленную пользовательскую информацию). Кроме того, в статье рассматриваются и особенности иных методов получения информации из мобильных телефонов, таких как получение root-доступа к устройству, с точки зрения их криминалистического применения. Учитывая, что одной из нерешенных в настоящее время проблем является преодоление защиты на смартфонах iPhone (начиная с версии 4s), отдельно рассматривается разработанная в текущем году аппаратная система IP Vox iPhone Password Unlock Tool, позволяющая подобрать пароль к смартфонам и планшетам компании Apple. Также рассматривается вопрос о правовом статусе информации, которая содержится в мобильном телефоне. Отдельно в статье рассматривается вопрос о необходимости получения судебного решения для проведения осмотра мобильных устройств, который в настоящее время является одним из самых дискуссионных в следственной практике по причине законодательного пробела в данной области. Отмечается, что необходимо регулярное обеспечение следователей актуальной криминалистической информацией и необходимыми для успешной работы практическими навыками, в том числе через систему дополнительного профессионального образования, осуществляемого Академией Следственного комитета Российской Федерации.

© Бутенко О. С., 2016

* Бутенко Олег Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики первого факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Ростов-на-Дону) Института повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации
butenko_os@mail.ru
344064, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Волоколамская, д. 3в

Ключевые слова: следственный осмотр, осмотр мобильных устройств, изъятие информации, восстановление информации, криминалистическая тактика осмотра, участие специалиста.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.113.4.049-060

Технологии, построенные на использовании микроэлектроники, являющиеся технологиями пятого технологического уклада в экономике, нашли свое воплощение в миллиардах мобильных электронных устройств по всему миру. Сейчас трудно представить нашу жизнь без ежедневного их использования. Компьютеры, мобильные телефоны, навигаторы, телевизоры с возможностью выхода в Интернет и Skype становятся носителями огромного количества цифровой информации, и, следовательно, преступления, совершаемые с использованием этих устройств, оставляют в них электронные криминалистически значимые следы.

Мобильные телефоны и иные устройства используются при совершении преступлений в сфере экономики, компьютерной информации, телефонного мошенничества, при незаконном сбыте наркотических средств и т.д. При опросе следователей, проведенном Н. А. Архиповой, установлено, что 52 % следователей уделяют средствам мобильной связи особое внимание и принимают активные меры для получения информации, содержащейся в мобильных телефонах. Более 37 % следователей исследуют средства мобильной связи, если об этой возможности стало заранее известно в ходе расследования преступления, и только 7 % следователей не уделяют этому внимания и ранее не задумывались о возможностях хранения в средствах мобильной связи криминалистически значимой информации.

Н. А. Архипова также отмечает, что «практические работники нередко недооценивают технические возможности средств сотовой связи по хранению в них текстовой, звуковой информации, фото- и видеозаписей, сведений о входящих и исходящих телефонных номерах, содержание SMS-, EMS-, MMS-сообщений, что приводит к сужению доказательственной базы уголовного дела»¹.

Как отмечает Н. Н. Федоров, в случае, когда следы преступления отображаются в электронной форме, их обнаружение, изъятие и фиксация представляют достаточную сложность для большинства следственных работников.

Эксперты в области компьютерно-технической экспертизы (В. А. Егоров и О. Н. Ильных) отмечают, что с мобильным устройством связаны следующие виды значимых для следствия следов:

- *следы на электронных носителях* — сведения о соединениях абонентов, о произведенных финансовых операциях, системе сотовой связи и т.д., хранящиеся у сотовых операторов либо на компьютерах, изъятых у подозреваемого (обвиняемого);
- *следы на мобильном устройстве* — абонентская книга телефона, сведения о соединениях абонентов сетей сотовой связи (журнал звонков, сообщения SMS, MMS), о произведенных финансовых операциях, системе сотовой связи, специальные программные средства для прошивки мобильных телефонов, SIM-карт, данные из прикладных приложений Viber, Skype, WhatsApp, Facebook, Vkontakte и др., которые могут содержать данные пользователей мобильных телефонов, IMEI-код, изменение последнего программными средствами, используемые телефонные номера, фотографии и видеозаписи, следы пальцев рук, микрочастиц;
- *следы на SIM-карте*, абонентская книга на 200 номеров, журнал звонков, сообщения SMS, данные о служебных сообщениях.

При осмотрах, обысках, выемках, сопряженных с изъятием как компьютерной техники, так и мобильных телефонов, зачастую возникает ряд общих проблем, связанных со спецификой изымаемых объектов.

Фактически оптимальный вариант изъятия мобильного телефона и носителей информации — это фиксация их и их конфигурации (в слу-

¹ Архипова Н. А. К вопросу об использовании возможностей средств мобильной связи в раскрытии и расследовании преступлений : сб. мат-лов криминалист. чтений. Барнаул : Барнаульский юрид. институт МВД России. 2014. № 10. С. 16.

чае компьютерной техники) на месте обнаружения и упаковка таким образом, чтобы аппаратуру можно было бы успешно, правильно и точно так же, как на месте обнаружения, соединить в лабораторных условиях или в месте производства экспертиз с участием специалистов.

По прибытии на место осмотра или обыска следует принять меры к обеспечению сохранности информации на находящихся здесь компьютерах, мобильных телефонах и носителях информации. Для этого необходимо:

- не разрешать кому бы то ни было из лиц, присутствующих на месте происшествия или объекте обыска, прикасаться к работающим компьютерам, мобильным телефонам, носителям информации, включать и выключать их;
- самостоятельно не производить никаких манипуляций с компьютерной и сотовой техникой, если результат этих манипуляций заранее не известен;
- при наличии в помещении, где находятся средства компьютерной и сотовой техники, а также носители информации, взрывчатых, легковоспламеняющихся, токсичных и едких веществ или материалов как можно скорее их транспортировать в другое помещение.

Важной задачей, стоящей перед следователем, является обеспечение сохранения криминалистически значимой компьютерной информации в неизменном виде.

В криминалистической литературе продолжается дискуссия по поводу того, в каком состоянии должен изыматься мобильный телефон. Так, А. Н. Архипова в результате опроса сотрудников органов внутренних дел, проводивших изъятие мобильных телефонов в ходе проведения следственных действий (осмотра места происшествия, обыска, выемки), выявила, что опрошенные следователи изымали мобильные телефоны всегда в выключенном состоянии. В результате она рекомендует: если мобильный телефон включен, нужно произвести фотосъемку месторасположения мобильного телефона и его экрана, после чего телефон нужно корректно выключить. В протоколе следственного действия должны быть отражены: информация с экрана телефона, порядок

выключения мобильного телефона, дата и время его отключения. Согласно автору данные действия обеспечат сохранность содержащейся в мобильном устройстве информации.

В свою очередь, Г. В. Семенов подчеркивает, что «при изъятии мобильного телефона не следует отключать его, т.к. при последующем включении могут потребоваться коды блокировки, необходимые для работы телефона и соответственно полноценного исследования его информационного содержимого»².

Как отмечает А. А. Шошин, следственный осмотр является одним из самых распространенных следственных действий. Суть осмотра заключается в том, что следователь сам непосредственно убеждается в наличии фактов, имеющих доказательственное значение. При этом могут применяться самые разные методы познания. «Осмотр — это не только наблюдение, но и производство различных измерений и вычислений, сравнение наблюдаемых объектов как между собой, так и с другими объектами и явлениями, экспериментирование с исследуемыми объектами и, наконец, описание и запечатление иными методами всего того, что обнаружено и выявлено следователем и другими участниками осмотра»³.

Процессуальный порядок осмотра предусмотрен ст. 176—180 УПК РФ. В соответствии с положениями уголовно-процессуального закона следственный осмотр может проводиться в присутствии понятых. Следователь имеет право в необходимых случаях привлекать к участию в осмотре обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, свидетеля. Поскольку осмотр мобильных устройств отличается от иных видов осмотра тем, что компьютерная информация, содержащаяся в мобильном устройстве, зачастую не может восприниматься человеком непосредственно органами чувств, воспринимать (следовательно, и осмотреть в смысле УПК РФ) ее можно с помощью технических и программных средств.

Осмотр мобильных устройств, да и вообще любой компьютерной информации, это не столько осмотр как таковой, а скорее техническое исследование, требующее определенных знаний.

² Семенов Г. В. Расследование преступлений в сфере мобильных телекоммуникаций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. С. 17.

³ Шошин А. А. Некоторые проблемы определения понятия «следственный осмотр» // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 4 (21). С. 175.

Н. Н. Федоров отмечает, что иногда в связи с технической сложностью осмотра мобильных устройств лучше в любом случае назначить судебную компьютерно-техническую экспертизу. В то же время проведение компьютерной экспертизы по каждому мобильному устройству зачастую невозможно, т.к. загруженность экспертов в регионах затягивает срок проведения экспертизы на четыре, а иногда даже на шесть месяцев. Поэтому законность и грамотность осмотра является необходимым элементом успешного окончания уголовного дела.

При производстве следственного осмотра следователь должен строго соблюдать требования законности, не допуская действий, унижающих достоинство или опасных для здоровья участников осмотра и тех лиц, интересы которых могут оказаться затронутыми производством осмотра. Если нужно, следователь может принять меры, предупреждающие разглашение результатов осмотра. Ход и результаты осмотра должны быть зафиксированы в установленном законом порядке.

При осмотре мобильных телефонов необходимо обеспечить выполнение следующих требований:

- своевременность;
- объективность;
- полнота;
- активность.

Осмотр мобильного телефона нужно проводить своевременно, сразу же, как только в этом возникает необходимость. Необоснованное промедление с осмотром может привести к неэффективности или невозможности следственного осмотра по причине того, что аккумулятор телефона разрядится либо информация будет специально уничтожена посредством удаленного доступа. Таким образом, выполнение требования своевременности следственного осмотра непосредственно влияет на результативность данного следственного действия и повышает вероятность получить доступ к максимально сохранной к моменту осмотра информации на мобильном устройстве.

Учитывая, что элементы субъективности могут иметь место при осмотре, как и в любой иной деятельности, выполняемой человеком, для проведения осмотра мобильного устройства важно выполнение требования объективности. Сутью данного требования является максимально точное запечатление и последовательная фиксация всего обнаруженного при проведении следственного осмотра мобильного устройства.

Требование объективности осмотра конкретизируется в нескольких аспектах.

Во-первых, внимательное исследование и четкая фиксация всего, что было обнаружено при проведении следственного осмотра, причем в том виде, в котором оно было в действительности.

Во-вторых, последовательное описание в протоколе осмотра всего, что было осмотрено, причем в той последовательности, в которой проводился осмотр.

В-третьих, беспристрастное исследование мобильного устройства, когда следователь проводит осмотр без предвзятости, предубеждения, не отдает предпочтения ни одной из проверяемых им гипотез и версий.

В-четвертых, беспристрастное ведение протокола, отражающего результаты осмотра. В протоколе не должны присутствовать выводы, заключения и предположения следователя.

С требованием объективности тесно связано требование полноты следственного осмотра. Речь идет о выявлении, фиксации и об исследовании в ходе осмотра всех фактических данных, которые имеют доказательственное значение по делу. Границы исследования существенно расширяются благодаря квалифицированному применению современных научно-технических средств и программ при осмотре мобильного телефона, а также грамотному использованию приемов собирания и исследования доказательств.

Задача следователя — провести осмотр так, чтобы не упустить ни одного обстоятельства, имеющего значение для дела. Множество имеющихся у следователя версий помогают ему при осмотре определить, относятся ли к делу обнаруженные при осмотре данные. Все те, что, вероятно, относятся к делу, должны изыматься для последующего исследования и решения вопроса об их значимости для следствия. Здесь крайне важна профессиональная интуиция следователя, т.к. отношение к делу некоторых фактических данных, полученных в результате следственного осмотра, может выясниться лишь в результате сопоставления их с полученными доказательствами или даже в результате специального экспертного исследования. Таким образом, щепетильное выполнение требования полноты следственного осмотра обеспечивает возможность обнаружить максимальное количество необходимых сведений.

Требование активности данного следственного действия предполагает наличие у следо-

вателя активной профессиональной позиции, которая проявляется в том, что следователь проводит осмотр без дополнительных ходатайств заинтересованных лиц. Он принимает все возможные и необходимые меры для того, чтобы найти следы преступления, раскрыть его и обнаружить лицо, совершившее данное преступление. Реализация требования активности предполагает целеустремленность действий следователя, самостоятельное целеполагание и терпеливое следование целям, которых он рассчитывает достичь путем следственного осмотра.

Осмотр мобильных телефонов должен выполняться при соблюдении следующих условий:

- наличие понятых (не менее двух понятых, за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 ст. 170 УПК РФ);
- привлечение к участию в осмотре эксперта, в случае невозможности его непосредственного участия предполагается последующее обращение к эксперту;
- осмотр не следует проводить в ночное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательств.

Кроме того, при осмотре не допускается:

- применение принуждения (кроме случаев осмотра жилища, реализующегося в соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ или по решению суда);
- нарушения прав и законных интересов лиц, принимающих участие в осмотре, а также иных лиц, ограничение которых не предусмотрено уголовно-процессуальным законом;
- унижение чести и достоинства лиц, участвующих в производстве осмотра, а также угроза их жизни и здоровью;
- фиксация показаний потерпевшего, свидетелей и других принимающих участие в осмотре лиц.

Кроме того, О. А. Луценко выделяет ряд положений процессуального и тактического характера, которыми следует руководствоваться при проведении следственного осмотра:

- руководство осмотром должен осуществлять следователь, которому поручено расследование дела. Следователь является лицом, которое ответственно за результаты осмотра;
- использование научно-технических средств (UEFD, XRY, Oxygen Forensic и другие);
- обязательное присутствие понятых либо подробная фотофиксация хода следственного осмотра мобильного устройства;

- обеспечение всесторонности, активности и полноты следственного осмотра;
- правильное обращение с объектами при изъятии и фиксации.

Максимально полное выполнение этих требований позволит решить в полной мере задачи осмотра мобильных устройств:

- установить, носило ли происшедшее событие преступный характер;
- выяснить, при каких обстоятельствах оно происходило (время, место, способ, характер причиненного ущерба);
- выявить виновных лиц и мотивы их действий;
- получить данные о причинах преступления, которые способствовали его совершению.

При осмотре мобильных устройств должны соблюдаться следующие правила:

- объект до манипуляций с ним предварительно фотографируется, и в протоколе описывается его исходное состояние;
- если возникнет предположение о наличии на мобильном устройстве следов, которые не видны невооруженным глазом (отпечатки пальцев, следы биологического происхождения), необходимо применить специальные способы и средства их выявления;
- в случае если телефон заблокирован, желательно воспользоваться методами, которые не несут риска разрушения или повреждения информации, находящейся на мобильном устройстве. Например, если осматривается мобильный телефон под управлением операционной системы Android, часто возникает искушение получить максимально полный доступ к устройству, так называемый root-доступ, который позволит исследовать любой Android-телефон, вне зависимости от его конструктивных инженерных особенностей. Имея полный доступ к операционной системе Android, можно вносить изменения в файлы операционной системы, удалять стандартные программы операционной системы, запускать любые исполняемые файлы, предназначенные для Linux, создавать полную резервную копию установленной системы со всеми настройками и приложениями, используя дополнительные программы. Но возникает риск повреждения информации на мобильном телефоне, поскольку вносятся изменения в память устройства путем установки специальной программы, открывающей root-доступ (Unlock Root, z4root, HTC Quick Root, Easy Rooting Toolkit, Gingerbreak,

SuperOneClick, Visionary, Unrevoked), а также происходит потеря заводской гарантии, что связано с возможным вредом операционной системе при неправильном или просто неосторожном обращении с повышенным уровнем доступа;

— информацию, которую невозможно скопировать на внешний носитель и проанализировать с помощью специализированного программного обеспечения, желательно зафиксировать любым иным образом (с помощью фото- или видеофиксации).

Участвующий в осмотре специалист должен оказать помощь следователю и в составлении протокола следственного осмотра, «обеспечивая правильность отражения в нем данных, характеризующих объекты осмотра, их взаимосвязь с другими следами и объектами»⁴.

На завершающем этапе осмотра специалист должен оказать всю возможную помощь следователю в анализе результатов следственного действия; в выдвигании или корректировке следственных версий; «определении направлений и видов дальнейшего использования объектов осмотра, обнаруженных и изъятых следов и других вещественных доказательств»⁵.

Специалист также может оказать помощь следователю в определении относимости, допустимости, достоверности, достаточности доказательств, полученных в ходе осмотра.

Как уже отмечалось выше, в ходе осмотра мобильных устройств крайне рекомендуется использование специализированного программного обеспечения и (или) программно-аппаратных комплексов. Таких комплексов в настоящее время существует два — это UFED (производства фирмы Cellebrite, Израиль) и XRY (производства компании Micro Systemation, Швеция).

В соответствии с приказом Председателя Следственного комитета РФ в 2012—2013 годах все следственные управления Следственного комитета РФ были обеспечены аппаратно-программными комплексами *UFED*. Исходя из спецификации данного оборудования, *UFED* представляет собой средство для проведения оперативного исследования мобильных устройств. Аппаратно-программный комплекс позволяет провести упрощенное и быстрое ло-

гическое извлечение информации из обширного ряда мобильных устройств: мобильных телефонов, смартфонов, планшетов, телефонов китайской сборки на базе микропроцессора, некоторых моделей GPS-приемников, сим-карт мобильных устройств и карт памяти.

Используемый в следственных управлениях Следственного комитета РФ комплекс *UFED Touch* включает в себя:

— *UFED Logical Analyzer* — приложение для комплексного анализа и составления отчетов и логического извлечения данных;

— *UFED Link Analyzer* — приложение, которое определяет и визуализирует связи и коммуникационные методы между различными мобильными устройствами, основываясь на отчетах об извлечении данных;

— *UFED Phone Detective* — приложение для моментальной идентификации телефона.

UFED использует несколько механизмов анализа мобильных устройств, а именно:

- 1) извлечение данных на физическом уровне;
- 2) логическое извлечение;
- 3) извлечение файловой системы.

Извлечение данных на физическом уровне предполагает побитовое полное копирование содержания памяти мобильного устройства. Указанный метод извлечения данных позволяет извлечь не только неповрежденные данные, но и скрытые данные, а также те, которые были удалены.

Поддерживаемые типы данных, извлекаемые на физическом уровне, включают неповрежденные и удаленные пароли, установленные приложения, географические теги, информацию о местонахождении, файлы мультимедиа, такие как фото и видео пользователя.

Логическое извлечение предполагает извлечение данных при помощи операционной системы устройства. Это означает, что инструменты извлечения данных взаимодействуют с операционной системой устройства и запрашивают информацию из системы. Это позволяет получить большинство оперативных данных мобильного устройства.

Типы данных включают в себя пароли, списки звонков, журналы звонков, сохраненные на сим-карте, данные телефона (IMEI/ESN), записи телефонной книги, SMS, MMS, изображе-

⁴ Следственный осмотр. Понятие, виды и доказательственное значение : учеб.-практ. пособие / отв. ред. О. А. Луценко. Элиста, 2007. С. 17.

⁵ Следственный осмотр. С. 18.

ния, видео- и аудиофайлы и др. В большинстве случаев логическое извлечение невозможно для заблокированных устройств.

Извлечение файловой системы — это получение файлов, встроенных в память мобильного устройства. Извлечение файловой системы предоставляет доступ ко всем файлам, хранящимся в памяти мобильного устройства, в том числе изображениям, видео, системным файлам и журналам.

Исходя из практики применения программно-аппаратного комплекса UFED в отделах криминалистики следственных управлений Следственного комитета РФ, необходимо отметить высокую значимость данных, получаемых с помощью этого комплекса. Криминалистическое исследование мобильного телефона позволяет существенно сократить время, необходимое на осмотр каждого мобильного устройства, определить перечень объектов, которые необходимо направить на судебную компьютерную экспертизу, и получить данные, которые могут быть приобщены к материалам уголовного дела в качестве доказательств.

В то же время необходимо отметить обстоятельство, которое до сих пор препятствует более широкому распространению практики применения UFED в ходе расследования уголовных дел. Этим обстоятельством является трудозатратность проведения исследования с помощью UFED. Каждая модель мобильного устройства достаточно уникальна относительно возможности извлечения того или иного рода информации. Подчас требуется осуществить все указанные выше варианты извлечения информации для одного телефона. Поэтому исследование одного телефона может занимать от 2 до 5 часов. На наш взгляд, осмотр с помощью аппаратно-программного комплекса UFED сравним с проведением экспертизы того же устройства и по трудозатратам, и по требуемой квалификации сотрудника отдела криминалистики, который проводит данное исследование.

Второй упомянутый нами программно-аппаратный комплекс, XRY, появился на рынке раньше UFED, и на сегодня его активно используют в правоохранительной системе Великобритании и США.

Комплекс работает в трех режимах, сходных с режимами UFED:

— XRY Logical предназначен для быстрого извлечения активных данных из мобильного устройства путем логического взаимодей-

ствия программного обеспечения с операционной системой устройства. Эффективен в 80 % исследований. Обладает простым, интуитивно понятным и удобным интерфейсом;

— XRY Physical предназначен для физического извлечения (дампа) памяти мобильного устройства и ее последующего дешифрования. Обеспечивает глубокий анализ устройства с целью извлечения удаленных, защищенных или спрятанных данных;

— XRY Complete — полнофункциональное решение, объединяющее все инструменты и преимущества логического и физического извлечения данных. По информации производителя, программно-аппаратный комплекс предназначен для проведения защищенного извлечения цифровых данных из разнообразных мобильных устройств, таких как смартфоны, GPS-навигаторы, 3G-модемы, портативные аудиоплееры и планшетные компьютеры. Благодаря функции «Мастер одновременного извлечения» комплекс позволяет пользователю исследовать до трех мобильных устройств одновременно, что достаточно существенно экономит время и ресурсы.

Аналогично с комплексом UFED, в результате исследования телефонов создаются защищенные от несанкционированного доступа отчеты, которые можно вывести на печать или записать на компакт-диск. Функция экспорта XRY обеспечивает возможность создания отчетов в следующих форматах: html, xml, xls, docx, doc и grx.

В начале работы системы, после идентификации мобильного устройства, XRY подсказывает, какие данные можно извлечь из этой модели телефона, а какие нет.

После извлечения данных перед специалистом и следователем зачастую встает вопрос об анализе большого массива данных (особенно если речь идет о современных смартфонах), поэтому полезны инструменты приоритетной сортировки (Triage). Данная функция Списка особого контроля (Watch List Feature) помогает немедленно найти нужную следователю информацию для оперативного принятия решения.

Комплекс XRY позволяет извлекать данные из многочисленных программных приложений смартфонов. С его помощью можно извлечь данные вызовов IP-телефонии, картографическую информацию GPS и журналы средств оперативной пересылки сообщений.

Кроме того, в комплекс входят следующие модули:

- ХАСТ — HEX — редактор для анализа физического дампа на низком уровне;
- ID SIM-Cloner — программный модуль для клонирования ID SIM-карт с целью обеспечения неизменности данных мобильного устройства.

ХАМН — аналитический инструмент компании Micro Systemation, специально разработанный для визуализации извлеченных данных нескольких телефонов. ХАМН позволяет пользователям визуализировать взаимосвязи, отображать на карте географические данные, а также просматривать хронологию событий одновременно для нескольких разных телефонов.

Для работы в сложных условиях Micro Systemation разработала специальный тип комплектов *XRY Field Edition* на основе защищенных ноутбуков Panasonic CF-19 и Algiz XRW.

Несмотря на универсальность указанных комплексов, ими не всегда можно воспользоваться. Сказывается дороговизна комплексов и, как следствие, небольшое их количество, высокая загруженность. Поэтому необходимо рассмотреть также иные программные средства и методы, которые могут быть использованы при осмотре мобильных устройств.

И. Ю. Михайлов приводит следующие методы изъятия информации из мобильного телефона:

1. Извлечение данных из микросхем памяти мобильного устройства методом Chip-off.
2. Извлечение данных из памяти мобильного устройства с использованием отладочного интерфейса JTAG.
3. Извлечение данных с помощью специализированных программ (например, Oxugen Forensic Suit).
4. Создание копии памяти мобильного устройства в ручном режиме.
5. Комбинированные методы.

В то же время, как отмечает указанный автор, нет единой программы, которая бы поддерживала извлечение данных из всех мобильных устройств, существующих в мире.

Необходимо также отметить, что есть и новые технологии, позволяющие обойти защиту мобильного телефона и, как следствие, провести осмотр с максимальной степенью эффективности. Так, обойти защиту iPhone (начиная с версии 4) исключительно программными методами практически невозможно без риска повреждения данных, но устройство IP Vox iPhone

Password Unlock Tool (Китай), которое появилось в открытой продаже во втором квартале 2015 года, позволяет подключиться в iPhone или iPad и методом брутфорса (перебора) подобрать запрашиваемый при загрузке операционной системы iOS пароль.

Необходимо отметить, что данный ключ безопасности, открывающий доступ к программной части смартфона, состоит из четырех цифр. Но в операционной системе iOS после 10 неправильно введенных паролей информация с устройства будет автоматически удалена. С помощью же IP Vox процесс подбора пароля полностью автоматизируется и позволяет подобрать пароль к смартфону за несколько часов или дней без риска повреждения или уничтожения информации. Особенностью рассматриваемой системы, главный модуль которой подключается к мобильному устройству при помощи зарядного кабеля и напрямую к аккумуляторной батарее, является специальный датчик света. Последний крепится к дисплею и позволяет обойти систему защиты, реализованную в iOS. Примененное инженерное решение заключается в считывании текущего параметра яркости, которая в случае неверно введенного пароля остается прежней, а при вводе правильной комбинации — увеличивается. Соответственно, если яркость не изменилась, IP Vox подает сигнал на блок питания смартфона или планшета, принудительно отключая устройство в перезагрузку. При этом iOS не успевает зарегистрировать попытку ввести пароль, что делает данный способ защиты абсолютно бесполезным, а количество попыток — неограниченным.

Если представить, что на загрузку, ввод цифр затрачивается примерно 40 сек, то для подбора пароля из четырех цифр (всего 10 000 комбинаций) понадобится не более 112 часов. В заключение хочется отметить, что цена данного устройства не превышает 200 долл., поэтому оно является достаточно доступным для широкого применения.

Наиболее проблематичным и дискуссионным является вопрос о правовом статусе информации, которая содержится в сотовом телефоне. Наибольший интерес при этом вызывает вопрос о статусе сообщений электронной почты, SMS и MMS, мгновенных сообщениях Skype, Viber и WhatsApp, а также сообщениях, содержащихся в приложениях популярных социальных сетей — Vkontakte и др. Проблема кроется в том, что на уровне федерального за-

конодательства не закреплено даже понятие электронной почты, не говоря уже о данных переписки из приложений для мобильных устройств.

Так, статья 23 Конституции РФ предусматривает право граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, а также право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Хотя в этой статье прямо не указано, что гражданин имеет право на тайну электронных сообщений, очевидно, что электронные сообщения подпадают под понятие «иные сообщения».

Электронные почтовые ящики могут быть созданы пользователями самостоятельно на собственных почтовых сервисах или на публичных почтовых сервисах. Собственные почтовые сервисы, как правило, предпочитают организации, они предоставляют к ним доступ сотрудникам. Для самостоятельного создания почтового сервиса необходимы специальные знания в области интернет-технологий и доменное имя. Электронные почтовые ящики, размещенные на публичных сервисах, крайне популярны. Их создание не требует специальных знаний, необходимо лишь заполнить простую форму на сайте публичного сервиса и получить электронный почтовый ящик в свое пользование.

Е. В. Митин предлагает считать электронный почтовый ящик, созданный пользователем на публичном почтовом сервисе, принадлежащим гражданину, если в регистрационных формах указаны реальные данные этого гражданина, в противном случае электронный почтовый ящик считается не принадлежащим гражданину.

На уровне высших судов также нет ясности по данному вопросу, поскольку в определениях Конституционного Суда РФ от 2 октября 2003 г. № 345-О и от 21 октября 2008 г. № 528-О к тайне связи относятся любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи. В то же время в определении Верховного Суда РФ от 2 июня 2006 г. № 9-ДП06-10 говорится о том, что при выемке у операторов связи документов о входящих и исходящих сигналах соединений похищенного

мобильного телефона тайна содержания переговоров сохраняется, поскольку целью выемки является только информация о входящих и исходящих звонках с похищенного телефона.

Один из исследователей в области компьютерно-технической экспертизы, А. Н. Яковлев, применительно к сообщениям электронной почты отмечает, что пока сообщение находится на компьютерном средстве пользователя, такие данные не являются тайной связи. Как только правообладатель коммуникационного сервиса «Мэйл.Ру», «Яндекс» или др. получает эти данные, пересылает оператору связи, данные являются электронными сообщениями или электронной почтой, охраняемой тайной связи. Будучи доставленными получателю, т.е. на компьютерное средство пользователя, они вновь становятся не охраняемыми законом данными, которые получил пользователь сети Интернет. Следовательно, как отмечает автор, возможно «получать информацию в порядке ст. 86 УПК РФ в ходе следственных действий... Решения суда при этом также не требуется»⁶.

Данный подход, безусловно, имеет право на существование, но на практике зачастую следователям приходится обращаться с ходатайством в суд для проведения осмотра мобильного телефона. Нельзя сказать, что это повсеместная практика, но, безусловно, данный вопрос еще найдет разрешение в федеральном законодательстве Российской Федерации.

Таким образом, с появлением в 1990-х гг. в России средств мобильной связи и с их широким распространением следователи ежедневно сталкиваются с новыми высокотехнологичными криминалистическими объектами, особое место среди которых занимают мобильные телефоны. Глубокое понимание технических возможностей средств мобильной связи по хранению в них текстовой и звуковой информации, фото- и видеозаписей, содержания SMS- и MMS-сообщений, по анализу входящих и исходящих звонков как источника сведений о социальных связях субъекта и т.д. существенно расширяет доказательственную базу уголовного дела. В то же время, учитывая положительный опыт применения полиграфа в системе СК России (в отделах криминалистики следственных управлений выделяется отдельная ставка эксперта для работы с полиграфом),

⁶ Яковлев А. Н. Правовой статус цифровой информации, извлекаемой из компьютерных и мобильных устройств: «электронная почта» // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4. С. 46.

считаем необходимым применить аналогичный организационный подход и к применению UFED. Введение данного положения, во-первых, повысит эффективность применения UFED, во-вторых, сократит время на проведение судебных экспертиз и, в-третьих, позволит повысить эффективность работы отделов криминалистики за счет большей специализации его сотрудников.

Но и следователи не должны возлагать надежды исключительно на помощь специалистов и экспертов; необходимо помнить, что именно следователь является должностным

лицом, ответственным за результаты осмотра, а без грамотного осмотра и поиска доказательств, в том числе в электронной форме, привлечение лица к уголовной ответственности зачастую становится проблематичным. Поэтому необходимо регулярное обеспечение следователей актуальной криминалистической информацией и необходимыми для успешной работы практическими навыками, в том числе через систему дополнительного профессионального образования, осуществляемого Академией Следственного комитета Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алескеров В. И., Максименко И. А. Особенности отдельных следственных действий при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. — 2010. — № 4 (16).
2. Архипова Н. А. К вопросу об использовании возможностей средств мобильной связи в раскрытии и расследовании преступлений // Сборник материалов криминалистических чтений. — Барнаул, 2014. — № 10.
3. Баженов С. В., Невский Е. П., Чердынцева И. А. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Законодательство и практика. — 2011. — № 1.
4. Варданян А. А., Цыкора А. А. Правовая природа и тактико-криминалистические особенности производства следственных действий, связанных с получением и анализом информации о телекоммуникационных соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2013. — № 4—2.
5. Варданян А. В., Никитина Е. В. Расследование преступлений в сфере высоких технологий и компьютерной информации. — М., 2007.
6. Гайдин А. И., Потанина И. В. Особенности производства отдельных следственных действий при расследовании общеуголовного мошенничества с использованием средств сотовой связи // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : сборник материалов Всерос. науч.-практ. конференции. — Орел, 2015.
7. Зигура Н. А. Использование специальных знаний для обнаружения, изъятия, фиксации и закрепления энергозависимой компьютерной информации // Вестник ЮУрГУ. — Серия : Право. — 2007. — № 4.
8. Кэрриэ Б. Криминалистический анализ файловых систем. — М., 2007.
9. Митин Е. В. Право на тайну сообщений, передаваемых по электронным почтовым ящикам: проблемы реализации // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 9.
10. Морозова Е. В., Андроник Н. А. Тактика контроля и записи переговоров: проблемы теории и практики // Вестник Уральского института экономики, управления и права. — Серия : Право. — 2013. — № 4 (25).
11. Романенко М. А. Следственный осмотр по делам о преступных нарушениях авторских прав в сфере программного обеспечения // Вестник Омского университета. — Серия : Право. — 2008. — № 1 (14).
12. Романенко М. А. Судебная дигитология — современный взгляд на содержание криминалистической техники // Вестник Омского университета. — Серия : Право. — 2007. — № 1 (10).
13. Следственный осмотр. Понятие, виды и доказательственное значение / отв. ред. О. А. Луценко. — Элиста, 2007.
14. Старичков М. В. Тактика осмотра и выемки носителей компьютерной информации // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2012. — № 2 (61).
15. Стельмах В. Ю. Техничко-специальные следственные действия в российском уголовном процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2015. — № 1 (65).
16. Федоров Н. Н. Форензика — компьютерная криминалистика : монография. — М., 2007.
17. Федотова Н. В. О предмете тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений // Бизнес в законе. — 2008. — № 2.

18. Цыкора А. А. Некоторые проблемы производства следственного действия «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» // Известия Тульского государственного университета. — Экономические и юридические науки. — 2013. — № 3—2.
19. Шахматов А. В., Бажуков В. Б. Оперативно-розыскное исследование электронных носителей информации при выявлении и раскрытии преступлений в кредитно-банковской сфере // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2014. — № 2 (62).
20. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. — Самара, 2008.
21. Шошин А. А. Некоторые проблемы определения понятия «следственный осмотр» // Вестник Владимирского юридического института. — 2011. — № 4 (21).
22. Яковлев А. Н. Правовой статус цифровой информации, извлекаемой из компьютерных и мобильных устройств: «электронная почта» // Вестник Воронежского института МВД России. — 2014. — № 4.

Материал поступил в редакцию 27 августа 2015 г.

FORENSIC AND PROCEDURAL ASPECTS OF EXAMINING MOBILE PHONES DURING PRELIMINARY INVESTIGATION

BUTENKO Oleg Sergeevich — Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Criminalistics of the First Faculty of Advanced Training (Rostov-on-Don) of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

[butenko_os@mail.ru]

344064, Russia, Rostov-on-Don, ul. Volokalamskaya, 3B.

Review. *The article analyzes such an investigative act as examining mobile phones that is very poorly covered in scientific literature. To this end, the author deals with both forensic and procedural aspects of investigative examination as examination requirements are still being developed. The author considers forensically significant traces that can be detected in a mobile phone, provides guidelines concerning the tactics of the seizure and examination of mobile devices, addresses the general requirements and the reasons for inspecting mobile phones. The author draws attention to the fact that an important task the investigator needs to perform at the preliminary stage of seizing and examining a mobile device is to secure absolute safety of unchanged information significant for investigation in a mobile device. Then, the author analyses contemporary program and IT means applied in investigative practice to examine mobile phones (hardware and software UFED and XRY systems, other hardware and software techniques that enable investigators to remove existing and remote user information from a mobile phone). Moreover, the article considers another peculiarities of the methods of obtaining information from mobile phones such as root access to the device from the point of view of their investigative application. Given that one of the unsolved problems of practice is to overcome the iPhone protection system (4s and younger), the hardware ASIC theme IP Box iPhone Password Unlock Tool that has been developed this year and that allows to select the password to the smart phone and tablet of Apple is considered separately. The author also considers the legal status of the information contained in a mobile phone. Separately the article deals with the issue of necessity of obtaining the mobile phone examination order that still remains one of the disputable issues in the investigative practices due to the gap in legislation. It is noted that for successful operation investigators need to be regularly provided with relevant information and development of practical skills through the system of additional vocational training implemented by the Academy of the Investigative Committee of Russian Federation.*

Keywords: *investigative examination, examination of mobile devices, seizure of information, forensic tactics of examination, data recovery, forensic tactic of examination, expert's participation.*

BIBLIOGRAPHY

1. Aleskerov, V. I., Maksimenko I. A. Peculiarities of certain investigatory acts during investigation of crimes in the sphere of computer information // Bulletin of the All-Russian Institute of Advanced Training of the Officers of MIA of Russia. 2010. №4(16).
2. Arkhipova, N. A. The use of mobile communications capabilities in the detection and investigation of crimes // Collection of works of forensic readings. Barnaul Барнаул, 2014. № 10.

3. *Bazhenov, S. V., Nevsky, E. P., Cherdyntseva, I. A.* Getting information about connections between subscribers and (or) subscriber units // *Legislation and Practice*. 2011. № 1.
4. *Vardanyan, A. A., Tsykora, A. A.* The legal nature and tactical and forensic features of investigative acts associated with obtaining and analyzing information about telecommunication connections between subscribers and (or) subscriber units // *Digest of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 2013. № 4-2.
5. *Vardanyan, A. V., Nikitina, E. V.* Investigation of crimes in the sphere of high technology and computer data. М., 2007.
6. *Gaydin, A. I., Potanin, I. V.* Peculiarities of certain investigative acts during the investigation of criminal fraud committed with the use of cellular communications // *Proceedings of All-Russian scientific-practical conference "Criminal procedure and forensic problems of fight against crime."* Orel, , 2015.
7. *Zigura, N. A.* The use of special knowledge for detection, removal, fixation and retention of volatile computer data // *Vestnik of SUSU. "Pravo" Series*. 2007. № 4.
8. *Kerrie, B.* Forensic analysis of file systems. М., 2007.
9. *Mitin, E. V.* The right to confidentiality of messages sent by e-mail: Implementation challenges // *Theory and practice of social development*. 2012. № 9.
10. *Morozova, E.V., Andronik, N.A.* Tactics of monitoring and recording negotiations: theory and practice problems // *Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law. "Pravo" Series*. 2013. №4(25).
11. *Romanenko, M. A.* Investigative examination in cases concerning criminal violation of copyright in software // *Bulletin of Omsk University. "Pravo" Series*. 2008. № 1 (14).
12. *Romanenko, M. A.* Forensic digitology - a modern view on the content of forensic equipment // *Bulletin of Omsk University. "Pravo" Series*. 2007. № 1 (10).
13. *Investigative examination. The concept, types and evidentiary value / Ed. by Lutsenko, O.A.* Elista, 2007.
14. *Starichkov, M. V.* The tactics of examination and seizure of computer data carriers // *bulletin of The East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012. №2(61).
15. *Stelmakh, V. Y.* Technical and special investigative acts in the Russian criminal procedure // *Bulletin of the St. Petersburg State University of the MIA of Russia*. 2015. № 1(65).
16. *Fedorov, N. N.* Forensika - Computer Forensics: monograph. М., 2007.
17. *Fedotova, N. V.* On the subject of the privacy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraph and other communications // *Business in Law*. 2008. № 2.
18. *Zykora, A.* Some problems of the investigative act of "obtaining information about the connections between subscribers and (or) subscriber units" // *Digest of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 2013. № 3-2.
19. *Shakhmatov, A. V., Bazhukov, V.B.* Operative and investigative examination of electronic data carriers in identifying and detecting crimes in the banking system // *Bulletin of the St. Petersburg University of MIA of Russia*. 2014. № 2 (62).
20. *Shaifer, S.A.* Investigative acts. Grounds, procedural order and evidentiary value. Samara, 2008.
21. *Shoshin, A. A.* Some problems of defining the concept of "investigative examination" // *Bulletin of the Vladimir Law Institute*. 2011. № 4 (21).
22. *Yakovlev, N. A.* The legal status of digital information extracted from computer and mobile devices, "e-mail" // *Bulletin of Voronezh Institute of Russian Ministry of Internal Affairs*. 2014. № 4.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

В. В. Бычков*

ОРУЖИЕ И БОЕПРИПАСЫ КАК ПРИЗНАК ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ОБРАЗУЮЩИХ КРИМИНАЛЬНЫЙ ОБОРОТ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируется отечественная и зарубежная нормативная база, а также судебная практика в отношении объектов вооружения как предмета преступлений, образующих криминальный оборот оружия и боеприпасов. Раскрываются понятия и признаки оружия, его видов: огнестрельного, огнестрельного ограниченного поражения, газового, холодного и метательного, а также основных частей и комплектующих деталей огнестрельного оружия, боеприпасов, патронов к огнестрельному оружию ограниченного поражения и к газовому оружию. Формулируется проблематика в данной сфере, в частности, трактовка указанных терминов в отечественных нормативных актах отлична от трактовки в ратифицированных Россией международных правовых актах. Кроме того, в России по данному вопросу отсутствует и единое мнение у законодательной и судебной ветвей власти.

На практике отнесение неисправного и учебного огнестрельного оружия к предмету преступления затруднительно. Вызывает сомнение отнесение к предмету преступления оружия, обнаруженного в ходе раскопок в местах боевых действий (например, в период Великой Отечественной войны). Не ясна позиция с огнестрельным оружием, имеющим культурную ценность. Проблемно и отнесение к предмету преступления старинного (антикварного) огнестрельного оружия.

В отношении основных частей и комплектующих деталей огнестрельного оружия, огнестрельного оружия ограниченного поражения и газового оружия ни нормативных, ни судебных исключений не имеется.

Конституционным Судом РФ положение ч. 4 ст. 222 УК РФ, предусматривающее уголовную ответственность за незаконный сбыт холодного оружия, признано соответствующим Конституции РФ. Однако в отношении холодного оружия, имеющего культурную ценность, Конституционный Суд РФ признал данное положение УК РФ не соответствующим Конституции РФ.

На практике вызывает проблемы и отнесение определенных видов боеприпасов к предмету указанных преступлений, в частности стрелковых патронов, непригодных для стрельбы из огнестрельного оружия. Кроме того, вызывает сомнение и рассмотрение предметов вооружения, в частности боеприпасов, по признаку малозначительности как не представляющих большой общественной опасности.

Сформулирована основная причина недостаточно эффективного противодействия преступлениям, образующим криминальный оборот оружия и боеприпасов, — несовершенство нормативной базы в части отнесения объектов вооружения к предмету преступлений, противоречие судебной практики законодательству.

© Бычков В. В., 2016

* Бычков Василий Васильевич, кандидат юридических наук, доцент, ученый секретарь Академии Следственного комитета Российской Федерации
bychkov.vasilii@mail.ru
125080, Россия, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

Ключевые слова: криминальный оборот оружия, квалификация, предмет преступления, оружие огнестрельное, огнестрельное оружие ограниченного поражения, газовое оружие, холодное оружие, метательное оружие, основные части огнестрельного оружия, комплектующие детали огнестрельного оружия, боеприпасы, патроны к огнестрельному оружию ограниченного поражения, патроны к газовому оружию.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.113.4.061-075

По мнению специалистов, незаконный оборот оружия и боеприпасов в настоящее время доминирует в общей структуре преступности как в мире в целом, так и в Российской Федерации в частности¹.

Причем последние 10 лет на фоне улучшения общей криминогенной обстановки динамика преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, стабильна, а по их отдельным видам существует тенденция роста².

При этом причинами роста незаконного оборота оружия и боеприпасов в общемировом масштабе называются: утрата контроля за оборотом оружия со стороны государства, нестабильность политической ситуации во многих странах, потрясения социально-экономического плана, растущая востребованность оружия у организованных преступных формирований, а также у определенных политических и экономических сил, напрямую заинтересованных в постоянной актуализации данной проблемы и все чаще использующих оружие и боеприпасы в качестве аргумента в решении того или иного вопроса для достижения своих целей.

Прежде всего необходимо четко понимать термины «оружие» и «боеприпасы».

Оружие и боеприпасы как уголовно-правовые понятия объединяет ряд общих признаков³:

- 1) они являются источниками повышенной опасности, то есть представляют реальную угрозу для личности, общества и государства;
- 2) их целевым назначением является поражение человека, повреждение имущества.
- 3) определенные операции с ними (приобретение, ношение, перевозка, передача, хранение, сбыт, изготовление, перделка, ремонт, перемещение через таможенную границу Таможенного Союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного Союза в рамках ЕврАзЭС) возможны лишь при соблюдении установленных правил⁴.

Аналогично термин «оружие» расшифровывается и в словарях:

- «всякое технически пригодное для нападения или защиты средство»⁵;
- «устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели»⁶.

Таким образом, понятие оружия как юридический термин связано с его повышенной общественной опасностью.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии»⁷ (далее — Закон об оружии) под оружием понимаются

¹ Живаев Д. В. Незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в современной России: уголовно-правовой аспект // Право в Вооруженных Силах. 2014. № 1. С. 103.

² См. подробно: Бычков В. В. Динамика преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов, в Российской Федерации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сборник научно-практических трудов. 2015. № 1 (7). С. 33—39.

³ См. подробно: Казакова В. Уголовно-правовая классификация оружия // Уголовное право. 2002. № 4. С. 21—24; Рогатых Л. Ф. Незаконный оборот оружия / науч. ред. Б. В. Волженкин. СПб., 1998. С. 9.

⁴ Правила оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, утвержденные постановлением Правительства РФ от 21.07.1998 № 814 // СЗ РФ. 1998. № 32. Ст. 3878; Правила оборота боевого ручного стрелкового и иного оружия, боеприпасов и патронов к нему, а также холодного оружия в государственных военизированных организациях, утвержденные постановлением Правительства РФ от 15.10.1997 № 1314 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 1994. С. 451.

⁶ Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 1997. С. 294.

⁷ СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов.

В пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»⁸ (далее — ППВС № 5-2002) акцентируется, что под оружием следует понимать устройства и предметы как отечественного, так и иностранного производства, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели.

Согласно Закону об оружии к оружию не относятся изделия, сертифицированные в качестве изделий хозяйственно-бытового и производственного назначения, спортивные снаряды, конструктивно сходные с оружием (ст. 1).

Следует отметить, что Закон об оружии регулирует только правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия, в то время как уголовный закон предусматривает ответственность за противоправные действия как с указанными видами оружия, так и с иными видами боевого огнестрельного оружия, находящегося на вооружении в Вооруженных Силах РФ, других войсках, воинских формированиях и федеральных органах исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба и на которые действие Закона об оружии не распространяется (п. 1 ППВС № 5-2002).

Законодателем предусмотрена уголовная ответственность за незаконные операции со следующими видами оружия:

- огнестрельное оружие (за исключением гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного) (ч. 1–3 ст. 222, ч. 1, 3, 4 ст. 226 и ст. 226.1 УК РФ);
- гражданское огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие (ч. 4 ст. 222 УК РФ);
- огнестрельное оружие ограниченного поражения (ч. 4 ст. 222 и ч. 4 ст. 223 УК РФ);
- газовое оружие (ч. 4 ст. 222 и ч. 4 ст. 223 УК РФ);

- холодное оружие (ч. 4 ст. 222 и ч. 4 ст. 223 УК РФ);
- метательное оружие (ч. 4 ст. 222 и ч. 4 ст. 223 УК РФ).

Кроме того, установлено наказание за незаконные действия со следующими предметами вооружения:

- основные части огнестрельного оружия (ч. 1–3 ст. 222, ч. 1–3 ст. 223, ст. 226.1 УК РФ);
- комплектующие детали к огнестрельному оружию (ч. 1, 3, 4 ст. 226 УК РФ);
- боеприпасы (ч. 1–3 ст. 222, ч. 1–3 ст. 223; ч. 1, 3, 4 ст. 226 и ст. 226.1 УК РФ);
- патроны к огнестрельному оружию ограниченного поражения (ч. 4 ст. 223 УК РФ);
- патроны к газовому оружию (ч. 4 ст. 223 УК РФ).

Казалось бы, законодателем дан исчерпывающий перечень объектов вооружения, являющихся предметом преступления. Однако не все так однозначно. В частности, трактовка указанных терминов отечественного законодателя отлична от их трактовки в ратифицированных Россией международных правовых актах. Кроме того, в России по данному вопросу отсутствует и единое мнение у законодательной и судебной ветвей власти.

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

В приложении I к Европейской конвенции о контроле за приобретением и хранением огнестрельного оружия частными лицами, принятой 28 июня 1978 г. в Страсбурге⁹, раскрывается понятие «огнестрельное оружие»¹⁰, под которым понимается:

- 1) любой предмет, изготовленный и приспособленный в качестве оружия, из которого заряд дроби, пуля или другой снаряд или вредоносное газовое, жидкое или иное вещество могут быть выпущены с помощью взрывного, газового или воздушного давления или других способов, и соответствующий одному из следующих описаний:
  - автоматическое оружие;
  - короткоствольное полуавтоматическое многозарядное или однозарядное оружие;

⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 5.

⁹ URL: <http://conventions.coe.int>.

¹⁰ См. подробно: *Задоян А. А.* Незаконный оборот оружия: международно-правовой аспект // Юрист. 2011. № 14. С. 41–46.

- длинноствольное полуавтоматическое или многозарядное оружие и хотя бы с одним нарезным стволом;
  - длинноствольное однозарядное оружие хотя бы с одним нарезным стволом;
  - длинноствольное гладкоствольное, полуавтоматическое или многозарядное оружие;
  - переносные ракетные пусковые устройства;
  - любое оружие или иное устройство, вызывающее опасность для жизни или здоровья людей посредством выброса токсичных, едких или одурманивающих веществ;
  - огнемет для нападения или обороны;
  - длинноствольное однозарядное гладкоствольное оружие;
  - длинноствольное оружие с использованием газа для выброса заряда;
  - короткоствольное оружие с использованием газа для выброса заряда;
  - длинноствольное пневматическое оружие;
  - короткоствольное пневматическое оружие;
  - оружие с использованием только пружины для выброса заряда;
- 2) ударно-спусковой механизм, патронник, барабан или ствол любого вышеуказанного предмета;
  - 3) любые заряд, вещество или материал, явно предназначенные для выброса с помощью вышеуказанных предметов;
  - 4) оптические прицелы с подсветкой или оптические прицелы с электронным светоусилительным или инфракрасным устройством, предназначенные для установки на одном из вышеуказанных предметов;
  - 5) глушитель для насадки на любой вышеуказанный предмет;
  - 6) любые граната, бомба или иной снаряд, содержащие взрывное или зажигательное устройство.
- При этом к огнестрельному оружию не относятся предметы, которые:
- стали окончательно непригодными к применению;
  - не подпадают из-за слабой мощности под контроль в стране их употребления;
  - изготовлены в целях подачи сигнала тревоги, другого сигнала, проведения спасательных работ, убоя скота, охоты или рыбной ловли с помощью гарпуна либо в промышленных или технических целях при условии, что могут быть использованы только для указанных целей;
  - не подпадают под контроль в стране, из которой они перемещаются, по причине древности.
- Конвенция также разъяснила понятия следующих видов оружия:
- «автоматическое» — оружие, способное выстреливать очередями каждый раз при нажатии спускового крючка;
  - «полуавтоматическое» — оружие, выстреливающее один заряд каждый раз при нажатии только спускового крючка;
  - «многозарядное» — оружие, требующее каждый раз для производства выстрела задействования, помимо спускового крючка, зарядного механизма;
  - «одноразовое» — оружие, ствол или стволы которого должны заряжаться перед каждым выстрелом;
  - «короткоствольное» — оружие, длина ствола которого не превышает 30 см или вся его длина не превышает 60 см;
  - «длинноствольное» — оружие, длина ствола которого превышает 30 см или вся его длина превышает 60 см.
- В Протоколе против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющем Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, принятую Резолюцией 55/255 Генеральной Ассамблеи ООН от 31 мая 2001 г.¹¹ (далее — Протокол об оружии Конвенции ООН), термин «огнестрельное оружие» разъясняется как любое носимое ствольное оружие, которое производит выстрел, предназначено или может быть легко приспособлено для производства выстрела или ускорения пули или снаряда за счет энергии взрывчатого вещества, исключая старинное огнестрельное оружие или его модели. Старинное огнестрельное оружие и его модели определяются в соответствии с внутренним законодательством. Однако старинное огнестрельное оружие ни в коем случае не включает огнестрельное оружие, изготовленное после 1899 г.

¹¹ СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.

17 июня 2005 г. в Генеральную Ассамблею ООН был представлен Проект международного документа¹², в котором дается определение стрелкового оружия и легких вооружений: это любое носимое смертоносное оружие, которое производит выстрел, предназначено или может быть легко приспособлено для производства выстрела или выбрасывания пули или снаряда за счет энергии взрывчатого вещества, исключая старинные стрелковое оружие и легкие вооружения и их модели. Стрелковое оружие в широком смысле слова охватывает средства, предназначенные для индивидуального обслуживания. Они включают в себя, в частности, револьверы и самозарядные пистолеты, винтовки и карабины, автоматы, штурмовые винтовки и легкие пулеметы. Легкие вооружения в широком смысле охватывают средства, предназначенные для использования двумя или тремя лицами, действующими в составе расчета, хотя некоторые из них могут переноситься и использоваться одним человеком. Они включают в себя, в частности, тяжелые пулеметы, ручные подствольные и станковые гранатометы, переносные зенитные пулеметы, противотанковые ружья, безоткатные орудия, переносные противотанковые ракетные комплексы и комплексы ПТУРС, переносные зенитные ракетные комплексы и минометы калибром менее 100 мм.

Стрелковое оружие и легкие вооружения являются незаконными, если они:

- считаются незаконными согласно законам государства, в пределах территориальной юрисдикции которого стрелковое оружие или легкие вооружения были обнаружены;
- они переданы в нарушение эмбарго в отношении оружия, введенного Советом Безопасности в соответствии с Уставом ООН;
- не имеют соответствующей маркировки;
- изготовлены или собраны без лицензии или разрешения компетентного органа государства, в котором осуществляется изготовление или сборка;
- переданы без лицензии или разрешения компетентного национального органа.

В Соглашении о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с незаконным изготовлением и оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ

и взрывных устройств, подписанном 14 ноября 2008 г. в Кишиневе на заседании Совета глав правительств СНГ¹³ (далее — Соглашение по оружию СНГ 2008 г.), под огнестрельным оружием понимается оружие, предназначенное для механического поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда, а также его основные части.

В соответствии с Законом об оружии под огнестрельным оружием понимается оружие, предназначенное для механического поражения цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда (ст. 1).

В пункте 2 ППВС № 5-2002 разъясняется, что применительно к ст. 222—226.1 УК РФ под огнестрельным оружием понимаются все виды боевого, служебного и гражданского оружия, в том числе изготовленные самодельным способом, конструктивно предназначенные для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда. При этом указано, что к предмету преступления, применительно к ст. 222—226.1 УК РФ, относятся: винтовки, карабины, пистолеты и револьверы, охотничьи и спортивные ружья, автоматы и пулеметы, минометы, гранатометы, артиллерийские орудия и авиационные пушки, а также иные виды огнестрельного оружия независимо от калибра.

Казалось бы, законодательное определение и судебное разъяснение термина «огнестрельное оружие» достаточны для правового противодействия их криминальному обороту. Однако на практике выделить из огромного видового диапазона огнестрельное оружие как предмет преступления проблематично. Наибольший интерес представляет, в частности, огнестрельное оружие: неисправное, учебное, списанное, имеющее культурную ценность, антикварное.

1. Огнестрельное оружие неисправное, то есть непригодное к функциональному использованию, и учебное.

На практике отнесение неисправного и учебного огнестрельного оружия к предмету преступления вызывает затруднения.

¹² URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc>.

¹³ СПС «КонсультантПлюс».

Действительно, неисправное и учебное огнестрельное оружие не является предметом преступлений. Однако законодателем предусмотрена уголовная ответственность за незаконные действия с основными частями огнестрельного оружия. На что обращает внимание и высший судебный орган.

В пункте 12 ППВС № 5-2002 разъяснено, что ответственность по ст. 222 УК РФ наступает за незаконный оборот не только годного к функциональному использованию, но и неисправного либо учебного оружия, если оно содержало пригодные для использования комплектующие детали или если лицо имело цель привести его в пригодное состояние и совершило какие-либо действия по реализации этого намерения.

Так, Н. был осужден за незаконное хранение обреза, изготовленного из охотничьего ружья и относящегося к нестандартному боевому огнестрельному оружию¹⁴. В ходе исследования было установлено, что данный обрез непригоден для стрельбы. Н. подал жалобу в Конституционный Суд РФ, оспаривая конституционность ч. 1 ст. 222 УК РФ. По мнению Н., ч. 1 ст. 222 УК РФ не соответствует положениям ч. 3 ст. 15, ст. 46 и 54 Конституции РФ, так как в оспариваемой норме не определяется понятие «боевое нестандартное огнестрельное оружие», что позволяет привлекать лицо к уголовной ответственности, используя данное неустановленное законодательством понятие, в частности относя к нему непригодный для стрельбы обрез. Конституционный Суд РФ, изучив представленные материалы, не нашел оснований для принятия жалобы к рассмотрению, мотивируя свое решение тем, что предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ, является не только огнестрельное оружие, но и его основные части, к которым относятся ствол, затвор, барабан, рамка, ствольная коробка. Следовательно, оспариваемая заявителем норма не содержит неопределенности, в результате которой лицо было бы лишено возможности осознавать противоправность своих действий и предвидеть наступление ответственности за их совершение

и которая препятствовала бы единообразному пониманию и применению данной нормы правоприменительными органами¹⁵.

Таким образом, за совершение незаконных операций с неисправным и учебным огнестрельным оружием лицо привлекается к уголовной ответственности за незаконные действия с их основными частями (ч. 1—3 ст. 222 и ч. 1—3 ст. 223, ст. 226.1 УК РФ).

2. Оружие, снятое с вооружения (списанное оружие).

На практике вызывает сомнение отнесение к предмету преступления оружия, обнаруженного в ходе раскопок в местах боевых действий (например, в период Великой Отечественной войны).

Так, А. был осужден за незаконное хранение пистолета-пулемета образца 1941 г. и основных частей револьвера образца 1895 г., обнаруженных им в ходе работ по поиску непогребенных останков погибших в период Великой Отечественной войны. Решениями судов кассационной и надзорных инстанций приговор был оставлен без изменения, а жалобы осужденного — без удовлетворения. А. подал жалобу в Конституционный Суд РФ, оспаривая конституционность ч. 1 ст. 222 УК РФ.

По мнению А., ч. 1 ст. 222 УК РФ противоречит ст. 45, 46, 49 и 55 Конституции РФ, поскольку относит к предмету предусмотренного этой нормой преступления любое оружие, включая снятое с вооружения и не являющееся боевым, гражданским или служебным, а значит, не подпадающее под действие Закона об оружии и принятых в соответствии с ним нормативных правовых актов.

Конституционный Суд РФ, изучив представленные материалы, не нашел оснований для принятия жалобы к рассмотрению, мотивируя свое решение тем, что Закон об оружии определяет понятие списанного оружия (ст. 1) и предусматривает обязательное подтверждение его соответствия (ч. 4 ст. 7). При этом Правилами оборота боевого ручного стрелкового и иного оружия, боеприпасов и патронов к нему, а также холодного оружия в государственных военизированных организациях, утвержденными по-

¹⁴ См. подробно: *Кокин А. В.* Уголовно-правовое и криминалистическое понятие обрезов гладкоствольных ружей // Судебная экспертиза. 2008. № 2. С. 30—39.

¹⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 25.02.2013 № 246-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Наговицына Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

становлением Правительства РФ от 15.10.1997 № 1314¹⁶, установлено, что оружие, снятое с вооружения (снабжения), а также пришедшее в негодность, подлежит списанию с оформлением соответствующего акта (п. 27). При этом оружие может передаваться в музеи, экспертные и специально созданные для этих целей учреждения других государственных военизированных организаций без охолощения или приведения в учебный вид, а юридическим лицам и гражданам, имеющим лицензию на коллекционирование и экспонирование, как правило, передается охолощенное или приведенное в учебный вид оружие (п. 14).

Кроме того, в силу ч. 3 ст. 9 Закона РФ от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества»¹⁷ найденное в ходе поисковой работы оружие передается по акту в органы военного управления по месту их обнаружения для изучения, проведения экспертизы и учета; при этом стрелковое оружие передается в ОВД; стрелковое оружие и иные средства вооружения после приведения в состояние, исключающее их боевое применение, могут передаваться для экспонирования в музеи¹⁸.

Таким образом, огнестрельное оружие, обнаруженное в ходе раскопок в местах боевых действий, то есть снятое с вооружения или списанное, является предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ. Однако следует акцентировать, что данное оружие должно быть пригодно к использованию по назначению.

3. Огнестрельное оружие, имеющее культурную ценность.

Неясна и позиция с огнестрельным оружием, имеющим культурную ценность. Тем более что высшим судебным органом холодное оружие, имеющее культурную ценность, исключено из предметов преступления (более подробно данное решение будет рассмотрено ниже).

В соответствии со ст. 1 Закона об оружии под оружием, имеющим культурную ценность, понимается оружие, включенное в состав Музейного фонда Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»¹⁹ либо подпадающее в соответствии с решением уполномоченного Правительством РФ федерального органа исполнительной власти под действие Закона РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей»²⁰, в том числе старинное (антикварное) оружие²¹.

По мнению специалистов, к основным признакам оружия, имеющего культурную ценность, относятся: важная или особая значимость предмета для общества; редкость или уникальность (в том числе в техническом отношении); несерийность устройства или предмета; возраст оружия; связанность с исторической эпохой, историческими событиями или с историческими, выдающимися личностями; художественная ценность²². При этом для того, чтобы оружие считалось культурной ценностью, у него не обязательно должны быть в наличии все данные признаки. Важно их взаимное пересечение и сочетание. Однако обязательно должна присутствовать совокупность таких качеств, как значимость для общества, уникальность, редкость.

Тем не менее огнестрельное оружие, имеющее культурную ценность, ни законодательно, ни судебным решением не исключено из перечня предметов преступлений, предусмотренных ст. 222 и 223 УК РФ.

4. Старинное (антикварное) огнестрельное оружие.

В соответствии со ст. 1 Закона об оружии под старинным (антикварным) оружием понимается огнестрельное, метательное и пневматическое оружие, изготовленное до конца 1899 г. (за

¹⁶ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 7. Ст. 245.

¹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2014 № 1558-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Афанасьева Олега Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2591.

²⁰ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 20. Ст. 718.

²¹ См. подробно: *Богуславский М. М.* Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты. М., 2012.

²² *Веселова Е. В.* Понятие оружия, имеющего культурную ценность // Административное и муниципальное право. 2008. № 5.

исключением огнестрельного оружия, изготовленного для стрельбы патронами), а также холодное оружие, изготовленное до конца 1945 г.

Опять же, ни законодатель, ни суд не считал нужным сделать какое-либо исключение в отношении данного вида вооружения.

Таким образом, старинное (антикварное) огнестрельное оружие, за исключением длинноствольного одноствольного, является предметом преступлений, предусмотренных ст. 222 и 223 УК РФ²³.

ОСНОВНЫЕ ЧАСТИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

В Протоколе об оружии Конвенции ООН раскрывается понятие «составные части и компоненты», под которыми понимаются любые элементы или запасные детали, специально предназначенные для огнестрельного оружия и необходимые для его функционирования, в том числе ствол, корпус или ствольная коробка, затвор или барабан, ось затвора или казенник, а также любое устройство, предназначенное или адаптированное для уменьшения звука, производимого выстрелом.

В соответствии с Законом об оружии (ст. 1) под основными частями огнестрельного оружия понимаются²⁴:

- ствол — деталь стрелкового оружия, представляющая собой трубу, в которой метаемому элементу сообщается движение в заданном направлении и с определенной скоростью;
- затвор — деталь стрелкового оружия, закрывающая канал ствола при выстреле;
- барабан — круглый магазин стрелкового оружия, в котором оси патронов расположены параллельно оси магазина или под углом к ней;

— рамка — деталь пистолета, служащая основанием для сборки его механизмов и деталей;

— ствольная коробка — деталь или конструктивно объединенные детали стрелкового оружия, направляющие движение затвора или подвижной системы и сцепляющие затвор со стволом.

КОМПЛЕКТУЮЩИЕ ДЕТАЛИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

В пункте 2 ППВС № 5-2002 разъясняется, что под комплектующими деталями огнестрельного оружия, применительно к ст. 226 УК РФ, следует понимать:

- основные части огнестрельного оружия (ствол, затвор, барабан, рамка, ствольная коробка);
- иные детали, конструктивно предназначенные обеспечивать нормальное функционирование конкретного образца огнестрельного оружия (станины, прицелы и т.п.).

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ ОГРАНИЧЕННОГО ПОРАЖЕНИЯ

Под огнестрельным оружием ограниченного поражения (так называемым травматическим²⁵) понимается короткоствольное оружие и бесствольное оружие, предназначенные для механического поражения живой цели на расстоянии метаемым снаряжением патрона травматического действия, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда, и не предназначенные для причинения смерти человеку (ст. 1 Закона об оружии).

²³ См. подробно: *Шелковникова Е. Д.* Самопал на стене: раритет или оружие? // Бизнес-адвокат. 1998. № 3 ; *Она же.* Стреляющий антиквариат // Бизнес-адвокат. 2006. № 14 ; *Она же.* Старинное оружие в России и его правовой статус: взгляд в прошлое // История государства и права. 2014. № 4. С. 22—27 ; *Певницкий С. Г.* Некоторые вопросы, возникающие при производстве по делам, связанным с коллекционированием антикварного оружия // Адвокатская практика. 2005. № 1.

²⁴ Определения основных частей огнестрельного оружия см.: ГОСТ 28653-90. Оружие стрелковое. Термины и определения.

²⁵ *Муленков Д. В., Шепель В. А.* Проблемы проведения экспертиз при расследовании преступлений, совершаемых с применением травматического оружия // Эксперт-криминалист. 2010. № 3. С. 25 ; *Исаков В. Д., Назаров Ю. В., Назаров В. Ю.* Гражданское огнестрельное оружие ограниченного поражения, использующее эластичные поражающие элементы : Пособие для врачей — судебно-медицинских экспертов. СПб., 2013.

ГАЗОВОЕ ОРУЖИЕ

Под газовым оружием понимается оружие, предназначенное для временного химического поражения живой цели путем применения слезоточивых или раздражающих веществ (ст. 1 Закона об оружии).

В ГОСТ Р 50741-95²⁶ газовое оружие определено как оружие, предназначенное для метания составов слезоточивого раздражающего действия газового патрона за счет энергии газов, образующихся при горении метательного заряда.

В пункте 9 ППВС № 5-2002 разъясняется, что основным признаком газового оружия является его предназначение для временного поражения цели, в качестве которой может выступать человек или животное, путем применения токсичных веществ, оказывающих слезоточивое, раздражающее либо иное воздействие. В ППВС № 5-2002 указано, что газовое оружие может быть в виде: пистолетов, револьверов, механических распылителей, аэрозольных устройств, других устройств, снаряженных слезоточивыми и раздражающими веществами.

В отношении основных частей и комплектующих деталей огнестрельного оружия, огнестрельного оружия ограниченного поражения и газового оружия ни нормативных, ни судебных исключений не имеется.

ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ

Под холодным оружием понимается оружие, предназначенное для поражения цели при помощи мускульной силы человека при непосредственном контакте с объектом поражения (ст. 1 Закона об оружии).

В пункте 6 ППВС № 5-2002 разъясняется, что под холодным оружием следует понимать изготовленные промышленным или самодельным способом предметы, предназначенные для поражения цели при помощи мускульной силы человека при непосредственном контак-

те с объектом поражения, которые включают в себя:

- холодное клинковое оружие (кинжалы; боевые, национальные, охотничьи ножи, являющиеся оружием; штыки-ножи; сабли; шашки; мечи и т.п.);
- иное оружие режущего, колющего, рубящего или смешанного действия (штыки, копья, боевые топоры и т.п.);
- оружие ударно-дробящего действия (кастеты, нунчаки, кистени и т.п.).

Конституционным Судом РФ положение ч. 4 ст. 222 УК РФ, предусматривающее уголовную ответственность за незаконный сбыт холодного оружия, и находящиеся во взаимосвязи с ним положения ст. 1, 3, 6, 13 и 20 Закона об оружии признаны соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой ими устанавливается механизм защиты от противоправного оборота холодного оружия, владение которым потенциально угрожает общественной безопасности, жизни и здоровью людей²⁷.

Однако в отношении *холодного оружия, имеющего культурную ценность*, Конституционный Суд РФ в том же постановлении признал ч. 4 ст. 222 УК РФ не соответствующей Конституции РФ (ч. 1 ст. 19, ч. 1 и 2 ст. 35, ч. 3 ст. 55) на основании того, что сохраняется неопределенность правового регулирования оборота этого вида холодного оружия, приводящая к его произвольному истолкованию и применению. То есть данное законоположение не предполагает возможности учета специфики использования такого оружия и не позволяет лицу, желающему реализовать его как предмет, имеющий культурную ценность, осознавать общественно опасный и противоправный характер своих действий, а также предвидеть их уголовно-правовые последствия.

Не оспаривая решения высшего судебного органа, исключившего холодное оружие, имеющее культурную ценность, из перечня предметов преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 222 УК РФ, следует отметить, что основополагающим правовым признаком холодного

²⁶ ГОСТ Р 50741-95. Газовое оружие самообороны. Газовые пистолеты, револьверы, стреляющие устройства и газовое бесствольное оружие. Требования безопасности. Виды и методы контроля при сертификационных испытаниях на безопасность.

²⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2014 № 18-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н. В. Урюпиной» // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. II). Ст. 3633.

оружия является его опасность для общества, а не культурная ценность. То есть в первую очередь — это оружие, способное причинить вред здоровью и лишить жизни.

В отношении *метательного оружия*, под которым понимается оружие, предназначенное для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение при помощи мускульной силы человека или механического устройства (ст. 1 Закона об оружии), исключений — ни нормативных, ни судебных — не имеется.

БОЕПРИПАСЫ

В Протоколе об оружии Конвенции ООН раскрывается понятие «боеприпасы»: это выстрел в комплекте или его компоненты, включая патронные гильзы, капсюли, метательный заряд, пули или снаряды, используемые в огнестрельном оружии, при условии, что сами такие компоненты подпадают под систему разрешений в соответствующем государстве — участнике Протокола.

В Соглашении по оружию СНГ 2008 г. под боеприпасами понимаются предметы вооружения и метаемое снаряжение, предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной, метательный, пиротехнический или вышибной заряды либо их сочетание.

В соответствии с Законом об оружии (ст. 1) под боеприпасами понимаются предметы вооружения и метаемое снаряжение, предназначенные для поражения цели и содержащие заряды: разрывной, метательный, пиротехнический, вышибной, их сочетание.

К боеприпасам относятся в том числе патроны — устройства, предназначенные для выстрела из оружия, объединяющие в одно целое при помощи гильзы средства инициирования, метательный заряд и метаемое снаряжение (ст. 1 Закона об оружии).

В пункте 4 ППВС № 5-2002 разъясняется, что под боеприпасами следует понимать предметы вооружения и метаемое снаряжение как отечественного, так и иностранного производства, предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной, метательный или вышибной заряды либо их сочетание.

Применительно к ст. 222—226.1 УК РФ к боеприпасам относятся: артиллерийские снаряды и мины; военно-инженерные подрывные заряды и мины; ручные гранаты; реактивные

противотанковые гранаты; боевые ракеты; авиабомбы; другие предметы, независимо от наличия или отсутствия у них средств для инициирования взрыва, предназначенные для поражения целей; все виды патронов к огнестрельному оружию, независимо от калибра, изготовленные промышленным или самодельным способом.

СТРЕЛКОВЫЕ ПАТРОНЫ, НЕПРИГОДНЫЕ ДЛЯ СТРЕЛБЫ ИЗ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

На практике вызывает проблемы и отнесение определенных видов боеприпасов к предмету указанных преступлений, в частности стрелковых патронов, непригодных для стрельбы из огнестрельного оружия.

Патрон (снаряд) с механическим повреждением капсюля, гильзы не может быть выстрелян из огнестрельного оружия. В результате он перестает быть боеприпасом. Однако одним из основных элементов боеприпаса является взрывчатое вещество, в частности порох. Тем самым в случае обнаружения патронов (снарядов), не пригодных для стрельбы, виновный привлекается к ответственности за незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение взрывчатых веществ (ст. 222.1 УК РФ), входящих в состав боеприпасов.

ПАТРОНЫ К ОГНЕСТРЕЛЬНОМУ ОРУЖИЮ ОГРАНИЧЕННОГО ПОРАЖЕНИЯ И ГАЗОВОМУ ОРУЖИЮ

Для стрельбы из огнестрельного оружия ограниченного поражения предназначены патроны:

- травматического действия — устройство, объединяющее в одно целое при помощи гильзы средства инициирования, метательный заряд и метаемое снаряжение травматического действия и не предназначенное для причинения смерти человеку;
- газового действия — устройство, объединяющее в одно целое при помощи гильзы средства инициирования, снаряженное слезоточивыми или раздражающими веществами и не предназначенное для причинения смерти человеку;
- светозвукового действия — устройство, объединяющее в одно целое при помощи гильзы средства инициирования и снаряжение

светозвукового действия и не предназначенное для поражения живой или иной цели.

Для стрельбы из газового оружия предназначены патроны: газового и светозвукового действия.

Под газовым патроном понимается боеприпас газового оружия, представляющий собой сборочную единицу, состоящую в общем случае из метательного заряда, капсюля-воспламенителя, гильзы и состава слезоточивого раздражающего действия (жидкости или порошка, содержащих слезоточивое раздражающее вещество (или вещества)), а также других элементов, обеспечивающих герметичность и работоспособность патрона²⁸.

Казалось бы, четкий и ясный нормативный перечень объектов вооружения, относимых к предмету преступлений, образующих криминальный оборот оружия, не должен вызывать сомнений в ходе правоприменительной практики. Однако законодательно введенное исключение (диспозиция ч. 1 ст. 222 УК РФ), неоправданное применение к предметам вооружения признака малозначительности, декриминализации ряда деяний с оружием не могут способствовать эффективному противодействию данному виду преступности.

В соответствии с Законом об оружии предметом преступлений, образующих криминальный оборот оружия и боеприпасов, не является вооружение, приобретение и хранение которого не подлежит лицензированию:

1) оружие:

- длинноствольное одноствольное старинное (антикварное) огнестрельное оружие;
- копии длинноствольного одноствольного старинного (антикварного) огнестрельного оружия;
- реплики длинноствольного одноствольного старинного (антикварного) огнестрельного оружия;
- списанное оружие;
- конструктивно сходные с оружием изделия;
- оружие, предназначенное для осуществления производственного или учебного процесса, исследований, разработки, испытаний, либо их единичные экземпляры, изготовленные в указанных целях;

- разрезные образцы оружия, восстановление рабочего состояния которых технически невозможно;
  - модели оружия (конструктивно сходные с оружием изделия, воспроизводящие конструкцию оружия и имитирующие его действие);
  - конструктивно сходные с оружием изделия, не являющиеся моделями оружия;
  - муляжи оружия (изделия, сходные по внешнему виду с оружием, конструкция которых не позволяет использовать их в качестве оружия);
  - сигнальные пистолеты, револьверы калибра не более 6 мм, которые по заключению ОВД не могут быть использованы в качестве огнестрельного оружия, огнестрельного оружия ограниченного поражения и газового оружия;
  - старинное (антикварное) холодное оружие;
  - пневматическое оружие с дульной энергией не более 7,5 Дж и калибра до 4,5 мм включительно;
  - механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные слезоточивыми или раздражающими веществами;
  - электрошоковые устройства и искровые разрядники отечественного производства;
- 2) патроны:**

- охолощенные патроны — патроны к огнестрельному оружию с отверстием в гильзе, извлеченным метательным зарядом и использованным средством инициирования;
- патроны, предназначенные для осуществления производственного или учебного процесса, исследований, разработки, испытаний, либо их единичные экземпляры, изготовленные в указанных целях;
- разрезные образцы патронов, восстановление рабочего состояния которых технически невозможно;
- патроны с просверленной гильзой без пороха и с пробитым капсюлем;
- муляжи патронов (изделия, сходные по внешнему виду с патронами, конструкция которых не позволяет использовать их в качестве патронов);
- патроны к сигнальным пистолетам, револьверам калибра не более 6 мм, которые по

²⁸ ГОСТ Р 50741-95. Газовое оружие самообороны. Газовые пистолеты, револьверы, стреляющие устройства и газовое бесствольное оружие. Требования безопасности. Виды и методы контроля при сертификационных испытаниях на безопасность.

заклучению ОВД не могут быть использованы в качестве огнестрельного оружия, огнестрельного оружия ограниченного поражения и газового оружия.

В пункте 2 ППВС № 5-2002 акцентировано, что к оружию, ответственность за противоправные действия с которым предусмотрена ст. 222—226.1 УК РФ, не относятся:

- пневматическое оружие;
- сигнальные пистолеты и револьверы;
- стартовые пистолеты и револьверы;
- строительно-монтажные пистолеты и револьверы;
- электрошоковые устройства;
- предметы, сертифицированные в качестве изделий хозяйственно-бытового и производственного назначения;
- спортивные снаряды, конструктивно сходные с оружием.

При этом следует отметить, что за операции с пневматическим оружием с дульной энергией более 7,5 Дж и калибра 4,5 мм, механическими распылителями, аэрозольными и другими устройствами, снаряженными слезоточивыми или раздражающими веществами, электрошоковыми устройствами либо искровыми разрядниками, предусмотрена административная ответственность (ст. 20.10 и 20.15 КоАП РФ).

Не является предметом незаконных приобретения, ношения, перевозки, передачи, хранения и сбыта оружия, то есть преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 222 УК РФ, следующие предметы вооружения:

- гражданское огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие;
- основные части гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия;
- патроны к гражданскому огнестрельному гладкоствольному длинноствольному оружию;
- огнестрельное оружие ограниченного поражения;
- основные части огнестрельного оружия ограниченного поражения;
- патроны к огнестрельному оружию ограниченного поражения.

Незаконные приобретение, продажа, передача, хранение, перевозка или ношение гражданского огнестрельного гладкоствольного оружия и огнестрельного оружия ограниченного поражения относятся к административному правонарушению (ч. 6 ст. 20.8 КоАП РФ).

Кроме того, в ППВС № 5-2002 отмечается, что применительно к ст. 222—226.1 УК РФ к боеприпасам не относятся: сигнальные, осветительные, холостые, строительные, газовые, учебные и иные патроны, не имеющие поражающего элемента (снаряда, пули, дроби, картечи и т.п.) и не предназначенные для поражения цели.

В пункте 10 ППВС № 5-2002 разъяснено, что приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, ношение патронов к гражданскому огнестрельному гладкоствольному длинноствольному оружию и огнестрельному оружию ограниченного поражения для их использования с огнестрельным оружием, запрещенным к обороту (например, с обрезом), уголовной ответственности не влечет. Необходимость в таком разъяснении вызвана вопросами в судебной практике при рассмотрении конкретных уголовных дел. В частности, судами нередко допускались ошибки при квалификации действий лиц, которые вместе с обрезом, то есть укороченным гладкоствольным ружьем, незаконно хранят, перевозят и носят патроны к гладкоствольному ружью²⁹.

Так, группа лиц была осуждена за незаконные приобретение, хранение, ношение и перевозку боеприпасов. В ходе следствия было установлено, что обвиняемые незаконно приобрели охотничье ружье и семь патронов к нему. Изготовили из ружья обрез, который вместе с боеприпасами незаконно хранили, перевозили и переносили, а затем совершили разбой. Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев дело по надзорной жалобе К., изменил приговор и кассационное определение в отношении К., освободив его от наказания за незаконное приобретение, хранение, ношение и перевозку боеприпасов, поскольку эти деяния в отношении боеприпасов к гражданскому огнестрельному гладкоствольному оружию декриминализованы Федеральным законом

²⁹ Крупнов И. О некоторых изменениях, внесенных в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Уголовное право. 2014. № 2. С. 43.

от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»³⁰.

Не является предметом преступлений, предусмотренных ст. 222 и 223 УК РФ, *переделанное оружие, не обладающее убойной силой*.

Так, М. переделал ракетницу для стрельбы патронами калибра 5,6 мм. При исследовании данного устройства было установлено, что при выстреле с расстояния около метра на картонном листе остается лишь вмятина глубиной 0,5 см. Привлечение лица, изготовившего и хранившего данное устройство, к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 222 и ч. 1 ст. 223 УК РФ стало невозможным по следующим основаниям: — по своим разрушающим свойствам этот предмет не способен поразить живую цель, т.е. не обладает достаточной убойной силой; — владение таким предметом с нарушением установленных правил не угрожает общественному порядку³¹.

Вызывает сомнение и рассмотрение предметов вооружения, в частности боеприпасов, по признаку малозначительности как не представляющих большой общественной опасности.

Так, в 2009 г. Городовиковским районным судом Республики Калмыкия М. был осужден по ч. 1 ст. 222 УК РФ к 2 годам лишения свободы за незаконное приобретение и хранение одного автоматного патрона. В 2013 г. Президиум Верховного суда Республики Калмыкия приговор отменил за отсутствием в деянии М. состава преступления, мотивируя свое решение тем, что формально действия М. образуют состав преступления, однако в силу их явной

малозначительности не представляют общественной опасности: «Из материалов дела видно, что М. никакого оружия не имел, не мог использовать имеющийся у него патрон по назначению, взял его у Н для изготовления брелка, при этом не придавал ему значения как боеприпасу. Приобретение и хранение одного патрона без цели его использования по назначению нельзя признать деянием, содержащим общественную опасность»³².

Тем не менее даже одним боевым патроном, без оружия, можно лишить жизни, например прижав его торцом двери к дверной коробке и ударив каким-либо острым бытовым предметом по капсулю. На мой взгляд, признак малозначительности вообще не должен применяться к преступлениям против общественной безопасности в сфере обращения с общепасными предметами.

Таким образом, основной причиной недостаточно эффективного противодействия преступлениям, образующим криминальный оборот оружия и боеприпасов, можно с уверенностью назвать несовершенство нормативной базы в части отнесения объектов вооружения к предмету преступлений (несоответствие отечественной и зарубежной нормативной базы, исключения в диспозициях уголовных норм, возможность применения к предметам вооружения признака малозначительности, необоснованная декриминализация деяний с оружием и др.), противоречие судебной практики законодательству (например, декриминализация деяний с определенными видами холодного оружия).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Богуславский М. М.* Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты : монография. — М., 2012.
2. *Веселова Е. В.* Понятие оружия, имеющего культурную ценность // Административное и муниципальное право. — 2008. — № 5.
3. *Живаев Д. В.* Незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в современной России: уголовно-правовой аспект // Право в Вооруженных Силах. — 2014. — № 1.
4. *Задоян А. А.* Незаконный оборот оружия: международно-правовой аспект // Юрист. — 2011. — № 14.

³⁰ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29.06.2011 по делу № 121П11 // СПС «Консультант-Плюс».

³¹ *Рогатых Л. Ф.* Незаконный оборот оружия. СПб., 1998. С. 16.

³² Постановление Президиума Верховного суда Республики Калмыкия от 25.12.2013 по делу № 4У-85/103 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Исаков В. Д., Назаров Ю. В., Назаров В. Ю. Гражданское огнестрельное оружие ограниченного поражения, использующее эластичные поражающие элементы : Пособие для врачей судебно-медицинских экспертов. — СПб., 2013.
6. Казакова В. Уголовно-правовая классификация оружия // Уголовное право. — 2002. — № 4.
7. Кокин А. В. Уголовно-правовое и криминалистическое понятие обрезов гладкоствольных ружей // Судебная экспертиза. — 2008. — № 2.
8. Крупнов И. О некоторых изменениях, внесенных в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Уголовное право. — 2014. — № 2.
9. Муленков Д. В., Шепель В. А. Проблемы проведения экспертиз при расследовании преступлений, совершаемых с применением травматического оружия // Эксперт-криминалист. — 2010. — № 3.
10. Певницкий С. Г. Некоторые вопросы, возникающие при производстве по делам, связанным с коллекционированием антикварного оружия // Адвокатская практика. — 2005. — № 1.
11. Рогатых Л. Ф. Незаконный оборот оружия / науч. ред. Б. В. Волженкина. — СПб., 1998.
12. Шелковникова Е. Д. Самопал на стене: раритет или оружие? // Бизнес-адвокат. — 1998. — № 3.
13. Шелковникова Е. Д. Стреляющий антиквариат // Бизнес-адвокат. — 2006. — № 14.
14. Шелковникова Е. Д. Старинное оружие в России и его правовой статус: взгляд в прошлое // История государства и права. — 2014. — № 4.

Материал поступил в редакцию 27 августа 2015 г.

ARMS AND AMMUNITION AS THE ASPECT THAT FORMS CRIMINAL TRAFFICKING OF WEAPONS

BYCHKOV Vasily Vasilyevich — Ph.D. in Law, Associate Professor, Scientific Secretary of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

[bychkov.vasili@mail.ru]

125080, Russia, Moscow, ul. Vrubelya, d. 12.

Review. *The article analyzes domestic and foreign regulatory framework and jurisprudence in relation to objects of weapons used as instruments of crimes and constituting the criminal trafficking of weapons and ammunition. The article reveals the concepts and features of the weapon, its types, namely: fire, fire weapons of limited destruction, gas, cold and throwing, as well as the main parts and component parts of firearms, ammunition, ammunition and bullets for firearms of limited destruction and gas weapon. The author determines the problems in this area, in particular, the interpretation of these concepts in national laws and regulations is different from international legal instruments ratified by Russia. In addition, in Russia there is no any consensus concerning this problem between legislative and judicial branches of government.*

In practice, it is problematic to refer faulty and training firearms to the subject of crime. The attribution of weapons discovered during excavation works at the sites of military operations (for example, during the Great Patriotic War) is also questionable. It is still not clear how to treat the weapons of cultural value. The problem arises with attribution of old (antique) firearms.

With regard to the main parts and component parts of firearms, firearms of restricted destruction and gas weapons neither regulatory acts nor judicial practice are available.

The Constitutional Court of the Russian Federation held that p. 4 of art. 222 of the Criminal Code complies with the provisions of the Russian Constitution. However, the Constitutional Court of the Russian Federation declared that this provision of the Criminal Code of the Russian Federation contradicts the Constitution of the RF with regard to the cold arms of cultural value. In practice, problems arise when it is necessary to attribute certain types of ammunitions, in particular, rifle bullets unsuitable for firearm shooting, to subjects of crimes. In addition, it is still disputable whether firearms can be characterized on the ground of their insignificance as they do not cause any significant public danger.

The author defines the main reason for lack of effective crime combating in the sphere of illegal weapon and ammunition trafficking, namely, imperfection of the regulatory framework in terms of attributing weapons and ammunitions to the subject of crime, and contradictions between legislation and legal practice.

Keywords: *criminal trafficking of weapons, characterization, subject of a crime, firearms, firearms of limited destruction, gas weapon, cold steel weapon, throwing weapon, main parts of firearms, component parts of firearms, ammunition, ammunition for firearms of limited destruction, cartridges for gas weapon.*

BIBLIOGRAPHY

1. *Boguslavsky, M. M.* Cultural values in international turnover: Legal Aspects: monograph. — M., 2012.
2. *Veselova, E. V.* The concept of weapons that have cultural value // Administrative and Municipal Law. — 2008. — № 5.
3. *Zhyvayev, D. V.* Illegal trafficking of weapons, ammunition, explosives and explosive devices in modern Russia: the criminal law perspective // Law in the Armed Forces. — 2014. — № 1.
4. *Zadoyan, A. A.* Illegal arms trafficking: the international law perspective // Yurist. — 2011. — № 14.
5. *Isakov, V. D., Nazarov, Y. V., Nazarov, V. Y.* Civilian firearms of limited destruction using elastic destructive elements: The guide for forensic experts. — SPb., 2013.
6. *Kazakova, V.* Criminal law classification of weapons // Criminal Law. — 2002. — № 4.
7. *Kokin, A. V.* Definition of shotguns in criminal law and forensics// Forensic expertise. — 2008. — № 2.
8. *Krupnov, I.* Some amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court dated March 12, 2002 № 5 "On judicial practice in cases of theft, extortion and trafficking in firearms, ammunition, explosives and explosive devices" // Criminal Law. — 2014. — № 2.
9. *Mulenkov, D. V., Shepel, V. A.* Problems of forensic expertise in the investigation of crimes committed with the use of traumatic weapons // Forensic Expert. — 2010. — № 3.
10. *Pevnitsky, S. G.* Some of the issues arising during the proceedings in cases related to collecting antique weapons // Advocate's Practice. — 2005. — № 1.
11. *Rogatikh, L. F.* Illicit trafficking of weapons / Ed. by Volzhenkina, B.V. — SPb., 1998.
12. *Shelkovnikova, E. D.* Self-made gun on the wall: a rarity or a weapon? // Business Advocate. — 1998. — № 3.
13. *Shelkovnikova, E. D.* Shooting antiques // Business Advocate. — 2006. — № 14.
14. *Shelkovnikova, E. D.* Ancient weapons in Russia and their legal status: a retrospect into the past // History of the State and Law. — 2014. — № 4.

А. А. Ильюхов*

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, РАССМОТРЕННЫХ СУДОМ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье дается анализ процессуального порядка апелляционного производства дел, рассмотренных судом с участием присяжных заседателей. Раскрываются характерные признаки указанной формы пересмотра приговоров и при этом отмечаются такие его достоинства, как способность исправления ошибки в приговоре, возможность принимать любое процессуальное решение, заменяя собой обжалованный приговор, не передавая при этом дело на новое рассмотрение.

В то же время, поскольку апелляционная проверка жалоб и представлений осуществляется на предмет установления правильности применения норм права, что сужает пределы исследования фактических обстоятельств дела, отмечается неутрачивающая научная дискуссия о необходимости расширения апелляционных полномочий и в целом об обоснованности пересмотров приговоров с участием присяжных в апелляционном порядке.

Суть научного диспута состоит во включении в состав апелляционного суда наиболее опытных и квалифицированных судей, однако требование квалифицированности не вполне соотносится с основополагающими началами деятельности суда с участием присяжных заседателей. Противопоставление профессиональных и непрофессиональных начал неприемлемо в указанной форме отправления правосудия, поскольку присяжные выносят вердикт, а профессиональные судьи на принятое ими решение — приговор. Кроме того, сам порядок проверки решений судов с участием присяжных заседателей не является полным, что обусловлено спецификой судебного разбирательства с участием присяжных, состоящей в повторном исследовании фактической и правовой стороны вопроса, в сопоставлении результатов проверки с выводами, изложенными в приговорах судов первой инстанции.

На основе данных статистики отмечается, что показатели кассационной практики пересмотров приговоров с участием присяжных заседателей до 1 января 2013 г. в процентном отношении выше. Кроме того, трудности вызывает толкование и применение на практике норм, регламентирующих порядок апелляционного производства по уголовным делам с участием присяжных заседателей.

Делается вывод о том, что апелляционное производство в своем классическом варианте не может распространяться на решение судов с участием присяжных заседателей, при том что уголовно-процессуальной науке такие примеры практически неизвестны. Кроме того, при введении апелляционного производства на решения судов с участием присяжных заседателей нарушилась особая компетенция, связанная с установлением фактических обстоятельств дела и виновности подсудимого. Поэтому в целом апелляционный пересмотр приговоров судов с участием присяжных заседателей по основанию их необоснованности невозможен, так как механизм проверочных процедур не подходит к данному составу суда из-за самого предмета проверки (ст. 389.25, ч. 1 ст. 389.19 УПК РФ). Законодатель попытался разрешить эту проблему, создав законодательную модель, характерную для так называемой «неполной» апелляции.

© Ильюхов А. А., 2016

* Ильюхов Алексей Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Академии Следственного комитета Российской Федерации
Alexsmol96@yandex.ru
125080, Россия, Москва, ул. Врубеля, д. 12

Ключевые слова: уголовный процесс, суд присяжных заседателей, суд второй инстанции, обжалование приговоров в апелляционном порядке, судебное разбирательство в апелляционном порядке, сравнительный анализ законодательства.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.113.4.076-087

В деятельности суда присяжных заседателей до 1 января 2013 г. важное место занимало кассационное производство, сущность которого заключалась в выявлении и устранении судебных ошибок, допущенных судом первой инстанции, при вынесении приговоров и иных решений, не вступивших в законную силу. Судебная практика отмечает активное использование данного права сторонами процесса до 2013 г., в том числе и в отношении приговоров судов, постановленных по решению коллегии присяжных заседателей. Из 151 изученного автором уголовного дела с участием присяжных заседателей по 90 % стороны процесса в кассационном порядке реализовали указанное право.

Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ изменил порядок правового регулирования по пересмотру приговоров, предоставив судам в апелляционном порядке осуществлять пересмотр отдельных промежуточных решений судов среднего звена, а уже с 1 января 2013 г. — пересмотр итоговых и некоторых промежуточных решений по уголовным делам, вынесенных всеми судами первой инстанции, в том числе и судом присяжных заседателей¹.

Измененный предмет, а также процессуальный порядок апелляционного производства по иному раскрыл характерные признаки, которыми, с позиции Н. Г. Муратовой, выступили:

- 1) равные возможности при исследовании доказательств, как и в суде первой инстанции;
- 2) принесение апелляционной жалобы по существу дела;
- 3) приостановление исполнения решения суда первой инстанции до принятия решения судом апелляционной инстанции;
- 4) принятие апелляционным судом решений самостоятельно, без возврата дела на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции;

5) при рассмотрении дела в апелляционном порядке исследование фактических обстоятельств дела ее юридической стороны, а также анализ новых фактов и обстоятельств².

Предложенные характерные признаки апелляционного производства позволили указать на ряд определенных достоинств данной формы пересмотра приговоров:

Суд апелляционной инстанции посредством непосредственного исследования всех имеющихся доказательств и дополнительных материалов способен исправить ошибку обжалованного приговора, не вступившего в законную силу, установив новые или ранее отвергнутые факты.

Суд в апелляционном порядке правомочен принимать любое решение (в том числе и ухудшающее правовое положение осужденного или оправданного), полностью заменяя обжалованный приговор, не передавая уголовное дело на новое судебное рассмотрение, что ускоряет и упрощает уголовное судопроизводство и способствует быстрому исправлению судебных ошибок.

Исходя из представленных признаков и достоинств апелляционного производства, можно утверждать, что целью судебного следствия в порядке апелляции явилась проверка правильности юридической оценки тех обстоятельств дела и доказательств, которые оспариваются сторонами. На законодательном уровне возникла возможность оспаривать всю совокупность собранных по делу доказательств и исследовать новые, способные, по мнению сторон процесса, иметь значение для уголовного дела. При этом их исследование стало производиться по правилам, предусмотренным ст. 87—89 и гл. 37 УПК РФ, с учетом особенностей, закрепленных в ч. 3—8 ст. 389.13 УПК РФ. Однако поскольку апелляционная проверка жалоб и представлений осуществляется для

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде второй инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 1.

² См.: Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики. Казань, 2004. С. 34.

определения правильности применения норм права (ст. 389.27 УПК РФ), что несколько сужает пределы исследования фактических обстоятельств дела, среди ученых и практиков это вызвало неоднозначный отклик³.

Критерием, определяющим необходимый объем для исследования в порядке апелляции доказательств, явился оценочный признак достаточности этих доказательств, позволяющий установить возможность исследования всех представленных в суд обстоятельств, способных обеспечить объективную и беспристрастную проверку доводов для последующего вынесения нового судебного решения⁴. Такого рода расширение процессуальных полномочий апелляции несколько отграничило ее от кассации, где проверялись лишь имеющиеся в деле доказательства. Причем, по мнению С. А. Пашина, новые законодательные механизмы пересмотров приговоров не стали выявлять большее число судебных ошибок, чем до законодательных изменений, о чем прямо свидетельствует и фиктивно-демонстративный характер нового апелляционного производства⁵.

К примеру, до введения «новой» апелляции, в 2012 году в кассационном порядке рассмотрено 347,1 тыс. уголовных дел по жалобам и представлениям сторон (в 2011 г. — 367,7 тыс. дел). В 2012 г. отменено 7,7 тыс. обвинительных приговоров районных судов (в 2011 г. — 13,5 тыс.) и 0,4 тыс. оправдательных приговоров (в 2011 г. — 0,5 тыс.)⁶. В 2013 г. вторая инстанция (уже апелляционная) тех же федеральных судов рассмотрела 306,7 тыс. уголовных дел, отменила 4 795 обвинительных приговоров (отметим, что по реабилитирующим основаниям — только

79 приговоров) и 394 оправдательных приговора районных судов⁷.

В свою очередь, показатели кассационной практики по приговорам судов с участием присяжных заседателей в процентном отношении выглядят куда лучше. Так, в 2012 г. по кассационным жалобам и представлениям на приговоры, постановленные с участием присяжных заседателей, рассмотрено 195 дел в отношении 437 лиц (382 осужденных, 55 оправданных). Отменены приговоры в отношении 17 осужденных и 6 оправданных, а изменены приговоры в отношении 35 осужденных⁸.

За первое полугодие 2013 г. в кассационном порядке рассмотрено 142 дела в отношении 256 лиц (219 осужденных, 34 оправданных и 3 лица, в отношении которых дела прекращены). Отменены приговоры в отношении 23 осужденных и 7 оправданных. Изменены приговоры, постановленные с участием присяжных заседателей, в отношении 21 осужденного⁹.

Законодатель посчитал, что предоставление возможности проверки всего уголовного дела в порядке апелляции¹⁰, а не только доводов жалобы применительно к конкретному предмету проверки, усилили ревизионные начала апелляции. Как было отмечено ранее, проверке стали подлежать как итоговые, так и промежуточные судебные решения, такие как жалобы на действия следователя, обжалуемые в суде второй инстанции.

В то же время в процессуальной науке не утихают научные дискуссии относительно обоснованности расширения апелляционных полномочий и в целом о необходимости апелляции в российском уголовном судопроизводстве.

³ См.: Пашин С. А. Судебная система России: перелицовка // Отечественные записки. 2014. № 3 (60). С. 92.

⁴ Уголовный процесс : учебник / под ред. В. П. Божьева. М., 2011. С. 407.

⁵ Пашин С. А. Указ. соч. С. 93.

⁶ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2012 году. С. 43—44 // Официальный сайт Судебного департамента при ВС РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/OBZOR_sudebnoy_statistiki__2012_g.doc (дата обращения: 17.03.2015).

⁷ Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2013 г. С. 4. // Официальный сайт Судебного департамента при ВС РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/Svedeniya_za_2013.xls (дата обращения: 17.03.2015).

⁸ Обзор кассационной практики Коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2012 года // URL: <http://xn--b1azaj.xn--p1ai/2012/obzor-sudebnoy-praktiki-vs-rf/2012.10.17-kassatsyia.html>

⁹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам за первое полугодие // URL: <http://xn--b1azaj.xn--p1ai/2012/obzor-sudebnoy-praktiki-vs-rf/2012.10.17-kassatsyia.html>.

¹⁰ Глава 45.1 «Производство в суде апелляционной инстанции» (введена Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ).

В советский период процедура апелляции подвергалась критике по причине ее сложности, умаления роли суда первой инстанции, нарушения непосредственности и устности процесса, приводящего к его медлительности и волоките, а также из-за того, что после рассмотрения дела в апелляционном порядке допускается принесение сторонами кассационных жалоб¹¹.

В обоснование представленных выше доводов следует указать, что российское судопроизводство с участием присяжных заседателей построено на основе англосаксонской правовой системы, ограничивающей пересмотр оправдательных вердиктов, в том числе и в апелляционном производстве, что утверждает нас в мысли о необходимости и в дальнейшем придерживаться указанного законодательного предписания. Причем по правилу указанной модели приговоры, постановленные с участием присяжных заседателей, пересмотру в апелляционном порядке вообще не подлежат.

В качестве обоснования утверждения о несовершенстве российского апелляционного производства достаточно указать на сроки обжалования решений суда, не вступивших в законную силу. Критику вызывает 10-суточный срок, в течение которого порой не всегда возможно реализовать указанное право (ст. 389.4 УПК РФ). Особенно актуально это для судов, рассматривающих дела с участием присяжных заседателей, так как процессуальный порядок судебного разбирательства более сложен, а значит, и процесс обжалования решений суда первой инстанции более длителен. Так, кассационная жалоба или представление не всегда могут быть качественно составлены без предварительного ознакомления с протоколом судебного заседания, при этом, как показывает судебная практика, указанный протокол готовится и подписывается не сразу после окончания судебного рассмотрения дела и порой

позже установленного трехсуточного срока с момента окончания судебного заседания.

Не вполне понятны и сроки обжалования приговора и постановления суда апелляционной инстанции. В статье 389.35 УПК РФ указывается, что приговоры, определения, постановления суда апелляционной инстанции могут быть обжалованы в вышестоящий суд в порядке, установленном гл. 47.,1 и 48.1 Кодекса, но сроки, закрепленные в ст. 389.4 УПК РФ, относятся к приговорам и иным решениям только суда первой инстанции, к которым суд апелляционной инстанции не относится.

Процессуальная модернизация апелляционного производства споров в научном мире не убавила, так как не был разрешен весь комплекс проблем, возникающих в судах второй инстанции, о чем свидетельствуют результаты проведенных К. А. Комогорцевой опросов судей, сотрудников прокуратуры и адвокатов, имеющих опыт участия в рассмотрении уголовных дел судами в соответствии с гл. 45.1 УПК РФ. В ходе опроса было установлено, что 60,5 % опрошенных (76,2 % судей, 53,9 % сотрудников прокуратуры и 78 % адвокатов) указали на наличие трудностей при толковании и применении норм, регламентирующих порядок апелляционного производства по уголовным делам. В качестве таких проблем назывались проблемы, возникающие в процессе принесения апелляционных жалоб и представлений и при проведении самого апелляционного судебного разбирательства.

По мнению 45,6 % опрошенных практических работников (61,7 % судей, 42,5 % сотрудников прокуратуры и 44 % адвокатов) порядок апелляционного обжалования и пересмотра судебных решений по уголовным делам недостаточно урегулирован в гл. 45,1 УПК РФ, что, в свою очередь, требует его дальнейшего совершенствования¹².

¹¹ *Строгович М. М.* Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. С. 214 ; *Победкин А. В.* Апелляционное производство в уголовном процессе России: проблемы становления // Государство и право. 2001. № 3. С. 47 ; *Дорошков В.* Пересмотр решений мирового судьи по уголовным делам в апелляционном порядке // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 39 ; *Александров А. С.* Апелляционное производство в уголовном процессе России: проблемы и решения // Государство и право. 2003. № 3. С. 40 ; *Курас Т. П.* К вопросу о предоставлении дополнительных доказательств в суд апелляционной инстанции: исторический анализ и современные аспекты // Сибирский юридический вестник. 2001. С. 15 ; *Базаров Б.* При апелляционном производстве возможно нарушение принципа состязательности // Российская юстиция. 2013. № 3. С. 41.

¹² *Комогорцева К. А.* Рассмотрение уголовных дел в апелляционном порядке по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 3.

Суд второй инстанции (апелляционное производство), с присущими ему характерными особенностями по пересмотру решений суда с участием присяжных заседателей, представляет собой оглашение и проверку как ранее представленных, так и не представленных ранее в суд первой инстанции доказательств. В кассационном же производстве проверке подлежат решения судов, вступивших в законную силу, с позиции установления их законности.

В то же время обращает на себя внимание то обстоятельство, что применительно к апелляционному производству сторона должна обосновать, почему доказательство ранее не было представлено в суд первой инстанции. Это необходимо, чтобы избежать злоупотреблений правом сторон процесса на предоставление дополнительных доказательств.

Постулат о том, что апелляция распространяется и на пересмотр решений судов с участием присяжных заседателей, не вполне логичен, так как оспаривается не обоснованность вынесенного вердикта, а доказательства, подлежащие исследованию присяжными заседателями¹³.

Ограничение пределов апелляционного пересмотра приговоров судов с участием присяжных обусловлено, как отметил Конституционный Суд РФ, самой правовой природой данного специфического института прямого народовластия с особыми полномочиями, суть которых заключается в самостоятельном разрешении вопросов факта (доказанность деяния, совершение его подсудимым, виновность подсудимого в его совершении) без какой-либо обязанности мотивировать свои выводы и решения. Указанный факт исключает возможность отмены или изменения приговора, постановленного

на основе такого вердикта по фактическим основаниям. Получается, что сама апелляционная проверка решений судов с участием присяжных заседателей не является полной, что обусловлено спецификой судебного разбирательства с участием присяжных, состоящей в повторном исследовании фактической и правовой стороны вопроса, в сопоставлении результатов проверки с выводами, изложенными в приговорах судов первой инстанции¹⁴.

Предметом научных дискуссий выступил вопрос достаточной эффективности, а значит, и необходимости российского апелляционного производства¹⁵, в том числе и относительно решений судов с участием присяжных заседателей. Суть научного диспута состоит во включении в состав апелляционного суда наиболее опытных и квалифицированных судей, однако требование квалифицированности не вполне соотносится с основополагающими началами в деятельности суда с участием присяжных заседателей. Противопоставление профессиональных и непрофессиональных начал неприемлемо в указанной форме отправления правосудия, поскольку присяжные выносят вердикт, а профессиональные судьи на принятое ими решение — приговор. С учетом данного обстоятельства, по мнению ряда ученых, апелляционное производство в своем классическом варианте не может распространяться на решение судов с участием присяжных заседателей, при том что уголовно-процессуальной науки такие примеры практически не известны¹⁶. Причем при введении апелляционного производства на решения судов с участием присяжных заседателей нарушилась особая компетенция, связанная с установлением фактических обстоятельств дела и виновности подсудимого.

¹³ Насонов С. А. Модели пересмотра не вступивших в законную силу приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей, в России и зарубежных странах // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Тришина Н. Т. Юридико-фактическая проверка приговора в апелляционном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 10.

¹⁵ Насонов С. А. Указ. соч. ; Тарасов А. А. Об апелляционном производстве решения суда присяжных // Уголовное судопроизводство. 2011. № 3 ; Белкин А. Р. Апелляция: некоторые странности // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2 ; Ковтун Н. Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство по уголовным делам в контексте соответствия международно-правовому стандарту // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. № 3 ; Трухин С. А. Суть современной российской апелляции в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2014. № 5 ; Калякин О. А. Апелляция в системе современных проверочных производств // Уголовное судопроизводство. 2014. № 3 ; Аширбекова М. Т. Новые доказательства в суде апелляционной инстанции // Российская юстиция. 2013. № 5.

¹⁶ Бобракова И. С., Ковтун Н. Н. Апелляция в уголовном процессе: осознанная необходимость или взлелеянный миф // Вопросы правообразования. 2012. С. 178—191.

В целом апелляционный пересмотр приговоров судов с участием присяжных заседателей по основанию их необоснованности невозможен, так как механизм проверочных процедур не подходит к данному составу суда из-за самого предмета проверки (ст. 389.25, ч. 1 ст. 389.19 УПК РФ). Законодатель попытался разрешить эту проблему, создав законодательную модель, характерную для «неполной» апелляции. Суть указанной модели состоит в пересмотре принятых решений, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, но лишь в части допущенных нарушений норм процессуального или материального права¹⁷, при этом суд апелляционной инстанции состоит из трех профессиональных судей. Согласно этой модели не подлежат пересмотру в суде апелляционной инстанции решения в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела. В указанных случаях доказательства, относящиеся к фактическим обстоятельствам предъявленного лицу обвинения, судом апелляционной инстанции не проверяются. Правильно: нет проверки факта, нет и апелляции. Следовательно, такого рода решения прямо должны следовать в кассационную инстанцию¹⁸.

А. А. Тарасова отмечает и ряд других неточностей, присущих законодательным новеллам апелляционного производства¹⁹. Так, в соответствии со ст. 389.15 УПК РФ в апелляционном порядке отменяются или изменяются судебные решения, вынесенные судом с участием коллегии присяжных заседателей при наличии следующих оснований:

1. Существенное нарушение уголовно-процессуального закона, включающее ошибки и нарушения, допущенные в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства по делу, которое позволяет указывать на незаконность, необоснованность и несправедливость судебного решения.

При этом Пленум Верховного Суда РФ в п. 19 постановления от 27 ноября 2012 г. № 26 полагает, что неустранимым в суде апелляционной

инстанции выступает нарушение фундаментальных основ уголовного судопроизводства, вследствие чего наступает процессуальная недействительность самого производства по уголовному делу (например, рассмотрение дела незаконным составом суда либо с нарушением правил подсудности)²⁰. Существенными нарушениями, влекущими отмену приговора, признаются только такие нарушения, которые повлияли на правильность вердикта присяжных заседателей²¹. Аналогичного мнения придерживается и А. С. Червоткин, справедливо полагаящий, что «...основаниями для отмены или изменения решения суда первой инстанции являются такие ошибки и нарушения, допущенные в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства по делу, которые указывают на незаконность, необоснованность или несправедливость судебного решения»²². Помимо общих, присущих для всех составов судов, неустранимых нарушений, присутствуют нарушения, относящиеся к суду присяжных заседателей. К таковым относятся: вынесение вердикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей; нарушение тайны совещания коллегии присяжных заседателей при вынесении вердикта или нарушение тайны совещания судей при постановлении приговора.

2. Неправильное применение уголовного закона имеет место, если в материально-правовых основаниях апелляционного обжалования был установлен факт неверного определения фактических обстоятельств дела либо если суд правильно установил фактические обстоятельства, но неверно применил нормы материального права.

3. Приговор признается несправедливым, если по нему было назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, либо наказание, которое хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части УК РФ, но по своему виду или размеру является несправедливым как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости.

¹⁷ Насонов С. А. Указ. соч.

¹⁸ Калякин О. А. Производство в апелляционной инстанции: Пленум ВС РФ разъясняет // Мировой судья. 2013. № 2. С. 15.

¹⁹ Тарасов А. А. Указ. соч. С. 20.

²⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 1. С.5.

²¹ Насонов С. А. Указ. соч. С. 6.

²² Червоткин А. С. Апелляция и кассация: пособие для судей. М., 2010. С. 58.

Обжалуя приговор, постановленный на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, в контексте его справедливости и с позиции соразмерности назначенного наказания характеру, степени общественной опасности совершенного деяния и личности осужденного, следует помнить, что согласно ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ справедливость подразумевает под собой как правовой, так и нравственный критерии оценки деяния, относящиеся к вынесению обвинительных вердиктов и постановлению обвинительных приговоров. К оправдательным вердиктам и приговорам это не относится, поскольку вопрос о размере наказания здесь не ставится.

В то же время указанные два первых основания также отражены в кассационном и надзорном производстве (ч. 1 ст. 401.15 и ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ) и, по сути, дублируют предыдущую редакцию ст. 380 УПК РФ.

Такое основания отмены оправдательного приговора, как существенное нарушение уголовно-процессуального закона, фактически тоже изложено в прежней редакции (п. 2 ст. 389.15 и ст. 389.16 УПК РФ), с небольшими изменениями, указывающими на необходимость наличия признаков существенности нарушений, влияющих на предоставление доказательств, или же на содержание поставленных перед присяжными вопросов или на их ответы (ст. 389.25 УПК РФ). Сама же правовая природа существенных нарушений, способных повлиять на качество предоставления доказательств, также не раскрывается.

Помимо прочего, оправдательный приговор отменяется и в случае его неясности или противоречивости, при условии, что председательствующий не указал присяжным на это, не предложил вернуться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросные листы. При этом следует помнить, что, отменяя его, суд апелляционной инстанции вправе лишь вернуть уголовное дело на новое судебное разбирательство, но не постановить новый оправдательный приговор.

Обращает на себя внимание, что рассмотренные выше основания отмены оправдательного приговора указывают лишь на процедурные нарушения, разрешение которых возможно вне рамок разбирательства в апел-

ляционном порядке. Определить же посредством судебного следствия степень влияния допущенных нарушений на содержание составленного для присяжных вопросного листа и содержание их ответов довольно сложно, так как в совещательной комнате решение присяжными принимается тайно.

Аналогично судьям будет проблематично установить степень неясности и противоречивости вынесенного вердикта, так как они не участвовали в судебном следствии суда первой инстанции. Вместе с тем возможность или невозможность для сторон процесса представить в суд доказательства можно установить и по формальным признакам, отраженным в протоколе в виде отказа в удовлетворении ходатайств, отсутствия сведений о заслушивании мнения стороны о ходатайстве, заявленном другой стороной²³.

Касаясь оснований отмены обвинительного приговора, основанного на обвинительном вердикте, отметим, что суд апелляционной инстанции вправе постановить оправдательный приговор только с отсутствием состава или события преступления, а также в случае его противоречивости, но лишь если были допущены нарушения уголовно-процессуального или уголовного закона, неустранимые в суде апелляционной инстанции (ч. 1.1 ст. 389.22 УПК РФ). Представляется, что и здесь основания отмены обвинительного вердикта несколько неточны, так как не вполне ясно, как обвинительный приговор может противоречить обвинительному вердикту, если он может быть обвинительным лишь при наличии обвинительного вердикта?

К существенным нарушениям уголовно-процессуального закона, способным повлиять на вынесение законного и обоснованного решения, относятся: вынесение вердикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей; нарушение тайны совещания коллегии присяжных заседателей при вынесении вердикта. В то же время и иные разновидности существенных нарушений уголовно-процессуального закона, указанные в ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ, также могут служить основанием отмены судебного решения в порядке апелляции. Причем, по справедливому замечанию А. Р. Белкина, такое основание, как нарушение права под-

²³ Тарасов А. А. Об апелляционном производстве решения суда присяжных // Уголовное судопроизводство. 2011. № 3. С. 21.

судимого давать показания на родном языке, сформулировано не вполне корректно, ведь судебное разбирательство для подсудимого не ограничивается лишь дачей показаний — он должен еще и понимать все происходящее в судебном заседании. Поэтому им обоснованно предлагается изменить формулировку п. 5 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ, указав на пользование родным языком, а не дачу показаний²⁴.

Кроме того, в кассационном и надзорном порядке основаниями для отмены или изменения судебного решения выступают также существенные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела (ч. 1 ст. 401.15 и ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ). Возникает справедливый вопрос об отличительных особенностях апелляционного, кассационного и надзорного производств.

Приведенные доводы и научный анализ позволяют утверждать, что по указанной категории дел апелляционное производство (с его содержательной стороны) не вполне отрегулировано, что дает основание переосмыслить научные воззрения на его правовую природу применительно к проверке вынесенных приговоров. Выводы основываются как на научном анализе российского и зарубежного законодательства, так и на доводах ученых-процессуалистов, полагающих, что кроме «неполной» апелляции, в которой приговор, постановленный на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, пересматривается профессиональными судьями, существуют модели «горизонтальной» и «полной» апелляции.

В модели «горизонтальной» апелляции предполагается новое рассмотрение уголовного дела, но другим составом коллегии присяжных заседателей²⁵. Предложенная модель характерна для французской системы судов ассизов, в которой 3 профессиональных судьи и 12 членов жюри, приняв дело к производству, рассматривают его по правилам суда первой инстанции, но при этом первоначальный приговор аннулируется, а новый выносится при условии, если не менее 10 членов жюри придут к выводу о виновности лица²⁶. Дело рассматривается по таким же правилам, как и в суде первой инстанции, но с особенностями, характерными для суда присяжных.

В модели «полной» апелляции коллегия профессиональных судей исследует как фактическую, так и юридическую сторону обжалуемого обвинительного приговора, но с запретом поворота к худшему. Само же рассмотрение апелляционной жалобы не является новым рассмотрением дела в классическом понимании, так как стороны процесса хотя и вправе представлять в суд новые доказательства, однако их приобщение к делу зависит от усмотрения суда. Данная модель характерна для англосаксонской правовой системы, в которой основанием для апелляции по вопросам права является ошибочное применение судом норм уголовного и уголовно-процессуального права, а по вопросам факта — неверное установление фактических обстоятельств уголовного дела, недоказанность обвинения, необоснованность наказания, несправедливость приговора. При этом в модели «полной» апелляции присутствуют существенные ограничения на обжалование оправдательного приговора, постановленного судом с участием присяжных заседателей. К примеру, в Великобритании основанием для обжалования оправдательного приговора служит то, что он вынесен в результате давления или запугивания присяжного или свидетеля.

Основанием же для отмены обвинительного приговора является «ненадежность решения о виновности», надежным будет выступать такое решение, которое при любом допущенном процессуальном нарушении в суде первой инстанции не будет вызывать сомнения.

Анализ российского апелляционного производства по постановленным с участием присяжных заседателей приговорам позволяет отметить его сходство и различия с представленными выше моделями. Так, в отличие от «горизонтальной» апелляционной модели, российская апелляция приговоров, постановленных на основании решения суда присяжных заседателей, предусматривает участие трех профессиональных судей без коллегии присяжных заседателей, что, по нашему мнению, указывает на ее несовершенство. «Неполная» апелляция действует по ограниченному кругу оснований пересмотра итоговых реше-

²⁴ Белкин А. Р. Указ. соч. С. 14.

²⁵ Насонов С. А. Указ. соч. С. 4.

²⁶ Головки Л. В. Реформа уголовного процесса во Франции // Государство и право. 2001. № 8. С. 96.

ний (существенное нарушение уголовно-процессуального закона, неправильное применение уголовного закона или несправедливость приговора), что сужает пределы исследования с позиций правильности установления фактических обстоятельств уголовного дела. Обстоятельства, касающиеся несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, судом апелляционной инстанции не проверяются²⁷.

Результаты проведенного исследования позволяют предложить автору изменить существующую апелляционную модель на «горизонтальную» апелляцию, предусматривающую участие в ходе пересмотров решений, не вступивших в законную силу, состава коллегии присяжных заседателей, в том числе и по правилам ст. 278.1 УПК РФ, предусматривающей применение систем видеоконференц-связи.

Авторская позиция напрямую согласуется с положениями, изложенными в определении Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. №1052-О, в котором указывается, что «...наделение профессиональных судей правом в ходе апелляционной процедуры, не предполагающей участия присяжных заседателей, отклонить обвинительный вердикт ввиду несогласия с выводами присяжных по входящим в их компетенцию вопросам не только ограничивало бы их полномочия по самостоятельному принятию решений, но и противоречило бы самому духу суда присяжных — специфического института прямого народовластия, призванного реализовывать как право граждан на участие в отправлении правосудия в качестве одного из проявлений их права на участие в управлении делами государства (ч. 1 и 5 ст. 32 Конституции РФ), так и функцию общественного контроля над правосудием по уголовным делам, обеспечивающую демократичность, открытость и независимость судебной власти»²⁸.

С указанным подходом коррелирует и позиция Европейского Суда по правам человека, подчеркнувшего, что система судебного разбирательства с участием коллегии присяжных, в рамках которой профессиональные судьи не имеют права участвовать в совещании присяжных при вынесении вердикта, руководимая законным стремлением привлечь граждан к отправлению правосудия, особенно в отношении наиболее тяжких преступлений, в этом контексте не может ставиться под сомнение²⁹. Утверждение Европейского Суда по правам человека может быть отнесено и к порядку пересмотра решений суда первой инстанции с участием присяжных заседателей.

Приведенные выше доводы дают основание полагать, что несмотря на то, что согласно ст. 389.25 УПК РФ в порядке апелляционного производства обжалованию подлежат и оправдательные приговоры, постановленные на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, учитывая особый состав суда и саму специфику судебного разбирательства, приговор, постановленный на основании вердикта присяжных заседателей, обжалованию подлежать быть не может.

Аналогичная позиция отражена и в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (ст. 145, 853, 856), согласно которому «не вступившие в законную силу приговоры мировых судей могли быть пересмотрены в апелляционном порядке по всем предметам дела, а окружных судов, постановленные без участия присяжных заседателей, еще и по поводу всякой неправильности в производстве дела или в постановлении приговора»³⁰. Иначе говоря, Устав 1864 г. не предусматривал пересмотра решений судов с участием присяжных заседателей в апелляционном порядке.

В настоящее время апелляционное производство включает как юридические основания

²⁷ Пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 1052-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мирошниченко Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 379 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 ноября 2010 г. по делу «Таске (Taxquet) против Бельгии» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ Панокин А. М. Основания апелляционного пересмотра приговоров по уставу уголовного судопроизводства 1864 года // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4.

для пересмотра не вступивших в законную силу приговоров судов первой инстанции, так и юридические, однако коллегия присяжных заседателей способна высказать свою точку зрения относительно фактических обстоятельств дела. Что же касается юридических оснований пересмотра не вступивших в законную силу приговоров судов, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, то их рассмотрение также сохранилось в компетенции кассационного производства, что дает основание предложить изъять рассмотрение вопросов права из апелляции. Тогда и разграничение апелляционного, кассационного и надзорного производств будет более явным. В настоящее время разграничение апелляционного от кассационного и надзорного производств происходит лишь по категориям решений судов

первой инстанции, вступивших или не вступивших в законную силу.

В целом расширение апелляционного производства посредством его введения в судопроизводство с участием присяжных заседателей вошло в противоречие с положениями конституционной нормы, предусматривающей право пересмотра приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом (ч. 3 ст. 50 Конституции РФ). Именно установленный УПК РФ порядок апелляционного пересмотра не вступивших в законную силу решений судов с участием присяжных заседателей не позволяет полностью реализовывать положения Конституции РФ, поскольку такое апелляционное производство в данном составе суда не может проходить без участия самой коллегии присяжных заседателей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Александров А. С. Апелляционное производство в уголовном процессе России: проблемы и решения // Государство и право. — 2003. — № 3.
2. Аширбекова М. Т. Новые доказательства в суде апелляционной инстанции // Российская юстиция. — 2013. — № 5.
3. Базаров Б. При апелляционном производстве возможно нарушение принципа состязательности // Российская юстиция. — 2013. — № 3.
4. Белкин А. Р. Апелляция: некоторые странности // Уголовное судопроизводство. — 2014. — № 2.
5. Головкин Л. В. Реформа уголовного процесса во Франции // Государство и право. — 2001. — № 8.
6. Дорошков В. Пересмотр решений мирового судьи по уголовным делам в апелляционном порядке // Российская юстиция. — 2002. — № 7.
7. Калякин О. А. Производство в апелляционной инстанции: Пленум ВС РФ разъясняет // Мировой судья. — 2013. — № 2.
8. Калякин О. А. Апелляция в системе современных проверочных производств // Уголовное судопроизводство. — 2014. — № 3.
9. Ковтун Н. Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство по уголовным делам в контексте соответствия международно-правовому стандарту // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2012. — № 3.
10. Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики. — Казань, 2004.
11. Насонов С. А. Модели пересмотра не вступивших в законную силу приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей, в России и зарубежных странах // Lex Russia. — 2013. — № 4.
12. Панокин А. М. Основания апелляционного пересмотра приговоров по уставу уголовного судопроизводства 1864 года // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 4.
13. Пашин С. А. Судебная система России: переориентация // Отечественные записки. — 2014. — № 3 (60).
14. Победкин А. В. Апелляционное производство в уголовном процессе России: проблемы становления // Государство и право. — 2001. — № 3.
15. Строгович М. М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. — М., 1979.
16. Тарасов А. А. Об апелляционном производстве решения суда присяжных // Уголовное судопроизводство. — 2011. — № 3.

17. Трухин С. А. Суть современной российской апелляции в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. — 2014. — № 5.
18. Червоткин А. С. Апелляция и кассация: пособие для судей. — М., 2010.

Материал поступил в редакцию 27 августа 2015 г.

PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE OF APPEAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES CONSIDERED BY THE COURT WITH THE PARTICIPATION OF THE JURY

ILYUKHOV Alexey Alexandrovich — Ph.D. in Law, Associate Professor of the department of Criminal Procedure of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

[Alexsmol96@yandex.ru]

125080, Russia, Moscow, ul. Vrubelya, d. 12.

Review. *The article analyses the procedural order of appeal proceedings in jury cases. The author reveals distinctive features of this form of reviewing sentences. To this end the author notes such advantages as correcting errors in the sentence, an opportunity to make any procedural decision, substituting the sentence appealed, without remitting the case for retrial.*

At the same time, given that the appeal against sentences in complaints and representations is carried out in order to determine the appropriateness of applying the rules of law, which narrows the limits of examining the factual circumstances of the case, the author notes that debates between scholars concerning the necessity of widening the appeal powers and the reasonableness of reconsidering the judgments in jury cases by means of appeal proceedings still continue.

The essence of the dispute concerns the necessity to empanel the most experienced and qualified judges in an appellate instance, although the requirement of qualification does not meet the fundamental principles of jury trial. The opposition between professional and non-professional foundations is inadmissible with regard to this form of administering justice, because jurors pass a verdict, and professional judges pass a sentence with regard to the verdict passed by the jurors. Moreover, the procedure of reviewing the verdicts passed by jurors is not complete, which is determined by peculiarities of a jury trial, when the re-examination of matters of facts and law and comparison of the results of re-examination and holdings of the trial court take place.

According to the statistics, the number jury verdicts reconsidered in cassation proceedings before 1 January 2013, in percentage terms, looks higher. Further difficulties are caused by the very interpretation and application of the rules governing the procedure of filing an appeal against jury verdicts in jury cases in practice.

The author concludes that the appeal proceedings in their conventional form cannot be expanded and used for court decisions in jury trials, the criminal procedure science not knowing any examples of such practice. In addition, when appeal proceedings against court decisions in jury trials are introduced, the special jurisdiction with regard to determining the facts of the case and the guilt of the accused is violated. Therefore, in general, the appellate review of court decisions in cases with participation of jurors on the grounds of their unreasonableness is not possible, since the mechanism of verification procedures do not match the present composition of the court because the subject of verification. (art. 389.25, p. 1, art. 389.19 of the Criminal Procedure Code). The legislator tried to solve this problem by creating a legislating mode typical for the so-called "incomplete" appeal.

Keywords: *criminal proceedings, jury trial, the court of second instance, reviewing the verdicts on appeal, appellate proceedings, comparative analysis of the legislation*

BIBLIOGRAPHY

1. Aleksandrov, A. S. Appeal proceedings in the criminal trial of Russia: problems and solutions // The State and Law. 2003. № 3.
2. Ashirbekova, M. T. Newly discovered evidence in the appellate court // Russian Justice. 2013. № 5.
3. Bazarov, B. The appeal proceedings admit the violation of the adversarial principle // Russian Justice. 2013. № 3.
4. Belkin, A. R. An appeal: some oddities // Criminal Proceedings. 2014. № 2.
5. Golovko, L. V. The reform of criminal procedure in France // The State and Law. 2001. № 8.
6. Doroshkov, V. The review of Magistrate's decisions in criminal cases on appeal // Russian Justice. 2002. № 7.

7. *Kalyakin, O. A.* Appeal Proceedings: The Plenum of the RF Armed Forces explains // *The Magistrate*. 2013. № 2.
8. *Kalyakin, O. A.* Appeal in the system of contemporary review proceedings. 2014. № 3.
9. *Kovtun, N. N.* Appellate, cassation and review proceedings in criminal cases with regard of their compliance with the international law standard // *International Criminal Law and International Justice*. 2012. № 3.
10. *Muratova, N. G.* Judicial review in criminal proceedings: questions of theory, legislation and practice. Kazan, 2004.
11. *Nasonov, S. A.* Models of reviewing sentences passed on the ground of the jury verdict in Russia and foreign countries // «*Lex Russia*». 2013. № 4.
12. *Panokin, A. M.* Grounds of appeal review of sentences passed in accordance with the Charter of Criminal Proceedings of 1864 // *Actual Problems of Russian Law*. 2014. № 4.
13. *Pashin, S. A.* The judicial system of Russia: turning inside out // *Notes of the Fatherland (Otechestvennyie Zapiski)*. 2014. № 3(60).
14. *Pobedkin, A. V.* Appellate proceedings in the criminal procedure of Russia: problems of formation // *The State and Law* 2001. № 3.
15. *Strogovich, M. M.* Soviet Criminal Procedure Law and problems of its effectiveness. – М., 1979.
16. *Tarasov, A. A.* On appeal proceedings with regard to the jury verdict // *Criminal Proceedings*. 2011. № 3.
17. *Truhin, S. A.* The essence of the modern Russian appeal in criminal justice // *Russian Justice*. 2014. № 5.
18. *Chervotkin, A. S.* An appeal and cassation: Handbook for Judges. – М., 2010

ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Д. В. Галкин*

ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы установления следователем факта жестокого обращения с детьми при расследовании уголовных дел. На основе анализа норм отечественного и международного права автором предлагается квалифицировать как жестокое обращение не только физическое насилие, но и факты психологического насилия и отсутствия заботы о детях. Статья 156 УК РФ предусматривает ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним. Применение данной нормы в следственно-судебной практике затрудняет неоднозначность термина «жестокое обращение». С одной стороны, термины «жестокое обращение» и «насилие» отождествляются с физическим или сексуальным насилием. Это типичная следственная ситуация по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 156 УК РФ: наличие на теле ребенка ссадин, ушибов, гематом, ожогов, порезов, которые свидетельствуют о жестоком обращении. С другой стороны, кроме физического насилия, выделяют такие формы насилия, как психическое насилие, а также отсутствие заботы — в отношении малолетних детей, жизнь и здоровье которых без должного родительского ухода могут оказаться под угрозой. Статья 156 УК РФ применяется, как правило, при установлении признаков физического или сексуального насилия, а факты психического насилия или отсутствия заботы зачастую игнорируются. Квалификации указанных форм насилия как жестокого обращения с детьми препятствуют различные факторы, в том числе отсутствие формализованного толкования термина «жестокое обращение» в судебных актах и нормах российского права. Вместе с тем в нормах международного права, ратифицированных Российской Федерацией, содержится толкование термина «жестокое обращение с детьми». Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» указано, что при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних надлежит учитывать положения Конвенции о правах ребенка 1989 г. Согласно этой Конвенции, жестокое обращение с ребенком может выражаться в любых формах «физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке». Таким образом, с учетом положений Конвенции о правах ребенка при расследовании преступлений, предусмотренных статьей 156 Уголовного кодекса РФ, установленные факты психического насилия над детьми или отсутствия заботы могут быть квалифицированы как «жестокое обращение», наравне с фактами физического или сексуального насилия.

© Галкин Д. В., 2016

* Галкин Денис Викторович, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики пятого факультета повышения квалификации Института повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации
dvgalkin@bk.ru
680006, Россия, г. Хабаровск, ул. Ангарская, д. 11

Ключевые слова: защита прав детей, преступления против несовершеннолетних, жестокое обращение с детьми, насилие над детьми, виды насилия, психическое насилие, отсутствие заботы.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.113.4.088-094

Развитие общественных отношений и их правового регулирования меняет отношение общества к правам ребенка. Благодаря развитию медицины, психологии и других отраслей знаний, информатизации общества меняются представления о допустимых методах воспитания детей в семье и образовательных учреждениях. При этом новое значение приобретают вопросы, ответы на которые всегда казались очевидными. Имеют ли родители на сегодняшний день право на наказание своего ребенка? Безусловно, имеют. Однако проблема заключается в разграничении допустимого воздействия на ребенка в воспитательных целях и насилия, квалифицируемого как административное правонарушение или преступление.

Часто граница между телесными наказаниями и физическим насилием размыта. Культурные нормы, определяющие физическое насилие, сильно разнятся: как среди специалистов, так и среди общественности нет единого мнения о том, какие именно действия считать физическим насилием. Острота этой проблемы обусловлена не только тем, что это довольно интимная сфера жизни любого человека: мало кто любит, что в его внутреннюю личную и семейную жизнь вмешиваются извне. Это еще и очень динамично меняющаяся область жизни: последовательная гуманизация общественных отношений приводит к тому, что вчерашние перспективные цели сегодня становятся нормой.

Правовое регулирование, а тем более уголовное законодательство, заведомо менее подвижно и более инертно. Тем не менее уголовно-правовая охрана прав несовершеннолетних — одна из приоритетных задач правоохранительных и судебных органов в настоящее время. С 1997 года действует статья 156 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающая ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, сопряженное с жестоким

обращением. Действующая редакция диспозиции указанной статьи звучит следующим образом: «Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое возложены эти обязанности, а равно педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним...»¹.

Субъект этого преступления — специальный, им может быть лицо, на которое законом или договором возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. Такими лицами являются не только родители, но и воспитатели детских домов и иных учреждений для постоянного или временного проживания детей, сотрудники образовательных учреждений, детских оздоровительных лагерей и т.п.

Анализ диспозиции статьи 156 Уголовного кодекса показывает, что для применения данной нормы необходимо установить факт жестокого обращения в отношении ребенка.

Но прежде чем перейти непосредственно к проблеме толкования данного термина, обратимся к правоприменительной практике, позволяющей оценить актуальность рассматриваемых проблем.

Для получения более объективного представления о масштабе проблемы рассмотрим общую картину участия несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве: и в качестве потерпевших, и в качестве обвиняемых. Жестокое обращение с детьми, несмотря на изменение общественных установок и укрепление правовой охраны, остается весьма распространенным явлением. Оно может выражаться в явной, открытой форме, а может иметь неочевидный характер. В целом престу-

плений, связанных с насилием над детьми, в последние годы становится все меньше. К сожалению, современная статистика преступности не содержит данных об общем числе преступлений против личности, жертвами которых стали дети. В связи с отсутствием статистики преступлений, совершаемых в отношении детей, обратимся к статистике преступлений, совершаемых самими несовершеннолетними, на примере Дальнего Востока России. Безусловно, динамика и структура преступлений, совершенных в отношении детей, имеет опосредованную связь с преступностью несовершеннолетних. Однако, по нашему мнению, такая связь есть и она вполне выражена. Не забывая об условности анализируемых данных, отметим, что дети, пережившие насилие, сами в дальнейшем имеют предрасположенность к жестокому обращению со сверстниками, младшими детьми и даже взрослыми.

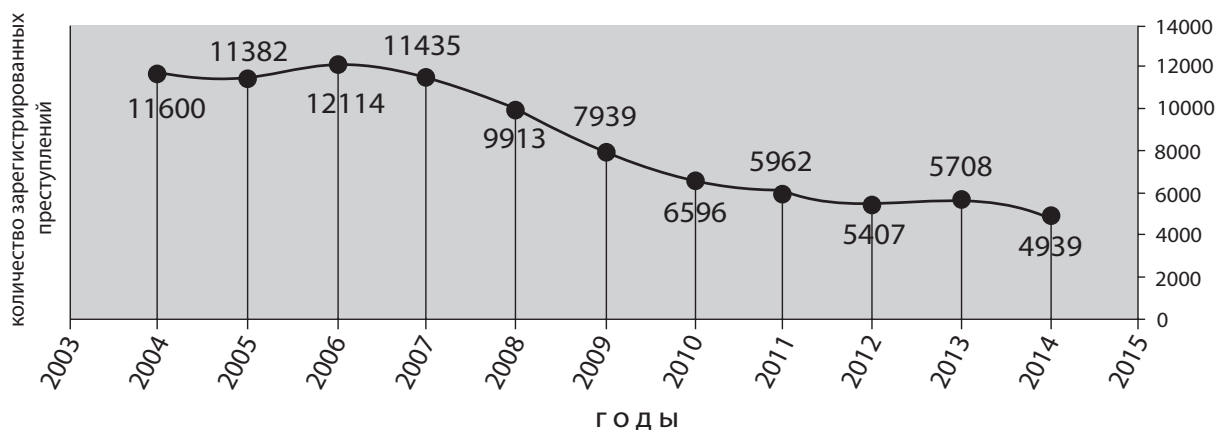
Итак, число преступлений, совершенных несовершеннолетними, за неполные 10 лет сократилось более чем в два раза — с 12 тыс. в 2006 году до 5 тыс. по итогам 2014 года (см. график).

Однако факторный анализ детской преступности показывает, что одной из основных причин ее снижения являются объективные демографические процессы. Так, число несовершеннолетних в возрасте 15—17 лет за последнее десятилетие сократилось пропор-

ционально показателям преступности. Если в 2005 году в Российской Федерации численность граждан в возрасте 17 лет составляла 2,5 млн человек, в 2010 году — 1,7 млн, то в 2014-м — уже 1,4 млн человек. Согласно демографическим прогнозам, на период с 2015 до 2017 года численность несовершеннолетних 15—17 лет достигнет минимальных значений — 1,3 млн человек. Общая численность подростков в стране сменит нисходящий тренд на восходящий лишь через 2—3 года, за счет всплеска рождаемости последних лет (рождаемость последовательно росла с 2000 по 2013 годы включительно)¹.

Сокращение числа несовершеннолетних соответственно привело к снижению детской преступности. В то же время анализ правоприменительной практики свидетельствует о некоторых негативных тенденциях в этой сфере. В общей структуре преступлений несовершеннолетних растет удельный вес особо тяжких, жестоких и немотивированных преступлений. Показательной является череда издевательств несовершеннолетних в школах над сверстниками в разных регионах страны, о которых стало известно благодаря доступности мобильной видеосъемки и социальным сетям. Очевидно, что одними из причин подобных явлений являются деформированные семейные отношения, проблемы во взаимоотношениях детей с родителями, пережитое насилие в семье.

Динамика преступлений, совершенных несовершеннолетними,
в Дальневосточном федеральном округе
(из числа преступлений, лица по которым установлены)

¹ Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года (статистический бюллетень). М., Федеральная служба государственной статистики. 2013. 225 с.

На Дальнем Востоке проблема преступности в отношении детей, так же как и преступлений, совершаемых детьми, стоит более остро по сравнению с другими регионами России: на протяжении ряда лет показатели подростковой преступности на Дальнем Востоке отличались в худшую сторону. Одной из самых распространенных причин, по которым дети становятся жертвами преступления, является наркомания родителей и злоупотребление алкоголем.

В Хабаровском крае широкий общественный резонанс получил ряд преступлений, совершенных при таких обстоятельствах. В январе 2014 г. в одном из сел Хабаровского края замерзла малолетняя девочка. Родители оставили двоих малолетних детей (1 и 3 года) одних в частном доме, оборудованном печным отоплением, а сами ушли пьянствовать к соседям. Застолье затянулось на несколько дней, а дети оставались одни в холодном доме. В результате переохлаждения младшая девочка умерла, другой ребенок получил обморожения. Всего в семье, которая состояла на учете как неблагополучная, было пятеро детей. Уголовное дело по обвинению матери и отца в неосторожном убийстве направлено в суд, в отношении должностных лиц органов опеки и сотрудников полиции проводится проверка.

Еще более шокирующий случай произошел в 2013 г. в Комсомольске-на-Амуре. 25-летняя женщина отмечала день рождения своей трехлетней дочери на дебаркадере, пришвартованном у набережной, вместе со шкипером дебаркадера и другими своими знакомыми. Трехлетняя девочка находилась с ними. Мать, будучи в состоянии алкогольного опьянения, оставила ее одну без присмотра на палубе дебаркадера. Когда спохватились, было уже поздно, девочка упала с палубы и утонула. Позднее в крови ребенка был обнаружен алкоголь.

В обоих случаях женщины были признаны судом виновными в причинении смерти своим детям. Кроме неосторожного убийства, обе матери признаны виновными в преступлении, предусмотренном статьей 156 УК РФ, — ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, сопряженном с жестоким обращением с ним. Установление и доказывание фактов жестокого обращения с

ребенком, достаточных для предъявления обвинения и направления дела в суд, представляет для следователя определенную сложность. Какие именно действия и бездействие родителей можно расценивать как жестокое обращение, а какие — как обоснованные и допустимые меры в рамках семейного воспитания?

В психологии, медицине и других отраслях знаний в настоящее время, основываясь на гуманистическом подходе к детям, жестокое обращение отождествляют с понятием «насилие». Как жестокое обращение предлагается расценивать случаи физического, сексуального и психического (эмоционального) насилия. В отношении детей выделяется еще и четвертый вид жестокого обращения — отсутствие заботы. Такая классификация основана на том, что несовершеннолетние, в особенности новорожденные и малолетние дети, не могут сами позаботиться о себе. Отсутствие заботы выражается в пренебрежении основными потребностями ребенка в полноценном питании, одежде, жилье, медицинской помощи или уходе со стороны родителя или другого человека, несущего за него ответственность, в результате чего страдают здоровье, безопасность и благополучие ребенка.

В следственной и судебной деятельности, как правило, доминирует консервативный подход, согласно которому жестоким обращением признаются только факты физического и активного сексуального насилия. Большой разброс мнений по вопросу об оценке конкретных ситуаций на предмет соответствия критерию «жестокое обращение» не способствует выработке единой правоприменительной практики.

Юристы, изучая данную проблему, отмечают, что понятие жестокого обращения с несовершеннолетними сформулировано в законе крайне неопределенно, что порождает немало сложностей как в уяснении признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 156 УК РФ, так и в разграничении с другими смежными составами преступлений (например, против здоровья, свободы, чести и достоинства личности, половой неприкосновенности и половой свободы личности)².

² Боровиков В. Б. Ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ) // Российский судья. 2005. № 2.

Другие авторы отмечают необходимость большей конкретизации определения жестокого обращения с ребенком и выработки дефиниций его отдельных форм (физического, сексуального, психического насилия)³.

Актуальность указанных вопросов нашла отражение в решении коллегии Следственного комитета РФ от 28 ноября 2013 г., во исполнение которого в Верховный Суд РФ направлено письмо с обоснованием необходимости разработки руководящих разъяснений для судей и следователей о применении статьи 156 УК РФ и толковании термина «жестокое обращение».

Здесь, по нашему мнению, необходимо кратко обозначить компетенцию правоохранительных органов по расследованию данных преступлений. В соответствии со статьей 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьей 156 УК РФ, не входит в исключительную компетенцию Следственного комитета. По общему правилу по таким делам органами внутренних дел производится дознание. Вместе с тем анализ правоприменительной практики показывает, что типичной следственной ситуацией по делам о преступлениях против жизни и здоровья детей является необходимость дополнительной квалификации действий или бездействия обвиняемых, связанных с неисполнением ими обязанностей по воспитанию несовершеннолетних. А тяжкие и особо тяжкие преступления против детей — исключительная компетенция Следственного комитета. Поэтому часто преступления, предусмотренные статьей 156 УК РФ, выявляются и расследуются следователями Следственного комитета.

Таким образом, анализ норм уголовного законодательства и правоприменительной практики показывает, что термины «жестокое обращение» и «насилие» тождественны. Поэтому для определения содержания термина «жестокое обращение» необходимо учитывать выработанную наукой и подтвержденную практикой классификацию форм насилия: физическое, сексуальное, психическое насилие, а также особый вид насилия — отсутствие заботы.

Необходимо особо отметить, что неблагоприятное воздействие одного и того же свойства в отношении ребенка и в отношении

взрослого человека могут квалифицироваться по-разному. Очевидный факт, что несовершеннолетние, в силу своего возраста, особенностей физиологии и психики, более подвержены насилию; и это учитывается при юридической оценке действий (или бездействия) обвиняемого в насильственном преступлении. Такой подход позволяет выделить особую, четвертую по счету форму насилия, которое возможно только в отношении детей — отсутствие заботы. Приведенный выше пример, описывающий оставление грудного ребенка в неотопляемом помещении в зимнее время года, показывает, что насилие (в данном случае — убийство) может быть совершено путем бездействия, и потому отказ от ухода и заботы за беспомощным ребенком должен расцениваться как применение насилия.

Анализ следственной и судебной практики показывает наличие некоторого перекоса в толковании жестокого обращения с детьми в сторону физического насилия в ущерб психическому насилию и отсутствию заботы. В подавляющем большинстве случаев жестокое обращение с детьми квалифицируется по статье 156 УК РФ в случаях установления фактов физического или сексуального насилия над ребенком. Такие виды насилия, как психическое насилие и отсутствие заботы, тоже встречаются в материалах уголовных дел. Однако обвинение в части психического насилия или отсутствия заботы предъявляется обвиняемым, как правило, в совокупности с другими формами насилия: физическим и сексуальным.

Таким образом, анализ правоприменительной практики показывает, что основной проблемой в применении статьи 156 УК РФ являются трудности в оценке действий обвиняемых с точки зрения наличия в них признаков жестокого обращения с детьми. Как правило, данная статья применяется при установлении объективных признаков факта физического насилия, к которым относятся телесные повреждения: синяки, ожоги, гематомы, ушибы, порезы и т.д.

Справедливо руководствуясь принципом обоснованности привлечения к уголовной ответственности, следователи очень редко квалифицируют выявленные в ходе расследования факты психического насилия или отсутствия заботы как жестокое обращение с детьми.

³ Дьяченко А., Цымбал Е. Актуальные проблемы защиты детей от жестокого обращения в современной России // Уголовное право. 1999. № 4. С. 75.

Безусловно, проблема отчасти могла бы быть решена путем судебного толкования термина «жестокое обращение». Вместе с тем, несмотря на отсутствие до настоящего времени разъяснений Верховного Суда, конкретизировать содержание термина «жестокое обращение» можно на основании уже действующих нормативных актов. Как следует из содержания информационного бюллетеня Всемирной организации здравоохранения (№ 150, январь 2014 г.), жестокое обращение с детьми — это «плохое обращение с детьми в возрасте до 18 лет и отсутствие заботы о них. Оно охватывает все типы физического и эмоционального жестокого обращения, сексуального насилия, пренебрежения, невнимания и эксплуатации в коммерческих или иных целях, что приводит к нанесению реального или потенциального вреда здоровью, выживаемости, развитию или достоинству ребенка...»⁴.

Кроме документов Всемирной организации здравоохранения, толкование и разъяснение терминов «жестокое обращение» и «насилие» содержится в нормах международного права, на которые прямо ссылается Пленум Верховного Суда РФ.

Так, в статье 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (в редакции от 02.04.2013) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»⁵ указано, что при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних судам, наряду с соблюдением уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации,

надлежит учитывать положения Конвенции о правах ребенка 1989 г. Указанная Конвенция является одним из основополагающих международных документов в сфере защиты прав детей. Она одобрена Генеральной Ассамблеей ООН и ратифицирована постановлением Верховного Совета СССР от 13 июня 1990 г.

Обратившись к содержанию указанной Конвенции и используя метод логического анализа правовых норм, приходим к выводу о том, что жестокое обращение с ребенком может выражаться в любых формах «физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке». В Конвенции также предусмотрена обязанность государств-участников (в том числе России как правопреемницы Советского Союза) принимать все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительские меры с целью защиты ребенка от указанных форм жестокого обращения, включая эффективные меры по расследованию таких случаев⁶.

По нашему мнению, применение указанных норм Конвенции о правах ребенка и постановления Пленума Верховного Суда РФ позволит выработать единый подход к определению содержания понятия «жестокое обращение» в следственной и полицейской работе, а также сделать еще один шаг в повышении эффективности расследования преступлений в отношении детей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Боровиков В. Б. Ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ) // Российский судья. — 2005. — № 2.
2. Векленко В. В., Бархатова Е. Н. Психическое насилие как средство совершения преступлений: проблемы квалификации // Современное право. — 2013. — № 7.
3. Дьяченко А., Цымбал Е. Актуальные проблемы защиты детей от жестокого обращения в современной России // Уголовное право. — 1999. — № 4.
4. Каплунов В., Широков В. Уголовно-правовая охрана детства // Законность. — 2007. — № 8.

⁴ Жестокое обращение с детьми. Информационный бюллетень Всемирной организации здравоохранения. № 150. Январь 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Российская газета. № 29. 11.02.2011.

⁶ Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. 1993 г.

5. Коваль Н. Проблемы квалификации жестокого обращения с детьми // Уголовное право. — 2015. — № 1.
6. Кругликов Л. О понятии и уголовно-правовой оценке насилия // Уголовное право. — 2015. — № 1.
7. Свиридова Ю. В. Защита детей // Вопросы ювенальной юстиции. — 2006. — № 1.

Материал поступил в редакцию 27 августа 2015 г.

CHILD ABUSE: PROBLEMS OF INTERPRETATION AND PROVING

GALKIN Denis Viktorovich — Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Criministics of the Fifth Faculty of Advanced Training of the Academy of Investigative Committee of the Russian Federation.

[dvgalkin@bk.ru]

680006, Russia, Khabarovsk, ul.Angarskaya, d. 11.

Review. *The article deals with the problem of establishing the fact of child abuse when investigating criminal cases. The author suggests that on the grounds of analysis of national and international laws "child abuse" must involve not only physical cruelty, but also the facts of mental cruelty and parental neglect. Article 156 of the Criminal Code of the RF provides for the responsibility for failure to perform legal duty to bring up the minor if this act is combined with cruel treatment of minors. The application of this rule in investigative and judicial practice enhances the ambiguity of the term "cruel treatment". On the one hand, the term "cruel treatment" and "cruelty" is identified by with physical or sexual abuse. This investigatory situation is typical in cases dealt with under art. 156 of the Criminal Code of the RF: bruises, contusions, burns, cuts on the body of the child that prove that the abuse has taken place. On the other hand, physical violence practitioners speak about mental violence and parental neglect with regard to young children whose lives and health may be at risk without proper parental care. As a rule, art. 156 of the CC of the RF is applied when establishing the indicators of physical or sexual abuse or when parental neglect is ignored by law upholders. Different factors, including the absence of formal interpretation of the term "cruel treatment" in judicial acts and Russian legislation, prevent characterization of these forms of violence as cruel treatment of children. However, the norms of international law instruments ratified by the Russian Federation, provide an interpretation of the term "child abuse". Thus, the judgment of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01.02.2011 number 1 "On judicial practice of application of legislation regulating criminal responsibility and punishment of minors" states that in criminal proceedings against minors provisions of the Convention on the Rights of the Child 1989 must be taken into account. According to the norms of the Convention on the Rights of the Child ratified by the USSR on June 13, 1990 child abuse can take any form of "physical or mental violence, injury or abuse, neglect or negligent treatment, maltreatment or exploitation, including sexual abuse, on the part of parents, legal guardians or any other person who has to take care of the child." Thus, subject to the provisions of the CRC, investigating the crimes under Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation established facts of mental abuse or neglect can be classified as "child abuse", along with the facts of physical or sexual abuse.*

Keywords: *protection of children's rights, crimes against minors, child abuse, cruel treatment of children, types of abuse, mental abuse, neglect.*

BIBLIOGRAPHY

1. Borovikov, V. B. Responsibility for the failure to perform the duty to bring up a minor (art. 156 of the Criminal Code) // Russian Judge, 2005, № 2.
2. Veklenko, V. V. Mental violence as a means of crime commission: problems of qualification // Contemporary Law. 2013. № 7.
3. Dyachenko, A., Tsymbal, E. Actual problems of protection of children from abuse in modern Russia // Criminal Law. 1999. № 4.
4. Kaplunov, V., Shirokov, V. Criminal law protection of childhood // Justice 2007, № 8.
5. Koval, N. V. Problems of qualification of child abuse // Criminal Law. 2015. № 1.
6. Kругликов, Л. On the concept and the criminal law assessment of abuse // Criminal Law № 1. 2015.
7. Свиридова, Ю. В. Protecting children // Questions of Juvenile Justice. 2006. №1.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Т. И. Розовская*

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Аннотация. Многолетние дискуссии по поводу необходимости внедрения в российскую правовую систему института уголовной ответственности юридических лиц переходят в практическую плоскость. Проект федерального закона № 750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц», внесенный в Государственную Думу России 23 марта 2015 года, — решительный шаг на пути формирования новой подотрасли уголовного права в России. Документ содержит много новых интересных положений, заслуживающих поддержки, в нем учтена конструктивная критика законопроекта СК России 2011 года. В частности, введение корпоративной ответственности предложено в полной мере. Авторы проекта не ограничились использованием модели «меры уголовно-правового характера в отношении организаций». В определении вины юридического лица (ст. 96.3 УК РФ) заложены формы, использующиеся в основных зарубежных доктринах государств, применяющих институт уголовной ответственности организаций: концепция вины субъективистского толка (теория отождествления) и объективистское направление вины юридического лица (теория вины прошлого поведения). Проект закона предусматривает широкий спектр основных и дополнительных видов наказаний, которые могут быть назначены судом юридическим лицам, признанным виновными в совершении преступлений и др. Институтом повышения квалификации Академии СК России совместно с сотрудниками следственных органов Северо-Западного и Крымского федеральных округов проводится предварительный мониторинг применения предлагаемых норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства. По его результатам выявляются проблемы, которые могут возникнуть в правоприменительной деятельности при привлечении к уголовной ответственности вновь вводимого субъекта. Некоторые из них предлагаются к обсуждению в статье.

Наибольшую сложность в силу сложившегося стереотипа субъекта преступления представляет понимание вины юридического лица. Вместе с тем автор предлагает относить эту проблему к числу преодолемых. Ознакомление с законопроектом выявляет и неясности ввиду появления новых дефиниций, что без раскрытия их содержания может привести к проблемам при уголовно-правовой оценке содеянного. Кроме того, многие вопросы в положениях законопроекта остаются нерешенными: в частности, процессуальный аспект освобождения от уголовной ответственности физического лица в связи с привлечением лица юридического. Автор отмечает также наличие проблемы соотношения публичных и частных интересов при применении имущественных санкций в отношении юридического лица, признанного виновным в совершении преступления, которая не нашла своего отражения в законопроекте.

© Розовская Т. И., 2016

* Розовская Татьяна Игоревна, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права шестого факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Санкт-Петербург) Института повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации rozovskaya@list.ru
199178, Россия, Санкт-Петербург, 11-я линия Васильевского острова, д. 18а

Ключевые слова: уголовная ответственность, юридическое лицо, коллективный субъект, вина, фиктивная организация, Следственный комитет, законопроект.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.113.4.095-104

Вопрос об уголовно-правовом воздействии на юридических лиц в российской юридической науке привлекает внимание ученых уже более столетия¹.

В международном уголовном праве эта проблема поднималась неоднократно. В 1929 г. вопрос уголовной ответственности юридических лиц обсуждался на конгрессе Международной ассоциации уголовного права в г. Бухаресте. На основании изложенных в докладах мнений ученых Бухарестский конгресс пришел к выводу о необходимости внесения в национальное уголовное законодательство капиталистических государств специальной нормы об уголовной ответственности юридических лиц, преступно нарушающих законы государства².

В современном мире уголовная ответственность организаций — явление достаточно частое и во многом традиционное. Она существует в более чем 50 странах мира, в том числе в государствах постсоветского пространства, таких как Азербайджан, Латвия, Литва, Молдова, Украина и Эстония³. Для юридических лиц, привлеченных к уголовной ответственности, предусматриваются такие виды наказаний, как штраф, прекращение деятельности, запрещение осуществлять прямо или косвенно один или несколько видов профессиональной или общественной деятель-

ности, помещение под судебный надзор, конфискация, ликвидация.

Несмотря на взятые Россией обязательства учитывать международные стандарты и рекомендации, в том числе касающиеся уголовно-правовых методов борьбы с общественно опасными деяниями, совершаемыми юридическими лицами⁴, а также несмотря на попытки российского законодателя перевести вопрос допустимости уголовной ответственности юридических лиц в практическую область, эта тематика в России по-прежнему остается дискуссионной.

Основным доводом *contra* в истории уголовного права, причем в различных его системах, был и остается довод о фикции юридического лица, суть которого состоит в невозможности последнего действовать виновно, с осознанием общественной опасности своего деяния, предвидя последствия и желая их наступления. «Преступление предполагает в деятеле способность действовать сознательно и самостоятельно, а ни того, ни другого условия мы не встретим в фикции юридического лица», — писал Н. С. Таганцев⁵.

Кроме этого, теория уголовного права упоминала и о наказуемых деяниях, которые юридические лица совершить не в состоянии (изнасилование), об ограниченности или о не-

¹ См.: *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2003. С. 6—9.

² См.: *Орлов В. С.* Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 215; *Трайнин А. Н.* Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон. М., 1969. С. 296.

³ См.: *Федоров А. В.* Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Журнал российского права. 2015. № 1. С. 56; *Голованова Н. А., Лафитский В. И., Цирина М. А.* Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. В. И. Лафитский. М., 2013.

⁴ Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 88-ФЗ «О ратификации Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма»; Федеральный закон от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее»; Федеральный закон от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 28 июня 2015 г.).

⁵ *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. М.: Наука. 1994. Т. 1. С. 143—144.

возможности применения в подобных ситуациях санкций, предусмотренных уголовным законодательством. В качестве дополнительного довода использовалось предположение о невозможности появления корпорации в уголовном процессе⁶. Рассуждая о природе юридического лица, еще Папа Иннокентий IV в 1245 г. писал, что корпорация существует лишь как отвлеченное понятие, она не обладает волей, поэтому не может ни совершать преступления, ни быть отлученной от церкви⁷. С тех пор теория фикции (олицетворения, персонификации) господствует как в философии, так и в юриспруденции⁸.

Будучи противником привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, виднейший российский ученый профессор Н. С. Таганцев приводил на этот счет следующие аргументы:

- 1) безнаказанность юридического лица как идеальной личности не освобождает от ответственности его представителей или членов, которые непосредственно выполнили преступное деяние;
- 2) уголовная безответственность юридических лиц не исключает их ответственности гражданской, в частности обязанности возмещения (возмещения) за вред и убытки;
- 3) признание ненаказуемости юридических лиц не противоречит наложению взысканий, ограничений их деятельности или даже прекращению их деятельности⁹.

Доводы ученого актуальны и сегодня. Кроме того, в российском законодательстве есть нормативные правовые акты, предусматрива-

ющие санкции в отношении юридических лиц за деяния, имеющие уголовно-правовую природу, и эти санкции носят ярко выраженный карательный характер¹⁰. Полагаю, однако, что последнее обстоятельство свидетельствует скорее в пользу необходимости закрепления в нормах национального уголовного права уголовно-правовых мер, подлежащих применению в отношении юридических лиц. В частности, согласно Федеральному закону «О противодействии терроризму» террористическая организация при наличии организационно-правовой формы подлежит ликвидации, а ее имущество — конфискации¹¹.

Сторонники уголовной ответственности юридических лиц предлагают пересмотреть психологическое понимание вины, которое «трансформируется под влиянием различных отраслей права, специфики субъектов, к которым эта категория применяется»¹², сформулировав это понятие для юридических лиц непосредственно и уточнив при этом содержание иных институтов уголовного права¹³.

Б. В. Волженкин, разделяя понятия «субъект преступления» и «субъект уголовной ответственности», справедливо полагал, что совершить преступление может только физическое лицо, а бремя уголовной ответственности может быть возложено не только на физическое, но и при определенных условиях на юридическое лицо¹⁴. В частности, уголовная ответственность юридического лица может наступить, если наказуемое деяние было санкционировано или совершено с ведома юридического лица (его органа) либо в его пользу или его интересах¹⁵.

⁶ Подробнее об этом см.: Уголовно-правовое воздействие : монография / Г. А. Есаков, Т. Г. Понятовская, А. И. Рарог [и др.] ; под ред. А. И. Рарога. М., 2012.

⁷ См.: Бородин В. В., Хохлов Е. Б. Понятие юридического лица: история и современная трактовка // Государство и право. 1993. № 9. С. 153 ; Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2000. С. 54 ; Козлова Н. В. Сущность юридического лица // Проблемы развития частного права. М., 2011. С. 200.

⁸ См. подробно: Козлова Н. В. Указ. соч. С. 202—207.

⁹ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 143—144.

¹⁰ См., например: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О противодействии терроризму» ; Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О противодействии экстремистской деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16 июля 2015).

¹¹ Ст. 24 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

¹² Сиотковский И. В. Уголовная ответственность юридических лиц : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 26.

¹³ См.: Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 78—80.

¹⁴ Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998. С. 25—26.

¹⁵ Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. СПб., 2002. С. 109.

Полагаю, что такой вид ответственности вполне оправдан и особенно актуален для преступных посягательств в сфере предпринимательской, налоговой, банковской, экологической деятельности.

Необходимость введения института уголовной ответственности юридических лиц в России диктуется не только и не столько мировыми стандартами противодействия преступности юридических лиц¹⁶, тем более что научная общественность и правоприменитель все чаще критикуют конституционный принцип приоритета международного права над национальным¹⁷. Здесь следует учитывать возможность процессуальной экономии, а также эффективного сбора доказательств вины юридического и физического лица одновременно в рамках уголовного судопроизводства; возможность осуществления оперативно-розыскных мероприятий, а также реализации уголовно-правовых, уголовно-процессуальных мер в отношении юридических лиц в рамках международного сотрудничества¹⁸.

Предметом широкой дискуссии в научном сообществе в последнее время являлся проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц», предложенный к обсуждению Следственным комитетом Российской Федерации (далее — СК России) в 2011 году¹⁹.

Суть дискуссии заключалась преимущественно в необходимости преодоления традиционного понимания личной виновной ответственности субъекта преступления — юридического лица как организации. Однако, в отличие от ранее сложившихся в теории уголовного права подходов к уголовной ответ-

ственности юридических лиц, авторы проекта предлагали ввести в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство институт причастности юридического лица к совершению преступления, следуя предложенной Б. В. Волженкиным концепции.

Так, юридическое лицо предлагалось считать причастным к преступлению в случае «совершения преступления в интересах юридического лица лицом, выполняющим в нем управленческие функции либо осуществляющим в нем фактическое руководство» или «использования юридического лица в целях совершения, сокрытия преступления или последствий преступления лицом, выполняющим в нем управленческие функции либо осуществляющим в нем фактическое руководство, в том числе финансирование преступления с использованием денежных средств или расчетных счетов юридического лица, заключение сделок от имени юридического лица для облегчения совершения или сокрытия преступления или имущества, полученного в результате совершения преступления» (п. «а», «б» ч. 2 ст. 104.4 проекта изменений УК РФ 2011 г.).

Таким образом, предлагалось не подводить юридическое лицо под общее понятие состава преступления, а сформулировать самостоятельный состав преступления исключительно для лиц юридических, определив его место в Общей части УК РФ²⁰.

При этом в предложенной ст. 446.5 проекта изменений УПК РФ предписывалась возможность и необходимость предъявления юридическому лицу обвинения в причастности к преступлению. Однако понятие вины юридического лица в законопроекте отсутствовало, тогда как «наличие вины — общий и общепризнанный принцип юридической ответвен-

¹⁶ Отмечалось в пояснительной записке к законопроекту 2011 года.

¹⁷ Глава СК предложил исключить из Конституции принцип приоритета международного права // Взгляд. Деловая газета. 2015. 26 февраля. URL: <http://vs.ru/news/2015/2/26/731628.html> (дата обращения: 27 февраля 2015 г.).

¹⁸ См. подробнее: Федоров А. В. Об уголовной ответственности юридических лиц за наркопреступления: зарубежный опыт и российские перспективы // Антинаркотическая безопасность. 2015. № 1 (4). С. 5—14.

¹⁹ См.: Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=1273> (дата обращения: 20 февраля 2014 г.).

²⁰ См. подробнее: Розовская Т. И. К вопросу об обвинении юридического лица в причастности к совершению преступления // Уголовный процесс: от прошлого к будущему : материалы междунар. науч.-практ. конференции (Москва, 21 марта 2014 года) : в 2 ч. М., 2014. Ч. 2. С. 224—228.

ности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. закреплено непосредственно»²¹.

Используя нестандартный, принципиально новый подход, авторы проекта отказались от понятия уголовной ответственности юридического лица, применив конструкцию причастности к совершению преступления. Вместе с тем содержащийся в проекте закона институт судимости, представляющий собой составную часть уголовной ответственности, красноречиво свидетельствовал о привлечении юридических лиц именно к таковой.

Таким образом, предложенный СК России проект Федерального закона нуждался в дефиниции вины юридического лица. Кроме этого, представлялось целесообразным сформулировать составы преступлений, суть которых состояла в причастности юридического лица к преступлению, используя существующую законодательную технику (изложив диспозицию и санкцию), закрепив в обязательном порядке перечень преступлений, за причастность к совершению которых юридическому лицу возможно назначение наказания, и определив их место в Особой части уголовного закона²².

Полагаю, что во многом благодаря обсуждениям и дискуссиям по поводу содержащихся в законопроекте конкретных предложений СК России 23 марта 2015 года на законодательном уровне предпринята попытка внедрения в российскую правовую систему института уголовной ответственности организаций: официально зарегистрирован внесенный в Государственную Думу проект федерального закона № 750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц»²³.

Документ содержит много новых интересных положений, учтена конструктивная критика законопроекта СК России 2011 года.

Авторы проекта не ограничились использованием модели «меры уголовно-правового

характера в отношении организаций», предложив ввести корпоративную ответственность в полной мере.

В статье 96.3 проекта изменений УК РФ сформулирована дефиниция вины юридического лица. Как отмечается в пояснительной записке к законопроекту, в определении вины заложены формы, используемые в основных зарубежных доктринах государств, применяющих институт уголовной ответственности организаций:

- 1) концепция вины субъективистского толка (теория отождествления) — вина юридического лица определяется посредством вины физического лица, официально действовавшего от ее имени;
- 2) объективистское направление вины юридического лица (теория вины прошлого поведения) — организация может быть виновна в том, что не обеспечила должный уровень корпоративного контроля за деятельностью членов своих органов управления и контроля и не приняла всех зависящих от нее мер к соблюдению запретов, нарушение которых влечет уголовную ответственность.

Следует отметить, что эти формы отражены и в нормах российского права.

Проект закона предусматривает широкий спектр основных и дополнительных видов наказаний, которые могут быть назначены судом юридическим лицам, признанным виновными в совершении преступлений, в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, тяжести наступившего общественно опасного последствия, степени достаточности мер, принятых организацией для предупреждения и пресечения преступления, нейтрализации его негативных последствий, а также данных, характеризующих саму организацию, в том числе ее предыдущие судимости, благотворительную и иную общественно полезную деятельность.

Совершенно обоснованно к числу субъектов уголовной ответственности — юридических лиц — не отнесены госкорпорации, поскольку их следует считать не самостоятельной

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова» // Российская газета. 2001. 13 фев.

²² См.: Розовская Т. И. Указ. соч. С. 224—228.

²³ См.: Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=750443-6> (дата обращения: 12 июня 2015 г.).

организационно-правовой формой юридического лица, а специальным способом создания государством особых, уникальных по своему правовому статусу субъектов права, предназначенных для решения особо важных государственных задач.

Заслуживает поддержки предложение авторов проекта об обязательности применения наказания к правопреемнику реорганизованного юридического лица (ч. 2 ст. 96.16 проекта изменений УК РФ), а также о недопущении ликвидации, реорганизации юридического лица, которому назначено наказание (ч. 1 ст. 96.16 проекта изменений УК РФ). Подобные положения представляются важными с точки зрения неотвратимости наказания. Однако, не будучи отражены в отраслевом законодательстве, нормы не смогут работать эффективно. К сожалению, законопроект не содержит предложений о внесении изменений в законодательство России о налогах и сборах.

В проекте сформулированы также понятие и сроки погашения судимости в отношении юридических лиц, предлагается введение института соучастия для указанных коллективных образований. Нормы Особенной части УК РФ дополнены санкциями для юридических лиц за преступления, обязанность введения ответственности за которые предусмотрена международными конвенциями и другими международными нормативными правовыми актами, ратифицированными Россией, а также за некоторые деяния, сопутствующие им.

Таким образом, как отмечается в научной литературе, «официальное внесение законопроекта — огромный шаг вперед на пути формирования нового уголовно-правового института, а может быть, даже и новой подотрасли уголовного права, и обсуждение проекта этого нормативного правового акта должно привести к предложениям по его усовершенствованию»²⁴.

Поскольку производство по делам в отношении юридических лиц в законопроекте предлагается относить к подсудственности следователей СК России, Институт повышения квалификации Академии СК России совместно со слушателями курсов повышения квалификации, выполняющими служебные обязанности в следственных органах Северо-Западного и Крымского федеральных округов, в целях выявления проблем, могущих возникнуть в пра-

воприменительной деятельности, проводит предварительный мониторинг применения предлагаемых норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих порядок привлечения к уголовной ответственности вновь вводимого субъекта. Приведу некоторые из них.

Как и ожидалось, наибольшую сложность в силу сложившегося стереотипа субъекта преступления представляет понимание *вины юридического лица*.

По мнению практиков, с точки зрения восприятия и понимания вина юридического лица сформулирована в законопроекте громоздко, что может представлять определенную сложность в доказывании, особенно в отношении ситуаций, предусмотренных п. «г» ч. 1 ст. 96.3 проекта изменений УК РФ:

«г) умышленного совершения наказуемого для юридического лица в соответствии с Особенной частью настоящего Кодекса деяния иными лицами по указанию, с ведома либо одобрения лиц, указанных в пунктах “а”, “б” и “в” части первой настоящей статьи, действовавших заведомо в интересах юридического лица».

Так, необходимо будет установить, что наказуемое для юридического лица деяние (например, предусмотренное ч. 5 ст. 184 УК РФ) совершено лицом, не указанным в п. «а» — «в» ч. 1 ст. 96.3 УК РФ (т.е. не уполномоченным совершать действия (бездействие) от имени юридического лица на основании закона, иного правового акта, устава, договора или доверенности; не занимающим должность в органах управления или контроля юридического лица; не имеющим право давать обязательные для этого юридического лица указания либо иным образом определять его действия (бездействие) или решения в силу прямого или косвенного участия в уставном (складочном) капитале этого юридического лица, закона, иных правовых актов или договора), но по указанию, с ведома либо одобрения указанных в данных пунктах лиц. Кроме этого, потребуются также установить факт того, что указанные лица (в т.ч. непосредственно совершившее деяние лицо) действовали в интересах юридического лица, т.е. с целью приобретения юридическим лицом в результате совершения такого преступления выгод имущественного либо неимущественного характера, в том чис-

²⁴ Федоров А. В. Указ. соч. С. 5—14.

ле получения прибыли (увеличения размера прибыли), во избежание или для уменьшения размера издержек или убытков, уклонения от имущественной или иной предусмотренной законодательством Российской Федерации ответственности, приобретения прав либо освобождения от обязанностей (ч. 2 ст. 96.3).

Полагаю, что отмеченная сложность относится к числу преодолимых. Ведь, несмотря на пояснения авторов законопроекта по поводу внедрения передовых зарубежных доктрин института вины юридических лиц, обе предложенные формы знакомы российскому праву.

В частности, субъективное определение понятия вины (психологической концепции) нашло свое отражение в законодательстве России о налогах и сборах. Согласно ч. 4 ст. 110 НК РФ вина организации в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц либо ее представителей, действия (бездействие) которых обусловили совершение данного налогового правонарушения.

Сущность поведенческой концепции вины (объективистское направление) заключается в наличии у субъекта определенных возможностей для надлежащего исполнения обязанностей и в принятии им всех мер по недопущению нарушения. Эта концепция в полной мере использована законодателем в ст. 2.1 КоАП РФ, определяющей вину юридического лица при совершении административного правонарушения.

В решении от 14 декабря 2000 г. № 244-О Конституционный Суд РФ указал, что вина организации проявляется в виновных действиях физических лиц, действовавших от ее имени²⁵. Учитывая сформировавшуюся по этой проблематике судебную практику, данная концепция вины юридического лица вполне может быть положена в основу установления уголовной ответственности организаций. Поскольку правоспособность юридического лица реализуется органами и конкретными физическими лицами, которые должны действовать в соответствии со своими служебными обязанностями, вина юридического лица в уголовном праве должна определяться с учетом этого обстоятельства.

Таким образом, вину юридического лица как субъекта уголовной ответственности следует определять посредством вины физического лица, осуществляющего в нем управленческие функции (организационно-распорядительные или административно-хозяйственные полномочия), при условии, что у юридического лица имелась реальная возможность соблюдать установленные законодательством Российской Федерации нормы и правила его деятельности. Поскольку вина юридического лица зависит от вины лиц, осуществляющих в нем управленческие функции, противоправные деяния юридическим лицом могут совершаться как умышленно, так и по неосторожности.

При этом также будет реализован и принцип личной ответственности и индивидуализации наказания²⁶, что нашло отражение в ч. 2 ст. 19 проекта изменений УК РФ.

Что касается лиц, указанных в п. «г» ч. 1 ст. 96.3 проекта изменений УК РФ, то здесь необходимо уяснить, что речь идет о согласованности действий физических лиц внутри коллективного субъекта, а это обстоятельство значительно повышает общественную опасность деяния. Установление этой согласованности потребует от следователя более тщательной работы по сбору доказательств.

Ознакомление с законопроектом выявляет и неясности ввиду появления новых дефиниций без раскрытия их содержания.

Так, освобождение от уголовной ответственности физического лица в связи с осуждением юридического лица (ст. 75.1 проекта изменений УК РФ) в качестве одного из условий предполагает установление неполучения конкретным физическим лицом, действовавшим исключительно в интересах юридического лица, прямо или косвенно *имущественной или иной личной выгоды*.

Новая дефиниция всегда вызывает массу вопросов на практике. В действующем уголовном законе понятие «выгода» встречается в пяти нормах: финансовая или иная материальная выгода (ч. 4 ст. 35), выгода имущественного характера (примечание к ст. 141.1), другие выгоды и преимущества (ч. 3 ст. 184), выгоды и имущества для себя и других лиц (ч. 1 ст. 201

²⁵ СЗ РФ. 2001. № 3. Ст. 272.

²⁶ См.: Миненок М. Г. Проблемы борьбы с организованной преступностью // Организованная преступность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы : сборник научных трудов. Калининград, 1999. С. 7.

и ч. 1 ст. 202). Представляется, что во всех нормах имеется в виду материальная выгода (доход, экономия). В обсуждаемом варианте предлагается новое понятие «личная выгода», очевидно не являющееся аналогом выгоды материальной (имущественной).

Каким образом должен поступить правоприменитель при толковании нового признака? Проанализировав, например, нормы гражданского законодательства (в частности, ст. 15, ч. 3 ст. 73, ч. 2 ст. 171, п. 2 ст. 333 ГК РФ), можно сделать вывод о том, что выгода — это доход. В нормах налогового законодательства под выгодой понимается экономия на процентах за пользование кредитными (заемными) средствами (ст. 212 НК РФ), т.е. тоже материальная категория. В толковом словаре «выгода» — финансовая польза, преимущество, личный интерес²⁷. То есть «личная выгода» — понятие, близкое к «личному интересу», но с «материальным оттенком».

Поскольку любое умышленное преступление (а в интересах какого-либо лица может быть совершено только умышленное преступление) совершается из личной заинтересованности, закономерен вопрос, что означает совершение преступления «исключительно в интересах организации»: по мотиву ложно понятых интересов службы, который современная судебная практика не относит к личной заинтересованности?

Также обращают на себя внимание более принципиальные, не решенные в проекте вопросы. Как, например, следует поступить правоприменителю при освобождении от уголовной ответственности физического лица, если у этого лица сохраняется возможность получения выгоды от юридического лица в будущем, скажем до момента применения к нему наказания в виде ликвидации?

Кроме того, неясно, каким должно быть процессуальное основание освобождения от уголовной ответственности физического лица в связи с осуждением лица юридического, ведь соответствующие изменения в УПК РФ не предложены. Кто сможет принимать такое решение: только суд, признав юридическое лицо виновным и постановив приговор, либо сле-

дователь в процессе предварительного следствия, но только после осуждения юридического лица, или же принятие решения возможно после вынесения постановления о привлечении юридического лица к уголовной ответственности? Полагаю, эти вопросы нуждаются в дальнейшей проработке.

Учитывая, что при расследовании уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности следователь чаще сталкивается с организациями, реально предпринимательской деятельности не осуществляющими, безусловный практический интерес вызывает предлагаемое в законопроекте понятие «фиктивное юридическое лицо», к которому предлагается применять меры уголовно-правового характера.

В этой связи интересны формулировки, используемые авторами проекта в ст. 96.18 УК РФ: *организационная самостоятельность юридического лица; иные обязательные признаки юридического лица, предусмотренные гражданским законодательством Российской Федерации*.

Российское гражданское законодательство закрепляет обязательные признаки юридического лица, совокупность которых дает возможность учредителям обладающей такими признаками организации ставить вопрос о признании ее самостоятельным субъектом гражданских правоотношений (п. 1 ст. 48 ГК РФ):

- 1) организационное единство;
- 2) имущественная обособленность;
- 3) самостоятельная имущественная ответственность по своим обязательствам;
- 4) выступление в гражданском обороте и при разрешении споров в судах от собственного имени.

Признак «организационное единство» характеризует всякую организацию как единое целое, способное решать определенные социальные (в данном случае — гражданско-правовые, имущественные) задачи. Такое единство предполагает определенную внутреннюю структуру организации, выражающуюся в наличии у нее органов управления, а при необходимости — и соответствующих подразделений для выполнения установленных для нее задач²⁸.

²⁷ См., например: URL: <http://tolslovar.ru/v7966.html> (дата обращения: 25 июля 2015 г.).

²⁸ См., например: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (постатейный) / Н. А. Агешкина, Н. А. Баринев, Е. А. Бевзюк [и др.] // Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2014.

Предлагаемый в законопроекте термин «организационная самостоятельность» в нормах гражданского законодательства отсутствует. Следует ли отождествлять его с признаком «организационное единство» или это иное понятие?

Как показывает анализ правоприменительной практики, разночтения в терминах, используемых в нормах Особенной части уголовного закона, с понятиями, используемыми в бланкетном законодательстве, приводят к проблемам при квалификации соответствующих деяний.

По-прежнему актуальна проблема соотношения публичных и частных интересов. Ведь принятие решения о деятельности юридического лица не всегда осуществляется органом его управления в полном составе. Решение может быть принято при наличии кворума, определяемого в соответствии с действующим законодательством, однако не всеми участниками. Не все члены органов управления, участвующие в голосовании по поводу принятия решения, могут быть согласны с мнением

большинства, определяющего результат голосования. Кроме этого, как представляется, необходимо учесть возможные негативные последствия, которые могут нести лица, фактически не участвующие в действиях по управлению организацией, приведших к преступлению. Например, на акционеров, не входящих в состав органов управления, может распространиться отрицательное воздействие наказания имущественного характера, назначенное юридическому лицу по приговору суда. Всегда ли в таких случаях следует отдавать предпочтение публичным, а не частным интересам, относя такого рода убытки к последствиям предпринимательского риска?

Очевидно, что проблемные вопросы, которые обнаруживает законопроект № 750443-6, предложенный Государственной Думе к первому чтению, нуждаются в дальнейшей проработке, а вопрос вины юридического лица — в дальнейшем осмыслении. Эволюция внедрения в российскую правовую систему института уголовной ответственности юридических лиц продолжается.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бородин В. В., Хохлов Е. Б.* Понятие юридического лица: история и современная трактовка // Государство и право. — 1993. — № 9. — С. 153.
2. *Волженкин Б. В.* Преступления в сфере экономической деятельности. — СПб., 2002.
3. *Волженкин Б. В.* Уголовная ответственность юридических лиц. — СПб., 1998.
4. *Голованова Н. А., Лафитский В. И., Цирина М. А.* Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. В. И. Лафитский. — М., 2013.
5. *Иоффе О. С.* Избранные труды по гражданскому праву. — М., 2000.
6. *Клепицкий И. А.* Система хозяйственных преступлений. — М., 2005.
7. *Козлова Н. В.* Сущность юридического лица // Проблемы развития частного права. — М., 2011.
8. *Миненок М. Г.* Проблемы борьбы с организованной преступностью // Организованная преступность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы : сборник научных трудов. — Калининград, 1999.
9. *Орлов В. С.* Субъект преступления по советскому уголовному праву. — М., 1958.
10. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая : в 2 т. — Т. 1. — М. : Наука, 1994.
11. *Трайнин А. Н.* Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон. — М., 1969.
12. Уголовно-правовое воздействие / под ред. А. И. Рарога. — М., 2012.
13. *Федоров А. В.* Об уголовной ответственности юридических лиц за наркопреступления: зарубежный опыт и российские перспективы // Антинаркотическая безопасность. — 2015. — № 1 (4).
14. *Федоров А. В.* Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Журнал российского права. — 2015. — № 1.
15. *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. — М., 2003.

Материал поступил в редакцию 27 августа 2015 г.

THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF PENAL ACTIONS FOR LEGAL PERSONS

ROZOVSKAYA Tatiana Igorevna — PhD in Law, Head of the Department of Criminal Law of the 6th Faculty of Continuous Education (located in Saint-Petersburg), the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

rozovskaya@list.ru

199178, Russia, Saint-Peterburg, 11 liniya Vasilievskogo ostrova, 18a

Review. *Years of debate over the need to implement the concept of criminal responsibility of legal persons into the Russian legal system are shifting towards the practical direction. The draft of Federal Law № 750443-6 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the introduction of criminal responsibility of legal persons» introduced to the Russian State Duma on March 23, 2015 is a decisive step towards the formation of a new sub-branch of criminal law in Russia. The document contains a lot of interesting provisions deserving support, and accounts constructive criticism of the draft law of the Russian IC 2011. In particular, the suggest the introduction of corporate responsibility to the full extent. The authors of the draft haven't only used the "measures of criminal law in relation to the organizations" model. The definition of the guilt of a legal person (Article 96.3 of the Criminal Code) contains the forms used in the basic doctrines of foreign countries applying the concept of criminal responsibility of organizations: subjectivist concept of guilt (the theory of identification) and objectivist direction of guilt of a legal person (the theory of guilt of past behavior). The draft law provides for a wide range of basic and additional penalties that may be assigned by the court to legal persons convicted of crimes and the like. Skills Enhancement Institute of the Academy of the Russian Investigative Committee together with the investigating authorities and the Northwest Crimean Federal District hold a preliminary monitoring of the application of the proposed rules of criminal and criminal procedure legislation. The monitoring revealed some problems that may arise in the enforcement activities in criminal prosecution against newly introduced subject. Some of them are offered for discussion in the article. The greatest difficulty, due to the stereotype of a perpetrator, is an understanding of the guilt of a legal person. At the same time, the author proposes to refer to the issue as being able to overcome. Introducing the bill identifies uncertainties due to the emergence of new definitions which, without disclosing their content, can lead to problems with the criminal law assessment of the offense. In addition, many of the issues in the draft legislation remain unresolved: in particular, the procedural aspect of exemption from criminal responsibility of a natural person due to the involvement of a legal person. The author also notes the problem of correlation between public and private interests in the application of sanctions against the property of a legal person found guilty of committing a crime, which is not reflected in the draft legislation.*

Keywords: *criminal responsibility, legal person, unified actor, guilt, bogus organization, Investigative Committee, draft law.*

BIBLIOGRAPHY

1. Borodin V. V., Khokhlov E. B. The concept of a legal person: history and modern interpretation // State and Law. — 1993. — No 9. — 153 p.
2. Volzhenkin B. V. Crimes in the sphere of economic activity — Saint Petersburg, 2002.
3. Volzhenkin B. V. Criminal responsibility of legal persons — Saint Petersburg, 1998.
4. Golonovanova N. A., Lafitskii V. I., Tsyryna M. A. Criminal responsibility of legal persons in international and supranational law (comparative law research) / Lafitskii V. I. (ed.) — Moscow, 2013.
5. Ioffe O. S. Selected works on Civil Law. — Moscow, 2000.
6. Klepitskii I. A. The system of economic crimes. — Moscow, 2005.
7. Kozlova N. V. The essence of a legal person. Problems of the development of private law. -Moscow, 2011.
8. Minenok M. G. Problems of combating organized crime. Organized crime. Criminal legal and criminological problems. — Kaliningrad, 1999.
9. Orlov V. S. The subject of a crime according to the Soviet penal law. — Moscow, 1958.
10. Tagantsev N. S. Russian Criminal Law: Lectures. General Part. — Vol. 1. — Moscow: Science. 1994.
11. Trainin A. N. Selected works. Protection of peace and criminal law. — Moscow, 1969.
12. Criminal law. / Rarog A.I. (ed.). — Moscow, 2012.
13. Fedorov A. V. On criminal responsibility of legal persons for drug-related crimes: foreign experience and Russian prospects. Anti-drug security. — 2015. — No1 (4).
14. Fedorov A. V. Criminal responsibility of legal persons for corruption offences //Zhurnal Rossiiskogo Prava. — 2015. — No 1.
15. Fel'dshtein G. S. Main courses in the history of science of criminal law in Russia. / Tomsinov V.A. (ed.) — Moscow, 2003.

Ю. Б. Самойлова*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

Аннотация. Автор рассматривает уголовно-правовую характеристику незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, совершенной с причинением крупного ущерба (п. «а» ч. 1 ст. 256 УК РФ). В частности, исследуются проблемы отсутствия в законодательстве четких критериев, на основании которых ущерб, причиненный в результате незаконной добычи водных биологических ресурсов, оценивается как крупный. На основе анализа законодательной базы, теории, практики предпринята попытка найти пути разрешения обозначенных проблем.

Автор критически относится к предложениям исследователей, которые решение проблемы определения крупного ущерба применительно к рассматриваемой статье видят в том, чтобы конкретизировать его в примечании к ст. 256 УК РФ посредством определения минимальной суммы его денежного эквивалента (5 000, 10 000, 30 000, 100 000, 250 000 руб. и т.д.), рассчитанного на основании такс, утвержденных Правительством РФ. Сделан вывод о том, что при оценке ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам, следует использовать критерии в количественных показателях, учитывая при этом экологическую обстановку в регионе. Предлагается дополнить ст. 256 УК РФ примечанием о том, что крупный ущерб, причиненный водным биологическим ресурсам, для целей настоящей статьи утверждается постановлением Правительства Российской Федерации. В разрабатываемом для целей ст. 256 УК РФ постановлении Правительства РФ размер ущерба должен устанавливаться отдельно для каждого водного бассейна, с учетом экологической обстановки в различных регионах, и периодически пересматриваться. С целью дифференциации наказания в число квалифицированных составов преступления, предусмотренного ст. 256 УК РФ, необходимо выделить деяние, совершенное с причинением особо крупного ущерба.

Ключевые слова: незаконная добыча, вылов, крупный ущерб, водные биологические ресурсы, Красная книга Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации, квалификация.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.113.4.105-114

Одним из негативных видов воздействия на окружающую природную среду, наносящим урон водным биологическим ресурсам, является их незаконная добыча. Стабильно высокий спрос на водные биоресурсы на внутреннем и внешнем рынках превращает их добычу в одну из криминализованных сфер, приносящих сверхприбыли. К примеру, следственными ор-

ганами Следственного комитета РФ по Камчатскому краю было завершено расследование уголовного дела в отношении капитана малого рыболовного рефрижераторного траулера «ММ-1093», который, используя свое служебное положение и доверие, организовал и лично руководил незаконной добычей с применением самоходного транспортного плавающего

© Самойлова Ю. Б., 2016.

* Самойлова Юлия Борисовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса первого факультета повышения квалификации Института повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации (с дислокацией в г. Ростов-на-Дону)

y.b.samoilova@gmail.com

344064, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Волоколамская, д. 3в

средства, с помощью снюрревода¹ водных биологических ресурсов территориального моря Российской Федерации в виде незаконной добычи из естественной среды обитания 4 750 особей минтая (3 804,5 кг), 5 706 особей камбалы (1 397,5 кг), 14 327 особей трески (34 959,6 кг), 28 особей ленка (24,2 кг). Лишь за один день преступной деятельности был причинен ущерб водным биологическим ресурсам территориального моря Российской Федерации на сумму 1 389 420 руб.²

Многие авторы справедливо отмечают, что браконьерство не столько самостоятельное экологическое преступление или правонарушение, сколько лишь начальная стадия целой серии преступлений, которые связаны с незаконной переработкой и контрабандой, заранее не обещанным приобретением и сбытом имущества, заведомо добытого преступным путем, отмыванием денежных средств, полученных преступным путем, а также укрытием доходов от уплаты налогов, других обязательных платежей и пр.³

Международный фонд защиты животных (IFAW) с 2004 года расследует незаконную онлайн-торговлю дикими животными по всему миру. Фонд 25 ноября 2014 года опубликовал доклад «Требуется живыми или мертвыми: правда о торговле животными онлайн»⁴. В нем содержится информация о международном исследовании продаж и покупок более 33 тыс. занесенных в Красную книгу и другие национальные и международные списки исчезающих видов диких животных, частей их тел и изготовленных из них товаров, выставлен-

ных на продажу в 280 интернет-магазинах 16 стран, денежный эквивалент которых составил 10 708 137 долл. США. Согласно результатам расследования среди животных, выставленных на продажу, имелись и рыбы. Нелегальный рынок торговли дикими животными и их дериватами стимулирует браконьерство.

Большое значение в области правовой охраны водных биологических ресурсов имеют уголовно-правовые меры. Уголовная ответственность наряду с другими средствами воздействия на правонарушителей, посягающих на установление природоохранного законодательства, представляет собой один из наиболее действенных рычагов защиты интересов человека, общества и государства в сфере обеспечения экологической безопасности и охраны окружающей среды⁵.

В УК РФ содержится статья 256, предусматривающая ответственность за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов. Несмотря на то что проблемы уголовно-правовой охраны водных животных и растений ранее рассматривались в отдельных научных публикациях, эта тема требует дополнительного всестороннего изучения. В настоящей статье предпринята попытка детального анализа состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 1 названной нормы, оговаривающего уголовную ответственность за совершение деяния с причинением крупного ущерба. Проведенное автором исследование доктринальных позиций, нормативных правовых актов и судебной практики позволило выявить основные подходы к определению крупного ущерба, выработать

¹ Снюрревод (драга) — донное отцеживающее орудие лова, не перекрывающее толщу воды, представляющее собой сетное полотно, сверху и снизу прикрепленное к канатам (подборам); верхняя подбора оснащена плавом, а нижняя — загрузкой; состоит из двух равных по длине крыльев, приводов и вшитой между ними мотни и канатов (урезов), превышающих по длине крылья; урезы, двигаясь по дну, в процессе тяги концентрируют рыбу и направляют ее в сетную часть, после чего сетная часть выбирается на борт судна или на берег (см.: приказ Росрыболовства от 1 декабря 2009 г. № 1094 «О мерах по выполнению решений XXI сессии Российско-Украинской Комиссии по вопросам рыболовства в Азовском море» // СПС «КонсультантПлюс»).

² См.: Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <http://sledcom.ru/news/item/515376> (дата обращения: 12.05.2015).

³ *Кобец П. Н.* О необходимости совершенствования законодательства Российской Федерации за преступления, совершаемые в сфере водных биоресурсов // Российский следователь. 2011. № 24. С. 23—25; *Дьяконова Л. В.* Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов // Законность. 2011. № 12. С. 36—37.

⁴ URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=138026&print=Y> (дата обращения: 01.03.2015).

⁵ См.: *Дагель П. С., Бушуева Т. А.* Пенализация преступных посягательств на окружающую природную среду // Правоведение. 1981. № 6. С. 49—55.

предложения по упорядочению практики применения уголовно-правовой нормы.

Необходимо констатировать, что в уголовном законе не содержится понятия «крупный ущерб», а в теории уголовного права по вопросу определения крупного ущерба всегда существовали разные точки зрения. Так, по мнению Ю. С. Богомякова, при определении крупного ущерба необходимо «исходить прежде всего из стоимостной оценки незаконно добытого по таксам ущерба, а также учитывать потенциальный ущерб, например гибель мальков, уничтожение кормовых полей и т.д.»⁶. Б. Н. Звонков между тем писал, что решающая роль должна принадлежать не количественным оценкам на момент лова (число, вес, размер, стоимость и т.п.), а перспективам биологической оценки нынешнего состояния и будущих запасов данного вида или данных видов, предлагая понимать под крупным ущербом «подрыв либо возможность подрыва биологического потенциала данного вида, в данном месте и в данное время»⁷.

Отсутствие законодательного определения понятия «крупный ущерб» сказалось на судебной практике, которая в этом отношении характеризуется противоречивостью и неоднозначностью. В справке Сахалинского областного суда сказано, что у судей возникают вопросы, каким образом определять, был ли выловом водных биоресурсов причинен крупный ущерб⁸.

В связи с изложенным важное значение для формулирования понятия «крупный ущерб» имеет установление критериев, на основании которых ущерб, причиненный водным биологическим ресурсам, оценивался бы как круп-

ный. С этой целью необходимо проанализировать научные подходы, нормативно-правовую базу и судебную практику по данной проблематике.

Анализ юридической литературы показывает, что многими учеными предпринимались попытки определения подобных критериев. Так, авторы учебного пособия под редакцией Л. А. Бочина, О. Л. Дубовик полагают, что причинение крупного ущерба выражается в добыче редких и исчезающих видов; тех, которые охраняются международными соглашениями; видов, ценных в хозяйственном отношении; уничтожении молоди, мест нереста. Кроме этого, крупный ущерб может определяться значительным объемом незаконно добытых биоресурсов либо в связи с отстрелом или иной добычей морских млекопитающих, а также исходя из экологической и экономической ценности водных биоресурсов⁹. С. Е. Каленова предлагает учитывать возраст и пол выловленного экземпляра водного биоресурса¹⁰, а А. И. Исаев — влияние, которое оказывает незаконный промысел на состояние рыбных запасов на определенном участке водоема¹¹. Л. В. Дьяконова пишет, что количественный показатель является определяющим для наличия состава рассматриваемого преступления, и полагает, что этот критерий должен быть установлен законодателем в денежном эквиваленте¹². Высказывались предложения закрепить в законе указание на то, что ущерб является крупным, если превышает 2 500 руб. (Б. Б. Джамалова), 5 000 руб. (А. Бессонов), 10 000 руб. (Ю. С. Гончарова), 30 000 руб. (Е. М. Снытко), 100 000 руб. (Ю. В. Надточий), 250 000 руб. (О. М. Неудахина).

⁶ Богомяков Ю. С. Уголовно-правовая охрана природных богатств в СССР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972. С. 12.

⁷ Звонков Б. Н. Уголовно-правовая борьба с браконьерством в СССР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1968. С. 14.

⁸ Справка Сахалинского областного суда «О результатах обобщения судебной практики рассмотрения в 2009 году уголовных дел по обвинению лиц в совершении преступлений, предусмотренных статьями 253 и 256 УК РФ» // URL: http://obsud.sah.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=117&cl=1 (дата обращения: 12.05.2015).

⁹ Бочин Л. А., Бринчук М. М., Дубовик О. Л. [и др.]. Экологическое право : практическое пособие для сотрудников экологической милиции. М. : Юрист, 2003. С. 234.

¹⁰ Каленов С. Е. Уголовно-правовая охрана водных биологических ресурсов: по материалам Дальневосточного федерального округа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003. С. 127.

¹¹ Исаева А. И. Незаконная добыча рыбы на акватории дагестанского побережья Каспийского моря (уголовно-правовой и криминологический анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2002. С. 27.

¹² Дьяконова Л. В. Указ. соч. С. 36—37.

Представляется, что для правильного определения крупного ущерба необходимо выяснить сущность вреда, причиняемого в результате незаконной добычи (вылова) водных биоресурсов. Распространенным является мнение о причинении рассматриваемым преступлением вреда в двух видах: экологическом и экономическом. При этом первый заключается в причинении реального ущерба федеральным рыбным, водным животным и растительным запасам, исчисляемого в соответствующих денежных суммах, а второй — в причинении ущерба экологии¹³.

Вместе с этим природная система шире экономической, она сама по себе имеет ценность, которая не ограничивается ее денежными оценками¹⁴. В этой связи нельзя не согласиться с точкой зрения И. В. Лавыгиной, согласно которой экологические преступления причиняют вред прежде всего природной среде. Это является главным, доминирующим последствием, в то время как нарушение экономических интересов — второстепенное последствие, простирающееся из причинения вреда природной среде. Соответственно, в этой ситуации говорить о формах последствий необоснованно, так как экологические преступления влекут за собой последствие в виде причинения вреда природной среде в целом и отдельным ее компонентам¹⁵.

Предложение о закреплении в УК РФ конкретно определенного в денежном выражении ущерба учитывает в первую очередь экономическую ценность водных биологических ресурсов и в меньшей мере — экологическую, а следовательно, не может быть взято за ос-

нову при определении ущерба, причиненного преступлением, посягающим на экологическую безопасность.

Судебная практика по делам о незаконной добыче водных биологических ресурсов демонстрирует неоднозначное отношение правоприменителей к уголовно-правовой оценке крупного ущерба. Как показывает изучение уголовных дел, причиненный экологический вред, как правило, не учитывается ни на стадии расследования, ни в суде. Правоприменители исходят в основном из стоимостного, реже количественного критериев. Анализ приговоров Ростовской области по делам, рассмотренным по п. «а» ч. 1 ст. 256 УК РФ, показал, что в большинстве случаев данный признак вменялся при ущербе, превышающем 5 000 руб. Однако установлено, что были случаи, когда лица осуждались по данному квалифицирующему признаку при сумме ущерба менее 5 000 руб.¹⁶ На Камчатке суды по ст. 256 УК РФ крупным признавали ущерб, причиненный водным биологическим ресурсам на сумму от 99 640 руб.¹⁷ Суды Московской области к крупному ущербу относят добычу рыб, не занесенных в Красную книгу России и Красную книгу Московской области, общим весом в 3 и более раз превышающим норму вылова разрешенного правилами рыболовства, а также вылов 3 и более экземпляров рыб, занесенных в названные Красные книги¹⁸.

Определенное значение в формировании практики имеют руководящие разъяснения высшего судебного органа по уголовным делам. Пленум Верховного Суда РФ в своих постановлениях (от 5 ноября 1998 г. № 14 и

¹³ См.: *Петров В. В.* Экологические преступления: понятие и составы // Государство и право. 1993. № 8. С. 92; *Максимов А. М.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с незаконной добычей водных животных и растений : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 17.

¹⁴ См.: *Рюмина Е. В.* Отношение экономики к проблеме сохранения биоразнообразия // Экономика природопользования. 2009. № 1. С. 7.

¹⁵ См.: *Лавыгина И. В.* Экологические преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. С. 88.

¹⁶ Изучено более 100 судебных актов по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 256 УК РФ (с квалификацией по признаку «крупный ущерб»), рассмотренных судами в 2007—2015 годах.

¹⁷ Обзор Камчатского краевого суда по итогам изучения практики рассмотрения судами в 2007 году уголовных дел об экологических преступлениях, предусмотренных статьями 246—262 УК РФ // URL: http://oblsud.kam.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=2138 (дата обращения: 12.05.2015).

¹⁸ Справка Московского областного суда по результатам изучения судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных частью 2 статьи 253 УК РФ и статьей 256 УК РФ, рассмотренных судами в 2009 году // URL: http://www.mosoblsud.ru/ss_detale.php?id=141915 (дата обращения: 12.05.2015).

23 ноября 2010 г. № 26) рекомендовал, решая вопрос о том, является ли причиненный ущерб крупным, учитывать количество добытых, поврежденных или уничтоженных животных, их распространенность, а также отнесение к специальным категориям. В более позднем постановлении предлагается учитывать стоимость добытого, а также нанесенный добычей ущерб водным биологическим ресурсам, в отличие от предыдущего постановления, ограничившегося лишь указанием на иные обстоятельства содеянного¹⁹.

Представляется целесообразным уделить некоторое внимание специальным категориям водных биоресурсов, о которых идет речь в названных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. В нормативных актах различают ценные, особо ценные, редкие и находящиеся под угрозой исчезновения водные биологические ресурсы. Так, статья 2 Федерального закона от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (ред. от 2 мая 2015 г.) (далее — Закон о рыболовстве), закрепляя принципы законодательства о рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов, установила приоритет сохранения особо ценных и ценных их видов. В соответствии же со статьей 24 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 12 марта 2014 г.) редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного мира заносятся в Красную книгу Российской Федерации и (или) Красные книги субъектов Российской Федерации. Красная книга Российской Федерации ведется на основе систематически обновляемых данных²⁰.

Красные книги ведутся с целью инвентаризации, а также учета редких и находящихся под угрозой исчезновения видов как в масштабе страны, так и в отдельных ее регионах. В этом официальном документе содержатся не только сведения об указанных объектах животного и растительного мира, но и меры по их охране и восстановлению. Практически на всей территории России в настоящее время проводится работа по ведению региональных Красных книг²¹. Ростовская область не является исключением, Правительством Ростовской области соответствующим постановлением утверждено Положение о порядке ведения Красной Книги Ростовской области²².

Сохранение генофонда водных биологических ресурсов, прежде всего ценных и особо ценных видов, находящихся под угрозой исчезновения, — одна из главных задач охраны окружающей среды. Существенной угрозой биоразнообразию является незаконный промысел таких объектов животного и растительного мира. Закономерной реакцией государства на происходящее стало дополнение Уголовного кодекса РФ²³ статьей 258.1, которая устанавливает ответственность в том числе за незаконную добычу, содержание, приобретение, хранение, перевозку, пересылку и продажу особо ценных водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, их частей и производных. В связи с введением в уголовный закон новой нормы актуален вопрос о разграничении преступлений, предусмотренных статьями 256 и 258.1 УК РФ.

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения». П. 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. 1999 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (статьи 253, 256 УК РФ)» (ред. от 26 мая 2015 г.). П. 4 // Российская газета. 2010. 1 декабря. № 271.

²⁰ Постановление Правительства РФ от 19 февраля 1996 г. № 158 «О Красной книге Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 9. Ст. 808.

²¹ См.: Государственный доклад Минприроды России «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2013 году» // URL: <http://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/6c7/gosdokladeco.pdf> (дата обращения: 13.05.2015).

²² Постановление Правительства Ростовской области от 1 декабря 2011 г. № 193 «Об утверждении Положения о порядке ведения Красной книги Ростовской области» // СПС «КонсультантПлюс».

²³ Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 150-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 5 июля.

Правовое регулирование добычи особо ценных видов водных биоресурсов осуществляется в соответствии с Законом о рыболовстве, статья 15 которого предусматривает, что перечень ценных и особо ценных видов утверждается федеральным органом исполнительной власти в области рыболовства, а статья 27 закрепила положение о том, что в целях сохранения занесенных в Красную книгу РФ и (или) Красную книгу субъекта РФ редких и находящихся под угрозой исчезновения видов водных биоресурсов их добыча (вылов) запрещена и лишь в исключительных случаях допускается в порядке, предусмотренном Правительством РФ.

В свою очередь, в постановлении Правительства РФ от 24 декабря 2008 г. № 1017 указано, что добыча таких водных биоресурсов осуществляется на основании разрешений. Эти разрешения выдаются Федеральной службой по надзору в сфере природопользования в порядке, который определяется Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации²⁴, а в приказе Росрыболовства от 16 марта 2009 г. № 191 содержится перечень особо ценных видов водных биоресурсов, которые отнесены к объектам рыболовства²⁵.

Незаконная добыча особо ценных видов водных биоресурсов, которые в настоящее время включены в перечень, утвержденный постановлением Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978, до введения в УК РФ ст. 258.1 квалифицировалась по ст. 256 УК РФ, при этом сам факт вылова данных видов, независимо от количества добытого, зачастую признавался влекущим причинение крупного ущерба.

Например, с учетом сложившейся правоприменительной практики Ростовская областная прокуратура полагала необходимым считать ущерб крупным независимо от количества

добытого в случае вылова биоресурсов, занесенных в Красную книгу РФ, а также осетровых всех пород²⁶.

По мнению Президиума суда Ямало-Ненецкого автономного округа, незаконная добыча даже одной особи сибирского осетра в акватории Тазовской губы причиняет крупный ущерб рассматриваемым биоресурсам. Суд апелляционной инстанции при этом, отменяя оправдательный приговор мирового судьи, исходил из того, что экологическая значимость состоит в первую очередь в изъятии из водной среды исчезающих видов рыб, влекущем дальнейшее снижение их популяции, которое может привести к их полному исчезновению²⁷.

Если преступные действия были направлены на добычу (вылов) биоресурсов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации и (или) Сахалинской области, то судьи Охинского городского суда и мировые судьи этого района Сахалинской области учитывали причиненный экологический вред, признавая его крупным ущербом. Так, Охинский городской суд признал виновными П. и Т. по 10 эпизодам преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 256 УК РФ, т.е. в незаконной добыче рыбы осетровых пород — калуги, с причинением крупного ущерба (в связи с тем, что калуга занесена в Красные книги Российской Федерации и Сахалинской области), с применением самоходного транспортного плавающего средства — лодки «Ока» с навесным лодочным мотором «Вихрь-20», группой лиц по предварительному сговору²⁸.

Между тем правоприменителями действия виновных лиц, незаконно добывающих водные биоресурсы, занесенные в Красную книгу либо охраняемые международными соглашениями, зачастую необоснованно не расценивались

²⁴ Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2008 г. № 1017 «О добыче (вылове) редких и находящихся под угрозой исчезновения видов водных биологических ресурсов» (вместе с «Правилами добычи (вылова) редких и находящихся под угрозой исчезновения видов водных биологических ресурсов») // СЗ РФ. 2009. № 2. Ст. 223.

²⁵ Приказ Росрыболовства от 16 марта 2009 г. № 191 «Об утверждении Перечня особо ценных и ценных видов водных биоресурсов, отнесенных к объектам рыболовства» // Российская газета. 2009. 14 апреля.

²⁶ См.: Методические рекомендации о практике возбуждения и расследования уголовных дел о незаконной добыче водных животных // URL: <http://prokuror.rostov.ru> (дата обращения: 06.06.2014).

²⁷ См.: Обзор кассационной практики суда Ямало-Ненецкого автономного округа по уголовным делам за второе полугодие 2009 года // URL: <http://oblsud.ynao.sudrf.ru> (дата обращения: 06.06.2014).

²⁸ Справка Сахалинского областного суда о результатах проведенного обобщения судебной практики рассмотрения в 2009 году уголовных дел по обвинению лиц в совершении преступлений, предусмотренных статьями 253 и 256 УК РФ // URL: <http://oblsud.sah.sudrf.ru> (дата обращения 17.06.14).

как преступные. Примером может служить судебное решение Президиума Сахалинского областного суда, согласно которому вылов одной особи рыбы, хотя и занесенной в Красные книги Российской Федерации и Сахалинской области, не может быть признан причинившим крупный ущерб. В данном случае речь шла о сахалинском таймене, отнесенном 31 октября 2013 года Правительством РФ к видам, за незаконную добычу которых предусмотрена ответственность по ст. 258.1 УК РФ²⁹.

В связи с изменением законодательства, направленным на более эффективную защиту ресурсов, находящихся под угрозой исчезновения и потому особо охраняемых, Пленум Верховного Суда РФ принял постановление от 26 мая 2015 г. № 19³⁰, в котором рекомендует при отнесении ущерба к крупному (п. «а» ч. 1 ст. 256 УК РФ) исключать биоресурсы, внесенные в перечень, утвержденный постановлением Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978 для целей статей 226.1 и 258.1 УК РФ.

Таким образом, тот факт, что те или иные водные биоресурсы занесены в Красную книгу Российской Федерации либо охраняются международными договорами, не является определяющим для отнесения ущерба к крупному, предусмотренному п. «а» ч. 1 ст. 256 УК РФ, так как в определенных случаях действия лиц, добывших такие биологические ресурсы, квалифицируются по ст. 258.1 УК РФ.

Рассматривая вопросы, связанные с определением крупного ущерба, необходимо остановиться на критериях оценки, применяемых в нормативных актах органов исполнительной власти. Изучение уголовных дел наглядно свидетельствует о том, что при исчислении

крупного ущерба используются таксы, утвержденные постановлением Правительства РФ от 25 мая 1994 г. № 515³¹, а также таксы, утверждаемые органами исполнительной власти субъектов РФ в соответствии с п. 2 указанного постановления. Вместе с этим таксовый способ применим для исчисления «размера взыскания за ущерб», а не для определения самого причиненного ущерба, что прямо указано в п. 1 постановления от 25 мая 1994 г. № 515.

Правительство РФ устанавливает размер причиненного водным биологическим ресурсам ущерба, который необходимо считать крупным, и порядок его определения. Такое положение закреплено в ч. 2 ст. 53 Закона о рыболовстве. В настоящее время действует постановление Правительства РФ от 18 августа 2008 г. № 625³², в котором ущерб определяется в весовом и поэкземплярном показателях. В денежном эквиваленте исчисляется размер возмещения, а сам ущерб исчисляется в тоннах и экземплярах.

Названное постановление Правительства РФ требует детального изучения, поскольку существует мнение (как среди ученых, так и среди практических работников), что оно должно быть взято за основу при отнесении к крупному ущербу, причиненного водным биологическим ресурсам в результате совершения преступления. Так, в обобщении судебной практики Суда Ямало-Ненецкого автономного округа по рассмотрению уголовных дел, предусмотренных ст. 256 УК РФ³³, сказано, что крупные размеры для промышленного рыболовства определены в постановлении Правительства РФ № 625. Авторы комментария к Уголовному кодексу РФ под редакцией

²⁹ Постановление Президиума Сахалинского областного суда от 22 июля 2011 г. № 44у-69/11 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 мая 2015 г. № 19 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 29 мая. № 115.

³¹ Постановление Правительства РФ от 25 мая 1994 г. № 515 (ред. от 10.03.2009) «Об утверждении такс для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный уничтожением, незаконным выловом или добычей водных биологических ресурсов» // СПС «КонсультантПлюс».

³² Постановление Правительства РФ от 18 августа 2008 г. № 625 «Об установлении размера ущерба, который причинен водным биологическим ресурсам и который следует считать крупным» // Российская газета. 2008. 26 августа. № 179.

³³ Справка Суда Ямало-Ненецкого автономного округа «О результатах обобщения судебной практики по рассмотрению уголовных дел о незаконной добыче (вылове) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ)» // URL: http://oblsud.ynao.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=48&cl=1 (дата обращения: 13.05.2015).

Г. А. Есакова полагают, что рассматриваемое преступление (п. «а» ч. 1 ст. 256 УК РФ) будет окончено с момента причинения крупного ущерба, устанавливаемого в соответствии с названным постановлением Правительства РФ³⁴, причем независимо от вида рыболовства.

С такой точкой зрения нельзя согласиться, поскольку указанное постановление было принято не для целей ст. 256 УК РФ, а для реализации Закона о рыболовстве и является основанием для принудительного прекращения права на добычу (вылов) водных биологических ресурсов, отнесенных к объектам рыболовства. Такое прекращение осуществляется в случаях, если лицо, которое имеет право на добычу (вылов) водных биоресурсов, отнесенных к объектам рыболовства, в течение календарного года два раза или более нарушило правила рыболовства, в результате чего был причинен крупный ущерб водным биоресурсам³⁵. Согласно постановлению Правительства РФ от 18 августа 2008 г. № 625 ущерб определяется как разница между объемом фактически добытых (выловленных) водных биоресурсов и квотой добычи (вылова) водных биоресурсов, указанной в разрешении на их добычу (вылов), выданном индивидуальному предпринимателю или юридическому лицу, а потому «постановление определяет порядок определения крупного ущерба, указанный в нем, не ко всем лицам, а только к тем, которые занимаются промышленным или иными видами лова, не относящимися к любительскому или спортивному»³⁶. Следовательно, данное постановление неприменимо при разрешении вопроса о наличии либо отсутствии в действиях лица криминообразующего признака «с причинением крупного ущерба».

Вместе с этим необходимо отметить, что размеры ущерба в названном постановлении

Правительства РФ утверждаются для каждого водного бассейна отдельно. Данное положение отражает необходимость определения ущерба исходя из местных условий. В регионах Российской Федерации в силу их географической удаленности друг от друга экологическая ценность того или иного вида биоресурсов может быть различна. Так, по данным Минприроды РФ, в 2006 году отмечалось снижение уловов в Обь-Иртышском бассейне, в озере Байкал, Ладожском озере, в Цимлянском водохранилище. Кроме того, в этот период стабильно снижались запасы наиболее ценных видов рыб, таких как осетровые и лососевые. В Онежском озере, напротив, численность популяции озерного лосося возросла настолько, что этот вид был выведен из Красной книги Российской Федерации³⁷. Промысловый запас камчатского краба в Баренцевом море в 2013 году заметно увеличился в сравнении с предыдущим годом. Однако исследования 2013 года показали снижение запасов камчатского краба в Охотском море. Некогда многочисленные популяции камчатского краба у Курильских островов, Сахалина и Восточной Камчатки продолжают пребывать в депрессивном состоянии³⁸. Кроме этого, в одном и том же регионе со временем экологическая обстановка изменяется.

На основании изложенного при определении ущерба, причиненного в результате незаконной добычи водных биологических ресурсов, необходимо исходить не из стоимостной оценки водных биоресурсов, а из количества незаконного добытого, с учетом экологической обстановки в конкретном регионе в определенный период времени. Представляется целесообразным разработать и принять постановление Правительства РФ об утверждении ущерба, который необходимо считать крупным, для целей статьи 256 УК РФ.

³⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Ю. В. Грачева, Г. А. Есаков, А. К. Князькина [и др.] ; под ред. Г. А. Есакова. 4-е изд. М. : Проспект, 2012. 544 с.

³⁵ Ст. 13 Закона о рыболовстве.

³⁶ Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование : науч.-практ. пособие / Ю. И. Антонов, В. Б. Боровиков, А. В. Галахова [и др.] ; под ред. А. В. Галаховой. М. : Норма, 2014. 736 с.

³⁷ См.: Государственный доклад Минприроды России «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2006 году» // URL: <http://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/6c7> (дата обращения: 16.05.2015).

³⁸ См.: Государственный доклад Минприроды России «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2013 году» // URL: <http://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/6c7/gosdokladeco.pdf> (дата обращения: 13.05.2015).

Рассматривая практику применения ст. 256 УК РФ, необходимо отметить, что по признаку крупного ущерба квалифицировались деяния, в результате которых ущерб водным биоресурсам был причинен на сумму и до 1 000 руб., и свыше 100 000 руб., и более. Отмеченное обстоятельство обуславливает необходимость дифференциации ответственности в зависимости от размера причиненного ущерба. В связи с чем целесообразно в ст. 256 УК РФ установить повышенную ответственность за причинение водным биологическим ресурсам особо крупного ущерба.

Подводя итог, следует заметить, что единого подхода к отнесению ущерба, причиненного в результате незаконной добычи водных биологических ресурсов, к крупному не наблюдается ни в научных работах, ни в судебной практике. Отсутствие законодательно установленных точных критериев определения крупного ущерба приводит к сложностям в квалификации деяния по п. «а» ч. 1 ст. 256 УК РФ, а потому необходимо установить в примечании к ст. 256 УК РФ, что крупный ущерб, причиненный водным биологическим ресурсам, для целей настоящей статьи утверждается постановлением Правительства РФ.

Важно указать, что предложения о законодательном закреплении конкретных пределов крупного ущерба в стоимостном исчислении учитывают в первую очередь вред в экономическом выражении. Браконьерство же влечет за собой последствие в виде причинения вреда водным биологическим ресурсам и природной среде в целом, которое трудно поддается сто-

имостным оценкам, а потому критерии определения причиненного ущерба как крупного не должны быть сформулированы в денежном выражении.

В связи с проблемой определения такого оценочного признака, как «причинение крупного ущерба», представляется необходимым: — в целях обеспечения дифференцированного подхода к уголовной ответственности за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов выделить в отдельный пункт и установить повышенную ответственность за причинение ущерба в особо крупном размере;

— для единообразного применения ст. 256 УК РФ и правильной квалификации законодательно закрепить в примечании к указанной статье, что крупный и особо крупный ущербы, причиненные водным биологическим ресурсам, утверждаются Правительством РФ; — данные размеры рассчитывать на основании рекомендаций научных учреждений в области охраны водных биологических ресурсов и устанавливать в количестве экземпляров (млекопитающие, а также водные биологические ресурсы, принадлежащие к видам, занесенным в Красные книги Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, охраняемым международными договорами Российской Федерации, за исключением видов, включенных в перечень, утвержденный для целей ст. 226.1 и 258.1 УК РФ) и килограммах (все остальные биоресурсы) для каждого вида исходя из их экологической ценности в определенном водном бассейне.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: научно-практическое пособие. — М., 2014. — 736 с.
2. Экологическое право : практическое пособие для сотрудников экологической милиции. — М., 2003. — 333 с.
3. Дагель П. С., Бушуева Т. А. Пенализация преступных посягательств на окружающую природную среду // Правоведение. — 1981. — № 6.
4. Дьяконова Л. В. Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов // Законность. — 2011. — № 12.
5. Кобец П. Н. О необходимости совершенствования законодательства Российской Федерации за преступления, совершаемые в сфере водных биоресурсов // Российский следователь. — 2011. — № 24.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. — М., 2012. — 544 с.
7. Петров В. В. Экологические преступления: понятие и составы // Государство и право. — 1993. — № 8.
8. Рюмина Е. В. Отношение экономики к проблеме сохранения биоразнообразия // Экономика природопользования. — 2009. — № 1.

Материал поступил в редакцию 27 августа 2015 г.

Criminal Legal Protection of Aquatic Biological Resources

SAMOILOVA Yulia Borisovna — PhD in Law, Associate Professor at the Department of Criminal Law, 1st Faculty of Continuous Education (Rostov on Don) of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.
y.b.samoilova@gmail.com
344064, Russia, Rostov-on-Don, Volokolamskaya street, 3B.

Review. *The author considers the criminal characteristic of illegal production (fishing) of aquatic biological resource committed with considerable damage (Art. 256 "a", Part 1 of the Criminal Code of the Russian Federation). In particular, the article studies the problem of the legislation gap of clear criteria which consider the damage caused by the illegal production of aquatic biological resources as considerable. On the basis of the analysis of the legislation, theory, and practice, they have made an attempt to find ways to solve the problems identified.*

The author critically regards the proposals of the researchers who suggest specifying the definition of considerable damage (in relation to the article in question) in a footnote to Art. 256 of the Criminal Code by determining the minimum amount of its monetary equivalent (5 000, 10 000, 30 000, 100 000, 250 000, etc.), calculated on the basis of taxes approved by the Government.

It was concluded that, when assessing the damage to aquatic biological resources, it is important to use the criteria in their quantitative terms and to take into account the environmental situation across the region. It is proposed to supplement Art. 256 of the Criminal Code of the Russian Federation with a note that the considerable damage caused to aquatic biological resources, for the purposes of this article, shall be approved by the Russian Federation Government. In the drafted for the purposes of Art. 256 of the Criminal Code of the Russian Federation Government Decree, the amount of damage must be established separately for each river basin, taking into account the environmental conditions in different regions; moreover, it should be reviewed periodically.

In order to differentiate sentences into the number of qualified elements of a crime under Art. 256 of the Criminal Code, it is necessary to single out an act causing especially considerable damage.

Keywords: *illegal production, fishing, considerable damage, aquatic biological resources, the Red Book of the Russian Federation, international treaties of the Russian Federation, qualification.*

BIBLIOGRAPHY

1. Evaluation criteria of the Criminal Code of the Russian Federation: scientific and judicial interpretation: research and practice. — Moscow, 2014. — 736 p.
2. Environmental Law: a practical guide for employees of environmental police. -Moscow, 2003. — 333 p.
3. Dageļ P. S., Bushueva T. A. Penalty criminal encroachments on the environment // Jurisprudence, — 1981. — No 6.
- D'jakonova L. V. Illegal production (fishing) of aquatic biological resources. Legality, -2011. -No 12.
4. Kobets P.N. On the need to improve the legislation of the Russian Federation for the crimes committed in the sphere of living aquatic resources. Russian Investigator. — 2011. — No 24.
5. Commentaries to the Criminal Code of the Russian Federation (paragraph-to-paragraph). G. A. Esakov (ed.). — Moscow, 2012. — 544 p.
6. Petrov V. V. Environmental crimes: the concept and formulations. State and Law, — 1993. — No 8.
7. Ryumina E. V. The relation of the economy to the problem of biodiversity conservation // Environmental Economics. — 2009. — No 1.

А. А. Казаков*

ДИСБАЛАНС В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИММУНИТЕТОВ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье процессуальные иммунитеты в уголовном судопроизводстве рассматриваются как изъятие из конституционного принципа равенства человека и гражданина перед законом и судом. Формулируется положение о допустимости существования таких исключений. Вместе с тем подчеркивается, что законодателю необходимо установить четкие границы действия процессуальных иммунитетов. Их закрепление на нормативном уровне обусловлено необходимостью обеспечения неприкосновенности лиц, выполняющих публично значимые функции. В свою очередь, правовое регулирование рассматриваемых гарантий должно предполагать установление оптимального баланса между различными интересами. В обоснование данной позиции приводится правовая позиция Конституционного Суда РФ. По мнению автора, такой баланс в настоящее время в полной мере не достигается. Причиной тому выступают недостатки в правовом регулировании производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. Значительные трудности для правоприменителя создает закрепление процессуальных иммунитетов в нескольких нормативных актах — как УПК РФ, так и других специальных федеральных законах. Приводятся примеры различного изложения одних и тех же гарантий в этих актах, что не позволяет достичь необходимого уровня правовой определенности в исследуемой сфере отношений.

Автором даются рекомендации по порядку производства процессуальных действий в отношении субъектов, обладающих особым правовым статусом. Однако отмечается, что в целях исключения неоднозначного толкования нормативных предписаний необходимо внести изменения в закон.

Анализ некоторых процессуальных иммунитетов свидетельствует о том, что они могут послужить безусловным препятствием к привлечению виновных лиц к уголовной ответственности. К числу таковых относится необходимость получения предварительного согласия соответствующей палаты Федерального Собрания для производства обыска в жилом помещении депутата Государственной Думы и члена Совета Федерации.

Отдельно отмечается непропорциональное установление привилегий отдельным категориям лиц. Например, излишним объемом гарантий наделены адвокаты. Предлагается рассматривать процессуальные иммунитеты в качестве единой системы.

Дисбаланс в правовом регулировании процессуальных иммунитетов обусловлен и отсутствием четкой регламентации порядка производства процессуальных действий в отношении лиц, утративших особый статус, а также отказавшихся от предоставленных им законом преимуществ. Такие действия должны проводиться в общем порядке.

© Казаков А. А., 2016

* Казаков Александр Алексеевич, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного процесса второго факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Екатеринбург) Института повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации
a.a.kazakov.sp@gmail.com
620142, Россия, г. Екатеринбург, ул. Щорса, д. 18

Ключевые слова: процессуальный иммунитет, особый правовой статус, уголовно-процессуальные гарантии, правовое регулирование, баланс интересов, адвокатская тайна, парламентская неприкосновенность, неприкосновенность судей, обыск, свидетельский иммунитет, отдельные категории лиц.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.113.4.115-123

Современное российское законодательство предусматривает ряд исключений из действия принципа равенства человека и гражданина перед законом и судом. Представляется, что к числу таковых относятся уголовно-процессуальные иммунитеты, рассматриваемые учеными-юристами в качестве особых охранительных механизмов, обеспечивающих высокий уровень состояния защищенности и свободы личности, обладающей специальным статусом¹. Содержание этих привилегий заключается в усложнении порядка производства процессуальных действий по сравнению с общей процедурой уголовного преследования лиц, не занимающих определенное положение в социуме.

Как видится, практически любой принцип не может быть возведен в абсолюте. В противном случае его реализация может подменить истинную цель уголовного судопроизводства. Поэтому наличие изъятий из общего правила допустимо. Однако, предусматривая такие изъятия, законодатель должен проявлять разумность и сдержанность, четко устанавливая, в частности, границы действия процессуальных иммунитетов, равно как и круг субъектов, ими обладающих.

Ему необходимо также придерживаться позиции Конституционного Суда Российской Федерации, последовательно отмечавшего значение усложненного порядка производства по уголовным делам как дополнительной гарантии от неправомерного воздействия на лиц в связи с исполнением ими публично значимых функций². Вместе с тем установление этих гарантий

должно предполагать достижение оптимального баланса между интересами обеспечения неприкосновенности ряда субъектов и неотвратимости привлечения виновных в совершении преступлений к уголовной ответственности³.

Процессуальные иммунитеты в сфере уголовного судопроизводства закреплены как в УПК РФ, так и в иных федеральных законах, регулирующих правовое положение определенной категории лиц. При этом объем гарантий может регулироваться в этих нормативных правовых актах по-разному, что служит препятствием к обеспечению правовой определенности в следственно-судебной практике.

Например, согласно ст. 15 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»⁴ депутат законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации вправе отказаться от дачи свидетельских показаний по уголовному делу об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с осуществлением его полномочий. В то же время такие лица не перечислены в ч. 3 ст. 56 УПК РФ среди субъектов, обладающих свидетельским иммунитетом. Вместе с тем с учетом положений ч. 2 ст. 51 Конституции РФ органы предварительного расследования должны предупреждать депутатов данного уровня о наличии у них соответствующей возможности. В противном случае полученные от них показания могут быть признаны недопустимыми доказательствами.

¹ См.: Тарнаков О. Г. Иммунитеты в уголовном процессе. М., 2011. С. 17—20.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2006 № 281-О; определение Конституционного Суда РФ от 24.01.2008 № 58-О-О; определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 № 843-О-О; определение Конституционного Суда РФ от 21.04.2011 № 593-О-О; определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 № 1632-О; определение Конституционного Суда РФ от 23.04.2015 № 839-О // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 № 843-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Аналогичным образом сто́ит принимать во внимание, что в соответствии с п. 35, 36 ст. 2, п. 4 ст. 41 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»⁵ решение о возбуждении уголовного дела в отношении зарегистрированного кандидата на выборные должности в органы местного самоуправления (о привлечении его в качестве обвиняемого) и об иницировании перед судом ходатайства об избрании ему меры пресечения в виде заключения под стражу принимается с согласия руководителя следственного органа СК России соответственно уровню выборов. И, несмотря на отсутствие подобных положений в тексте УПК РФ, следствию в силу правовой позиции Конституционного Суда РФ⁶ необходимо ими руководствоваться.

Фактически процессуальные иммунитеты «запрятаны» в текстах различных законодательных актов. Как результат, правоприменитель, привыкший осуществлять производство по уголовному делу исключительно или преимущественно на основании положений УПК РФ, может допустить несоблюдение гарантий обладающего особым статусом лица, даже не предполагая о возможности их существования. Вряд ли такое закрепление иммунитетов на нормативном уровне способствует достижению обозначенного Конституционным Судом РФ баланса интересов.

Рассмотренные ситуации не являются единственными примерами различного правового регулирования процессуальных привилегий отдельных категорий лиц.

Так, согласно ч. 3 ст. 450 УПК РФ судебное решение о производстве обыска у члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы исполняется в том же порядке, что и постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении данных лиц, т.е. с согласия соответствующей палаты Федерального Собрания. Между тем такое решение, исходя из общих положений

УПК РФ, требуется в целях санкционирования обыска в жилом помещении и личного обыска, за исключением ситуаций, предусмотренных ч. 2 ст. 184 УПК РФ. Значит, сфера действия ч. 3 ст. 450 УПК РФ ограничивается именно этими видами обыска.

В то же время в соответствии с п. «б» ч. 2 ст. 19 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»⁷ депутат Государственной Думы, член Совета Федерации не может быть подвергнут обыску (за исключением случаев задержания на месте преступления) без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания. Как видим, здесь отсутствует упоминание о судебном решении в принципе, поэтому можно сделать вывод о том, что данная норма касается любого обыска (в жилом и служебном помещении, личного обыска и т.д.). Это и вполне логично, учитывая нахождение указанного правового предписания в ст. 19 рассматриваемого Закона, именуемой «Неприкосновенность члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы». Такая неприкосновенность между тем распространяется на жилые и служебные помещения, личные и служебные транспортные средства, средства связи, принадлежащие указанным лицам документы и багаж, переписку⁸.

С другой стороны, иницирование уголовного преследования в отношении депутата Государственной Думы, члена Совета Федерации предполагает одновременно и проведение мероприятий по лишению его неприкосновенности, после чего, по всей видимости, пунктом «б» ч. 2 ст. 19 Закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» не надлежит руководствоваться. Однако в данном случае не утрачивает значение ч. 3 ст. 450 УПК, предусмотренная в целях правового регулирования как раз подобного рода ситуаций.

⁵ Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 06.04.2015) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 08.11.2005 № 439-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Ч. 3 ст. 19.

При наличии описанных коллизий норм можно дать следующие рекомендации:

- 1) при возбуждении уголовного дела в отношении депутата Государственной Думы, члена Совета Федерации (привлечении его в качестве обвиняемого) и лишения его неприкосновенности обыск в его жилом помещении, а также личный обыск (в отсутствие предусмотренных законом исключений) необходимо проводить только после получения согласия соответственно Государственной Думы или Совета Федерации на исполнение ранее полученного судебного решения;
- 2) в иных случаях, не связанных с уголовным преследованием данных субъектов, с согласия компетентных органов целесообразно осуществлять все виды обыска независимо от того, требуется ли для их производства обращаться с соответствующим ходатайством в суд.

Данная трактовка напрямую не вытекает из рассмотренных положений закона и, как следствие, не бесспорна. Однако приведенный пример иллюстрирует отсутствие должного правового регулирования парламентской неприкосновенности. Думается, что при сравнении положений УПК РФ и специального Федерального закона у правоприменителей могут сформироваться различные позиции относительно порядка производства обыска у представителей Федерального Собрания.

Справедливую критику может вызвать и содержание рассматриваемых гарантий, а именно необходимость получения согласия Государственной Думы либо Совета Федерации на производство данного следственного действия. При наличии противодействия предварительному расследованию результативность обыска можно обеспечить за счет его тайного характера и внезапности. В свою очередь, соблюдение предусмотренной законом процедуры неминуемо приведет к информированию обладающего парламентской неприкосновенностью лица о предстоящем мероприятии, что предоставляет ему необоснованную возможность уничтожить предметы, имеющие значение для уголовного дела. Фактически производство обыска становится бессмысленным, и сторона обвинения лишается существенного средства собирания доказательств.

Представляется, что подобная гарантия (которая ввиду отсутствия соответствующих ограничений в законе распространяется на всех лиц, проживающих в данном жилом помещении) в определенных ситуациях может приобретать характер личной привилегии, способствующей необоснованному уклонению от уголовной ответственности. Наличие процессуального иммунитета в таком объеме нарушает баланс публично значимых ценностей, позволяя парламентской неприкосновенности выступать в качестве безусловного препятствия к осуждению виновных.

Не до конца оптимальным видится и правовое регулирование процессуальных гарантий судей. Так, согласно п. 7 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей Российской Федерации»⁹ осуществление в отношении судьи оперативно-розыскных мероприятий, а также следственных действий (если в отношении судьи не возбуждено уголовное дело либо он не привлечен в качестве обвиняемого по уголовному делу), связанных с ограничением его гражданских прав либо с нарушением его неприкосновенности, определенной Конституцией, федеральными конституционными законами и федеральными законами, допускается не иначе как на основании решения, принимаемого в отношении:

- судьи Конституционного Суда, Верховного Суда, верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, военного суда, арбитражного суда — судебной коллегией в составе трех судей Верховного Суда;
- судьи районного суда и конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации, мирового судьи — судебной коллегией в составе трех судей соответственно верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа.

Неприкосновенность судьи, как следует из п. 1 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей», включает в себя неприкосновенность личности, занимаемых им жилых и служебных помещений, используемых им личных и служебных транспортных средств, принадлежащих ему доку-

⁹ Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 06.04.2015, с изм. от 14.05.2015) «О статусе судей в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ментов, багажа и иного имущества, тайну переписки и иной корреспонденции (телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, других электрических и иных принимаемых и отправляемых судьей сообщений). Поэтому довольно часто ограничение какого-либо гражданского права судьи будет затрагивать и его неприкосновенность, а значит, не совсем корректно использование разделительного союза «либо» в п. 7 исследуемой статьи.

Однозначно, что к таким мероприятиям следует отнести следственные действия, допускаемые согласно ч. 2 ст. 29 УПК РФ не иначе как на основании судебного решения: осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; обыск и выемка в жилище; выемка заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи; личный обыск; выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну; а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях; наложение ареста на корреспонденцию, разрешение на ее осмотр и выемку в учреждениях связи; контроль и запись телефонных и иных переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами), если они, конечно, каким-либо образом ограничивают гражданские права судьи и (или) посягают на его неприкосновенность. В этот же список с учетом толкования содержания судебской неприкосновенности следует добавить осмотр, обыск, выемку, которые производятся в его служебных помещениях, личных и служебных транспортных средствах, либо предметом которых являются принадлежащие ему предметы и документы. Вероятно, затрагивает неприкосновенность личности такое следственное действие, как освидетельствование.

В свою очередь, допрос судьи, проведение с ним очной ставки и проверка его показаний на месте, за исключением случаев, предусмотренных п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, должны осуществляться в общем порядке. Хотя не исключено, что в отсутствие единых рекомендаций судьи могут не поддержать эту позицию. Поэтому желательно заручиться согласием судьи на производство в отношении него следственных

действий. Однако трудно однозначно сказать, свидетельствует ли такое согласие о том, что в этом случае его гражданские права и (или) неприкосновенность не затрагиваются, а значит, нет необходимости в получении соответствующего судебного решения.

Как видим, законодатель вместо того, чтобы дать четкий перечень оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, реализуемых в особом порядке, включил в текст данного нормативного правового акта формулировку оценочного характера, не позволяющую однозначно определить, какие процессуальные мероприятия она под собой подразумевает.

Не менее неопределенными выглядят положения закона об адвокатской тайне. В силу п. 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹⁰ проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения.

В Конституции РФ закреплена неприкосновенность членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы и судей (ст. 98 и 122), аналогичные положения в отношении адвокатов не предусмотрены.

В связи с этим предварительное получение разрешения суда на производство любого оперативно-розыскного мероприятия или следственного действия в отношении адвоката (при том что такой объем привилегий отсутствует даже у парламентариев и судей) выглядит не совсем оправданным.

Не случайно Конституционный Суд РФ отметил, что норма п. 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предполагает получение судебного решения при проведении в отношении адвоката лишь тех оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, которые вторгаются в сферу осуществления им собственно адвокатской деятельности — к каковой в любом случае не может быть отнесено совершение адвокатом преступного деяния как несовместимого с его статусом — и (или)

¹⁰ Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

могут затрагивать адвокатскую тайну¹¹. Такое толкование рассматриваемых предписаний вполне соотносится и с наименованием данной статьи («Адвокатская тайна»).

Представляется целесообразным повсеместное претворение этого подхода в практической деятельности, что значительно сузит возможность использования института адвокатской тайны в целях уклонения от привлечения к уголовной ответственности. Однако в ряде регионов следователи обращаются в суд с ходатайством о проведении, к примеру, допросов, очных ставок в отношении адвокатов¹². С учетом позиции органа конституционного надзора это видится излишним. В любом случае получение судебного решения на производство указанных следственных действий не позволит преодолеть действие свидетельского иммунитета адвоката, закрепленного в п. 2 и 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ. Во всех остальных ситуациях, когда интересующие органы уголовного судопроизводства сведения об обстоятельствах дела стали известны адвокату не в связи с обращением к нему за юридической помощью или ее оказанием, нет необходимости для осуществления его допроса обращаться в суд.

Подобная необходимость отсутствует и в ситуациях, когда появляются основания для производства следственных действий, не представляющих угрозы для адвокатской тайны (например, освидетельствование, опознание). В то же время осмотр, обыск, выемка в отношении адвоката, потенциально посягающие на конфиденциальность такой тайны, следует осуществлять только после получения соответствующего судебного решения, за исключением редких ситуаций, когда их проведение не предполагает вторжения в сферу собственно адвокатской деятельности и (или) не затрагивает сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю.

Видится, что именно такие пределы действия уголовно-процессуальных привилегий адвокатов должны быть закреплены нормативно. Сложно не согласиться с тем, что законодателю принадлежит право, исходя из конституционно значимых целей и с учетом принципов демократического правового госу-

дарства, определять в федеральных законах как круг лиц, нуждающихся — в конкретной исторической ситуации — в дополнительных гарантиях своей деятельности, так и объем этих гарантий¹³. Однако иммунитеты в уголовном процессе следует рассматривать как единую систему, в рамках которой их объем должен быть уравновешен с учетом публичной значимости каждой из категорий субъектов, наделенных особым статусом.

В связи с этим, например, не совсем понятно, почему заключение под стражу зарегистрированных кандидатов в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации осуществляется в усложненном порядке, а уже избранных в этот орган депутатов — в общем (ст. 450 УПК РФ).

Количество неопределенных правовых предписаний, регулирующих производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, представляется чрезмерно большим. Среди них — ч. 5 ст. 450 УПК РФ. Согласно этой норме следственные и иные процессуальные действия, осуществляемые не иначе как на основании судебного решения, в отношении лица, указанного в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, если уголовное дело в отношении него не возбуждено или такое лицо не было привлечено в качестве обвиняемого, производятся с согласия суда, указанного в ч. 1 ст. 448 УПК РФ.

Данная редакция закона была актуальна, когда в ходе реализации норм главы 52 УПК РФ в целях положительного разрешения вопроса об иницировании уголовного преследования практически всегда требовалось заключение суда определенного уровня о наличии признаков преступления в действиях конкретного субъекта. Отныне подобного рода заключение требуется лишь в случаях, если в качестве такого субъекта будет выступать Генеральный прокурор РФ или Председатель Следственного комитета РФ. Поэтому ч. 5 ст. 450 УПК РФ закрепляет процессуальные иммунитеты только этих лиц. Во всех остальных ситуациях она безжизненна.

Практические работники зачастую сталкиваются с трудностями при ее интерпретации. Казалось бы, необходимо ориентироваться на

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 629-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Расследование преступлений, совершенных организованными формированиями : науч.-практ. пособие / под общ. ред. В. Н. Карагодина. М., 2015. С. 147—148.

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 06.02.2004 № 26-О // СПС «КонсультантПлюс».

уровень суда, предусмотренный ст. 448 УПК РФ, однако в этой норме указание на него отсутствует. Поэтому нет четкого понимания, каков порядок производства следственных действий в отношении обладающих особым правовым статусом лиц, не наделенных статусом подозреваемого, обвиняемого по уголовному делу. Очевидно, в ч. 5 ст. 450 УПК РФ следует сделать ссылку на конкретные пункты ч. 1 ст. 448 УПК РФ.

Нуждается в урегулировании и вопрос об иммунитетах субъектов, утративших особый правовой статус. Буквальное толкование положений главы 52 УПК РФ дает основание полагать, что дополнительными гарантиями наделены только лица, занимающие на момент производства процессуального действия соответствующее общественное положение. Однако в следственно-судебной практике на протяжении длительного периода встречаются различные подходы по данному вопросу¹⁴.

Нет единства и в юридической науке. Так, высказывалось мнение, что возбуждение уголовного дела по правилам главы 52 УПК РФ будет незаконным в том случае, если лицо в период своей публичной деятельности являлось спецсубъектом и совершило деяние, содержащее признаки преступления, но на момент принятия данного процессуального решения утратило свой особый статус¹⁵.

Примечателен следующий пример. Б. признан виновным и осужден за покушение на получение должностным лицом через посредника взятки в виде денег в крупном размере за совершение в пользу взяткодателя и представляемых им лиц действий, которые входили в его служебные полномочия.

В кассационной жалобе (основной и дополнительной) адвокат в интересах осужденного Б. просил приговор отменить, а дело прекратить. Он утверждал, что в нарушение положений ст. 447 и 448 УПК РФ уголовное дело возбуж-

дено неполномочным должностным лицом. Поскольку Б. состоял в должности старшего следователя следственного отдела по району и все действия, которые ему инкриминированы, были совершены им в связи с исполнением служебных обязанностей, уголовное дело могло быть возбуждено только руководителем следственного органа СК России по субъекту Российской Федерации.

Эти доводы Судебная коллегия нашла необоснованными. В соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ решение о возбуждении уголовного дела в отношении следователя следственного органа по району принимается в особом порядке. По смыслу закона такие гарантии призваны оградить его от попыток оказать на него давление путем привлечения или угрозы привлечения к уголовной ответственности. Вместе с тем эти ограничения не могут рассматриваться как личная привилегия, освобождающая следователя от ответственности за совершенное им преступление.

Из материалов дела следует, что на момент возбуждения уголовного дела Б. уже не работал на должности следователя, так как был уволен. При таких обстоятельствах установленные ограничения не распространяются на порядок возбуждения уголовного дела в отношении бывшего следователя Б., хотя он и совершил уголовное преступление в период нахождения на должности следователя, поскольку факт возбуждения уголовного дела не связан с вмешательством в его служебную деятельность и преследованием за такую деятельность¹⁶.

Как видим, Верховный Суд РФ признал законными действия по привлечению к уголовной ответственности в общем порядке лица, утратившего особый правовой статус, при том что им было совершено преступление, обусловленное его профессиональной деятельностью.

Действительно, утрата Б. должностного положения автоматически исключала возмож-

¹⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 03.05.2006 № 11-Д06-27 ; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31.10.2007 № 46-О97-80 ; определение Конституционного Суда РФ от 05.02.2009 № 249-О-0 ; определение Судебной коллегии по уголовным делам суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 10.11.2010 № 22-2618 ; кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.12.2012 № 16-012-56 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Латыпов Т. Р. О применении положений главы 52 УПК при возбуждении уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 59—65.

¹⁶ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.02.2013 № 18-О13-6 // СПС «КонсультантПлюс».

ность воспрепятствования проведению расследования по уголовным делам, принятым им ранее к производству, посредством возбуждения в отношении него уголовного дела. Однако теоретически эти действия могли быть актом мести за его законную деятельность. Поэтому аргументация высшей судебной инстанции в определенной части (в отличие от итогового решения) вызывает некоторые возражения.

Представляется, что нельзя исключить возможность неправомерного преследования должностного лица в связи с исполнением им профессиональных обязанностей и по прошествии значительного времени после его увольнения. В случае распространения особого порядка на такие случаи следствию в ходе проверки сообщения о преступлении необходимо будет устанавливать все этапы трудовой деятельности каждого субъекта, в отношении которого решается вопрос о возбуждении уголовного дела. Законность принятия данного процессуального решения может зависеть от везения органов уголовного судопроизводства.

В связи с этим во избежание неоднозначного толкования правовых предписаний необходимо на нормативном уровне предусмотреть положение о том, что процессуальные иммунитеты распространяются только на лиц, обладающих специальным статусом на момент принятия процессуального решения. Схожее мнение высказывается и в юридической науке¹⁷.

Наконец, сто́ит урегулировать процедуру производства процессуальных действий в отношении лиц, добровольно отказавшихся от предоставленных им законом дополнительных гарантий. В частности, ч. 3 ст. 56 УПК РФ, устанавливающая перечень свидетельских иммунитетов, содержит формулировку «не подлежат допросу». Однако согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ это отнюдь не означает абсолютный запрет на получение показаний от перечисленных в ней лиц. По его мнению, свидетельский иммунитет не может рассматриваться в качестве препятствия для реализации лицом, обладающим таким имму-

нитетом, права использовать известные ему сведения, в том числе в целях обеспечения и защиты прав и законных интересов субъектов, которых эти сведения непосредственно касаются¹⁸. Такой подход целесообразно закрепить в УПК РФ, распространив возможность отказа от иммунитета и на другие процессуальные действия.

Анализ недостатков норм закона, посвященных дополнительным гарантиям отдельных категорий лиц в сфере уголовного судопроизводства, свидетельствует о наличии дисбаланса в правовом регулировании данного института. Предоставление ряда из них видится неоправданным и в некоторых ситуациях может послужить безусловным препятствием к привлечению виновных лиц к уголовной ответственности. Зачастую интересам обеспечения личной неприкосновенности субъектов, обладающих особым статусом, придается излишне большое значение, что может повлечь причинение ущерба другим общественным ценностям.

Совершенствование данных норм представляется актуальной задачей. В процессе разработки и принятия соответствующих коррективов целесообразно отталкиваться от следующих положений:

- 1) процессуальные иммунитеты разумно закрепить только в УПК РФ;
- 2) усложненный порядок производства по уголовным делам следует рассматривать как средство обеспечения законного и эффективного осуществления публично значимой деятельности лицами, обладающими особым правовым статусом;
- 3) дополнительные гарантии в уголовном процессе не должны служить непреодолимым препятствием к достижению его целей;
- 4) процессуальные иммунитеты необходимо сформулировать четко и однозначно;
- 5) объем привилегий должен быть соразмерен общественному значению исполняемых лицом профессиональных обязанностей;
- 6) процессуальные иммунитеты сто́ит рассматривать как единую систему.

¹⁷ Добровлянина О. В., Прошляков А. Д. Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. М., 2011. С. 45—46.

¹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 108-О ; постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «КонсультантПлюс».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Добровлянина О. В., Прошляков А. Д. Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. — М., 2011.
2. Латыпов Т. Р. О применении положений главы 52 УПК при возбуждении уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц // Журнал российского права. — 2010. — № 8.
3. Расследование преступлений, совершенных организованными формированиями / под общ. ред. В. Н. Карагодина. — М., 2015.
4. Тарнаков О. Г. Иммунитеты в уголовном процессе. — М., 2011.

Материал поступил в редакцию 27 августа 2015 г.

Imbalance in legal regulation of procedural immunity in the sphere of criminal proceedings

KAZAKOV Aleksandr Alekseevich — PhD in Law, Head of the Department of Criminal Proceedings, 2nd Faculty of Continuous Education (Ekaterinburg) of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.
a.a.kazakov.cp@gmail.com
620142, Russia.Ekaterinburg, Schorsa street, 18.

Review. *The article regards procedural immunities in criminal proceedings as the withdrawal of the principle of equality of human and citizen before the law out of the constitutional principle. The author formulates a position on the admissibility of the existence of such exceptions. At the same time he emphasizes that the legislator has to establish clear procedural borders for procedural immunities. Their entrenchment in the normative level is conditioned by the need to ensure the inviolability of persons performing publicly important functions. In turn, the legal regulation of guarantees under consideration should include the establishment of an optimal balance between various interests. In support of this position the author provides the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation. According to the author, this balance hasn't been fully achieved yet. The reason for this are the deficiencies in the legal regulation of criminal proceedings in respect to certain categories of persons. Entrenchment of procedural immunities in several regulations such as the Criminal Procedural Code, as well in other special federal laws creates significant challenges for a law enforcer. The author provides examples of various presentation of the same guarantees in these acts which results in failing to achieve the necessary level of legal certainty in the field of the study of relations.*

The author gives recommendations on the order of the production process in respect of the subjects that have a special legal status. However, it is noted that in order to avoid ambiguous interpretation of legal provisions amendments to the law are necessary.

The analysis of some procedural immunities suggests that they may serve as an absolute obstacle to bring the perpetrators to justice. Among these is the need to obtain a prior consent of the respective chambers of the Federal Assembly for conducting a search in a residential area of the deputy of the State Duma and Federation Council member.

The establishment of a disproportionate privileges to certain categories of persons are also mentioned. For example, lawyers are vested with excessive amount of guarantees. The author suggests treating procedural immunities as a unified system.

The imbalance in the legal regulation of procedural immunities is conditioned by the lack of clear regulations concerning the production process in respect of persons who have lost their special status, as well as having waived legally provided benefits. Such actions shall be conducted in a general manner.

Keywords: *procedural immunity, special legal status, criminal procedural guarantees, legal regulation, the balance of interests, attorney-client privilege, parliamentary immunity, the immunity of judges, search, witness immunity, certain categories of persons.*

BIBLIOGRAPHY

1. Dobrovlyanina O.V., Proshlyakov A.D. Peculiarities of criminal proceedings in respect of certain categories of persons. — Moscow, 2011.
2. Latypov T.P. On the application of the provisions of Chapter 52 of the Criminal Procedure Code in criminal cases initiation in respect of certain categories of persons. //Zhurnal Rossiiskogo Prava — 2010. — No 8.
3. Investigation of crimes committed by organized formations. Karagodin V.N.(ed.). — Moscow, 2015.
4. Tarnakov O.G. Immunities in Criminal Process. — Moscow, 2011.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

С. Ю. Скобелин*

ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Аннотация. В статье раскрывается понятие и современные тенденции уголовно-исполнительной политики Российской Федерации в XXI веке. Анализируется судебная практика назначения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера сначала с 2000 по 2007 годы, а затем с 2007 по 2014 годы. Отмечается неадекватная стабильность количества осужденных и доли отдельных видов наказаний, к которым они приговаривались, в первый период. Делается вывод о консервативном подходе судей к принципам индивидуализации и дифференциации уголовной ответственности. Выявляются причины такого положения, связанные с законодательными неточностями, не позволяющими назначать и эффективно исполнять альтернативные лишению свободы уголовно-правовые меры. Предлагаются пути решения данных проблем. Отмечаются и объясняются причины смены закостенелого подхода в назначении и исполнении наказаний начиная с 2007 года, когда на смену условности уголовной ответственности и реальному лишению свободы приходят меры уголовно-правового воздействия, не связанные с изоляцией осужденных от общества. Намечаются перспективы дальнейшей реализации уголовно-исполнительной политики страны в соответствии с задачами Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года.

Аналізу подвергаються значимі зміни кримінального і кримінально-виконавчого законодавства в області призначення і виконання покарань і інших заходів кримінально-правового характеру. На прикладі каральної практики за злочини проти безпеки руху і експлуатації транспорту, за корупційні і терористичні злочини робиться спроба показати невідповідність і колізію принципів гуманізму і справедливості. Пропонується проводити кореляцію пом'якшувальних умов і порядку виконання і відбування покарань засудженими з правами потерпілих від злочинних посягань. В цілях запобігання нових злочинів і виправлення засуджених пропонується виключити дублювання функцій контролю за невідлітними засудженими без ізоляції від суспільства установами кримінально-виконавчої системи і підрозділами по справах невідлітних ОВД, передавши ці функції останнім. Також обґрунтовується необхідність зміни правової природи і сутності покарання в формі примусових робіт за рахунок трансформації інституту колоній-поселень, фактично не являючись місцями позбавлення свободи.

© Скобелин С. Ю., 2016

* Скобелин Сергей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий криминалистической лабораторией Академии Следственного комитета Российской Федерации
skob@inbox.ru

125080, Россия, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

Ключевые слова: назначение наказания, иные меры воздействия, исполнение наказаний, справедливость, дифференциация, индивидуализация, предупреждение преступлений, средства исправления, гуманизация, постпреступный контроль, исправление.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.113.4.124-137

Уголовно-исполнительная политика, являясь составной частью уголовной и общегосударственной политики страны, представляет собой проводимую государственными структурами, общественными организациями, органами местного самоуправления систему мер, направленных на выработку эффективных форм, методов и средств исполнения всех видов наказания и иных мер уголовно-правового характера, на достижение единых социальных результатов, связанных с предупреждением преступлений и исправлением осужденных.

Данная политика, безусловно, напрямую зависит от таких факторов, как экономическое положение страны и потребности общества, международное положение, идеология, нравственные ценности, структура и динамика преступности, и от ряда других, в том числе и от научных разработок.

Исходя из указанных факторов уголовно-исполнительная (ранее — исправительно-трудовая, карательная) политика как нашей страны, так и всей цивилизации на протяжении всего исторического развития была очень неоднозначной: от чрезмерной жестокости по отношению к преступнику, когда наказание являлось не чем иным, как воздаянием за совершенное преступление, до такой же чрезмерной гуманности к нему, когда наказание превращалось в защиту преступника от общества и самого себя (теории социальной защиты или нерепрессивного воздействия¹). К сожалению, указанные крайности не давали и не дают искомого эффективного результата в удержании лиц от повторного совершения общественно опасных деяний и в сохранении уже оступившегося человека полноправным, социально безопасным и, главное, приспособленным к жизни в обществе.

Конец XX — начало XXI века связаны с принятием нового Основного Закона страны — Конституции РФ, с серьезными правовыми

антикриминальными реформами, а именно полным обновлением законодательства уголовно-правового блока (уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного). На протяжении последних 15 лет продолжается реформирование и пересмотр как самого арсенала средств уголовно-правового реагирования на факты противоправного поведения людей, их содержания, так и порядка назначения и исполнения.

Теоретики и практики, специализирующиеся в области назначения и исполнения наказания, постоянно дискутирующие вопрос об эффективности традиционно наиболее распространенного в России вида наказания — лишения свободы, кажется, сошлись во мнении о скорейшей возможности достигать цели наказания посредством альтернативных санкций. И это является основной тенденцией уголовно-исполнительной политики страны.

По справедливому утверждению Н. Б. Хуторской, «несмотря на сохраняющуюся тенденцию широкого применения тюремного заключения во многих странах мира, его негативные последствия как для преступника, так и для общества в целом становятся все более очевидными. Без преувеличения можно сказать, что во многих странах мира ведутся поиски внетюремных видов наказаний и совершенствование средств и методов воздействия на правонарушителей»².

Этому, безусловно, способствовали и высказывания политических лидеров страны. О необходимости гуманизировать уголовную ответственность и наказание, а также порядок их исполнения, обеспечивать неотвратимость уголовной ответственности вместо ее суровости несколько раз с 2002 года говорили В. В. Путин и Д. В. Медведев, занимая посты Президента России, в своих посланиях Федеральному Собранию РФ. Так, по словам

¹ Ансель М. Новая социальная защита. М., 1970. С. 100.

² Хуторская Н. Б. Опыт применения общественных (обязательных) работ за рубежом // Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации : материалы международной конференции. М. : PRI, 2001. С. 166.

Д. В. Медведева, «... нельзя забывать и о таком принципиальном вопросе, как гуманизация закона и порядка его применения. Судам следует более взвешенно относиться к избранию мер пресечения в виде ареста и к назначению наказаний, связанных с изоляцией от общества. В то же время правоохранительная и судебная системы должны обеспечить действенную защиту прав и интересов лиц, пострадавших от совершенных преступлений»³.

Прежде чем анализировать основные тенденции именно уголовно-исполнительной политики страны, нельзя не затронуть судебную практику в отношении преступников за 2000—2014 годы (назначенные основные наказания и условное осуждение, удельный вес которых превышает 1 %).

Прослеживая практику применения отдельных видов наказания и условного осуждения с 2001 по 2007 годы, необходимо подчеркнуть, что из всех осужденных за этот период условное осуждение стабильно занимало лидирующие позиции, а именно применялось к каждому второму осужденному (45,1—57,5 %). Лишение свободы применялось к каждому третьему осужденному (30,9—35,1 %). Примерно одинаково стабильно назначались исправительные работы (около 5 %). За счет исключения

из видов наказаний конфискации имущества выросла доля штрафа — с 6,3 до 12,9 %. Постепенно увеличивается удельный вес осужденных к обязательным работам (с 0,1 до 3 %).

Общий удельный вес этих пяти мер уголовно-правового воздействия в 2003 году составил 99,9 %, т.е. другие основные наказания практически не применялись, несмотря на достаточно разветвленную систему наказаний, предусмотренную ст. 44 УК РФ. В это время основной формой реализации уголовной ответственности стало не уголовное наказание, а условное осуждение к лишению свободы. Удельный вес осужденных к реальному и условному лишению свободы в 2002 году достиг предела и был равен 88,6 % (из них условно — 56,4 %)⁴, т.е. данное наказание было назначено в отношении свыше 700 тыс. человек. Это, безусловно, свидетельствует, с одной стороны, о карательном характере российской уголовной политики, а с другой — о несовершенстве системы мер реагирования на преступное поведение.

Карательная практика российских судов в отношении несовершеннолетних преступников в этот период также не безупречна. В 2003 году несовершеннолетних либо изолируют от общества, назначая наказание в виде лишения свободы реально (23 530 / 24,3 %),

Таблица 1

Уголовно-правовые меры, примененные к осужденным в 2001—2007 гг.*

Осуждено к мерам наказания, в т. ч. условно (чел. / доля от общего числа осужденных)	Годы						
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Всего	1 187 721	830 607	768 314	788 925	873 612	909 921	916 566
Условно	682 930 / 57,5 %	468 091 / 56,4 %	426 048 / 55,5 %	415 659 / 52,7 %	419 807 / 48,1 %	420 956 / 46,7 %	410 620 / 45,1 %
К лишению свободы	367 469 / 30,9 %	267 109 / 32,2 %	252 041 / 32,8 %	257 284 / 32,6 %	306 841 / 35,1 %	312 473 / 34,7 %	301 428 / 33,1 %
К исправительным работам	62 182 / 5,2 %	43 087 / 5,2 %	39 808 / 5,2 %	36 658 / 4,6 %	42 667 / 4,9 %	43 371 / 4,8 %	42 761 / 4,7 %
К штрафу	74 853 / 6,3 %	52 114 / 6,3 %	50 064 / 6,5 %	78 282 / 9,9 %	90 417 / 10,3 %	98 207 / 10,9 %	117 300 / 12,9 %
К обязательным работам				616 / 0,1 %	13 300 / 1,5 %	26 728 / 3,0 %	38 498 / 4,2 %

* URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 16 августа 2015 г.) ; Преступность и правонарушения (2001—2005). Статистический сборник. М., 2006. С. 163.

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 05.11.2008 // Российская газета. 2008. 6 ноября.

⁴ Преступность и правонарушения (2001—2005). С. 151—152.

либо назначают условное осуждение, но опять же к лишению свободы (55 871 / 57,6 %). Институт принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренный законодателем для данной категории осужденных, бездействует. Несмотря на рекомендации Верховного Суда РФ о расширении использования данного института, ныне они применяются не более чем к 2 % несовершеннолетних, представших перед судом⁵.

Сегодня наряду с совершеннолетними осужденными под контролем уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России находятся и несовершеннолетние преступники, которые подвергаются как бы двойному контролю: во-первых, состоят на учете в уголовно-исполнительных инспекциях по месту жительства, перед которыми должны отчитываться и куда должны являться на регистрацию (как правило, такая обязанность несовершеннолетним назначается всегда), а инспекции, со своей стороны, должны контролировать их поведение и выполнение ими возложенных судом обязанностей, а во-вторых, аналогичные обязанности возложены на комиссии по делам несовершеннолетних⁶. Такой подход себя не оправдывает. Данная часть условно осужденных достаточно велика и, как представляется, нуждается в «особом» подходе⁷. Двойная форма контроля, ведение соответствующей документации и двойная «подчиненность» самих несовершеннолетних непоследовательны.

Привлекающим внимание является предложение А. А. Лиеде по поводу создания для данной категории института специально подготовленных попечителей по примеру опыта

ювенальной юстиции некоторых зарубежных стран⁸, что в настоящее время вряд ли выполнимо. Представляется более приемлемым возврат к предыдущему опыту, т.е. полная передача функций учета и контроля за поведением таких условно осужденных подразделениям по делам несовершеннолетних, хотя тем самым будет нарушено с таким трудом создаваемое организационное единство функций исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия, переданных в Министерство юстиции, о котором пишет В. И. Селиверстов⁹. Но, по верному утверждению А. И. Зубкова, в данном случае такое нарушение просто необходимо, так как ОВД в лице ПДН и других служб имеют огромный опыт работы с несовершеннолетними правонарушителями и такой подход полностью согласуется с Федеральным законом «Об основах государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹⁰.

Предложенный подход связан не только со спецификой данного контингента в плане физиологии, психических особенностей, психологического подхода¹¹, но и с необходимостью разгрузки уголовно-исполнительных инспекций, а также снижением уровня рецидива условно осужденных несовершеннолетних, который стабильно превышает рецидив взрослых «условников».

Не вдаваясь в специфику исполнения условного осуждения несовершеннолетних, хотелось бы заметить, что другим решением этого вопроса мог бы стать полный отказ от назначения данной категории преступников условного осуждения за счет более широкого приме-

⁵ Карелин Д. В. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. С. 5.

⁶ Приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации». П. 2 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.08.2015).

⁷ Лиеде А. А. Социологические и психологические основы условного осуждения несовершеннолетних // Известия вузов : Правоведение. 1996. № 4. С. 125 ; Жигарев Е. С. Криминологическая характеристика несовершеннолетних и организация их правового воспитания : учеб. пособие. М., 1990. С. 9.

⁸ Лиеде А. А. Указ. соч. С. 125.

⁹ Селиверстов В. И. Концептуальные проблемы передачи уголовно-исполнительной системы в Министерство юстиции России // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвуз. сборник науч. трудов. Красноярск, 1998. С. 68.

¹⁰ Зубков А. И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий (в связи с проектом Федерального закона «О внесении в некоторые законодательные акты Российской Федерации изменений и дополнений по вопросам уголовно-исполнительной системы»). М., 2000. С. 45.

¹¹ Игошев К. Е. Психология преступных проявлений среди молодежи. М., 1971. С. 79.

ния к ним предусмотренных законодателем принудительных мер воспитательного воздействия, расширения их перечня и корректировки системы¹².

Изучение судебной практики до 2007 года позволяет утверждать, что судебная система, так же как и вся правоохранительная система (точнее, оценка эффективности их работы), построена на отчетности, процентах и какие-либо резкие колебания здесь не приветствуются. Речь идет о ежегодной стабильности количества осужденных в целом, а также удельного веса реального лишения свободы (30—35 % всех осужденных) и условного осуждения (около половины всех осужденных). Представляется, что такой стабильности быть не может ввиду существенных изменений количественных и качественных показателей преступности в стране за этот период (состояние, структура, динамика, характер, вред и др.), изменений в общем криминологическом портрете преступников. Соответственно должны изменяться и характеристики судимости. Иначе — может ли в этих

условиях идти речь о дифференциации, об индивидуализации назначения и исполнения наказаний, наконец, о справедливости уголовной ответственности? Нельзя забывать о высоком уровне рецидива среди лиц, привлеченных к уголовной ответственности.

Безусловно, на сложившееся положение дел влияет и несовершенство отечественного уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Немало трудностей возникает у суда и уголовно-исполнительных инспекций при исполнении «обновленных» исправительных работ, когда знаменитым Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» законодатель запретил назначать это наказание лицам, имеющим основное место работы. Спустя 8 лет, 7 декабря 2011 года, ошибка была устранена путем возврата к прежней редакции, когда это наказание назначалось и имеющим основное место работы, где оно и отбывалось.

Таблица 2

Уголовно-правовые меры, примененные к осужденным в 2008—2014 гг.*

Осуждено к мерам наказания, в т. ч. условно (чел. / доля от общего числа осужденных)	Годы						
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Всего	925 166	892 360	845 071	782 274	739 278	735 340	719 305
Условно	358 696 / 38,9 %	341 514 / 38,4 %	307 206 / 36,5 %	282 227 / 36,2 %	221 908 / 30,2 %	201 538 / 27,6 %	197 859 / 27,8 %
К лишению свободы	312 137 / 33,9 %	289 202 / 32,5 %	265 843 / 31,6 %	227 050 / 29,1 %	206 254 / 28,0 %	209 728 / 28,7 %	209 448 / 29,4 %
К исправительным работам	4 7892 / 5,2 %	44 398 / 5,0 %	41 282 / 4,9 %	40 037 / 5,1 %	70 400 / 9,6 %	75 778 / 10,4 %	75 120 / 10,5 %
К штрафу	133 772 / 14,5 %	131 402 / 14,8 %	123 495 / 14,7 %	113 503 / 14,6 %	113 358 / 15,4 %	116 176 / 15,9 %	111 842 / 15,7 %
К обязательным работам	49 317 / 5,3 %	19 628 / 2,2 %	79 874 / 9,5 %	89 881 / 11,5 %	76 560 / 10,4 %	73 172 / 10,0 %	69 898 / 9,8 %
К ограничению свободы			7 941 / 0,9 %	10 994 / 1,4 %	25 269 / 3,4 %	32 042 / 4,4 %	26 983 / 3,8 %

* URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 16 августа 2015 г.).

¹² Горбцов В. И. О корректировке системы уголовно-правового воздействия // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сборник материалов междунар. науч.-практ. конференции (7—8 февраля 2003г.) : в 2 ч. Красноярск, 2003. Ч. 1. С. 26.

¹³ Князев А. В., Елизаров А. Б. Нормативные проблемы исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы // Уголовно-исполнительная система России: стратегия развития : материалы науч.-практ. конференции. Ч. 2. М. : НИИ ФСИН России, 2005. С. 43.

Только с начала 2004 года (спустя 7 лет после введения УК РФ 1997 года) стали назначаться и исполняться обязательные работы. В то же время первоначальная редакция УК РФ и УИК РФ поставила уголовно-исполнительные инспекции ФСИН РФ в такие условия, когда осужденного практически невозможно трудоустроить в муниципальных предприятиях ввиду отсутствия и реорганизации последних, когда нормы уголовного, уголовно-исполнительного, гражданского законодательства не согласованы в области юридического оформления привлечения осужденного к обязательным работам¹³, страхования возможного вреда, причиненного при исполнении этого вида наказания осужденному или самим осужденным, и многое другое.

Начиная с 2008 года практика назначения уголовных наказаний и иных мер стала изменяться, несмотря на стабильное общее количество осужденных (720—900 тысяч).

Во-первых, революционным можно назвать то, что суды наконец «преодолели» 30 %-й рубеж назначения реального лишения свободы, который стойко удерживался с начала принятия нового УК РФ вплоть до 2011 года.

Во-вторых, резко пошло на убыль применение условного осуждения. Если, как отмечалось, доля данной меры до 2005 года не снижалась ниже 50 %, то в 2013-м упала до 27,6 %, таким образом, впервые стала реже применяться, чем реальное лишение свободы на определенный срок.

В-третьих, после изменения правил назначения и условий исполнения исправительных работ количество осужденных к данной мере в 2012 году выросло почти в 2 раза — с 40 тыс. до 70 тыс. (с 5 до 9 % от всех наказаний).

В-четвертых, с 2010 года, спустя 13 лет после принятия УК РФ, заработало в корне измененное наказание в виде ограничения свободы.

Таким образом, судебная практика последней пятилетки свидетельствует о реальном сокращении «тюремного населения» и применении альтернативных лишению свободы мер.

Гуманизация прослеживается и в уголовно-исполнительном законодательстве. Так, Федеральным законом от 13.07.2015 № 260-ФЗ осужденным, содержащимся в различных ус-

ловиях и видах исправительных учреждений, в разы увеличены ежемесячные денежные суммы, предусмотренные для приобретения продуктов питания и предметов первой необходимости.

Учеными и практиками доказано, что эффективным средством исправления осужденных, даже изначально настроенных атеистически, является вера в бога. Поэтому в целях обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания осужденных с 20 апреля 2015 г. в учреждениях, исполняющих наказания, федеральный орган уголовно-исполнительной системы стал заключать с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями соглашения о взаимодействии. Личные встречи со священнослужителями предоставляются без ограничения их числа продолжительностью до 2 часов каждая.

Осужденные, правозащитные и общественные организации настаивают на создании храмов в каждом исправительном учреждении, а также следственных изоляторах, причем с учетом религиозной принадлежности различных осужденных. И сегодня в 755 исправительных, 62 воспитательных колониях и 226 следственных изоляторах действуют 510 храмов. Причем это и православные храмы, часовни, домовые церкви, и исламские мечети, и буддийские дуганы и хурулы, и католические костелы. Функционируют 734 молитвенные комнаты, из них: православных — 517, исламских — 87, иудейских — 1, буддийских — 7, католических — 3, ЕХБ (евангельские христиане-баптисты) — 64, ХВЕ (христиане веры евангельской — пятидесятники) — 58, других миссий — 4. Осуществляют деятельность более 1 100 религиозных общин¹⁴.

В 2000 г. между Главным управлением Федеральной службы исполнения наказаний России и Русской православной церковью было подписано Соглашение о сотрудничестве, послужившее углублению духовно-нравственного потенциала воспитательного воздействия на осужденных. На уровне субъектов Российской Федерации также принимаются соглашения о сотрудничестве с различными религиозными конфессиями¹⁵.

¹⁴ Обзор о взаимодействии учреждений и территориальных органов ФСИН России с общественными и религиозными организациями (объединениями) в 2006 году. М. : УСПВРО ФСИН России, 2006. С. 5.

¹⁵ Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. И. Зубкова. М. : Инфра-М — Норма, 1997. С. 34—37.

В марте 2015 года вступил в силу закон, увеличивший с 3 до 5 лет срок рассрочки назначенного осужденному штрафа. Сам же штраф осужденный теперь обязан выплатить в течение не 30, а 60 дней со дня вступления приговора суда в законную силу.

Осужденные к лишению свободы, а также условно осужденные теперь вправе самостоятельно обращаться в суд (либо через своих законных представителей) с ходатайством о досрочном прекращении данных мер.

Таким образом, реализуется такая указанная в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года основная цель, как гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов¹⁶.

Прогрессивным следует признать введение в УИК РФ Федеральным законом от 28 декабря 2013 года № 432-ФЗ статьи 172.1 — «Уведомление потерпевшего или его законного представителя», которая предусматривает защиту прав указанных лиц, в частности их уведомление со стороны администрации учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, об освобождении или о перемещении осужденного.

Следует особое внимание уделить именно защите прав потерпевших от преступления. Гуманизация не должна превращаться в безнаказанность. Как справедливо отмечают П. В. Тепляшин и Д. С. Васильев, «чрезмерная мягкость наказания преступника может вызывать негодование и отчаяние у потерпевших, в некоторых случаях — даже у всего общества. Все это может привести к росту социальной напряженности, отрицанию способности правоохранительных и судебных органов справляться со своими задачами, росту правового нигилизма, увеличению случаев расправы с преступниками без обращения к правоохранительным органам»¹⁷. К сожалению, примеры необоснованно мягких приговоров и даже полного освобождения от

уголовной ответственности лиц, совершивших преступления с жертвами, серьезные экономические и даже террористические преступления, истребляются.

Ряд законодательных изменений, направленных на сокращение «тюремного населения», как представляется, непоследовательны и преждевременны. Это касается и исключения нижнего предела санкций ряда тяжких и особо тяжких преступлений (ст. 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», ст. 161 «Грабеж», ст. 162 «Разбой» УК РФ и др.)¹⁸.

Возможность суда при некоторых условиях снижать категорию совершенного преступления привела к тому, что преступники, совершившие тяжкие преступления, освобождаются от наказания и уголовной ответственности, некоторым из них невозможно назначить наказание в виде лишения свободы (ч. 1 ст. 56 УК РФ). Либо, наоборот, сохраняется возможность повторно назначить условное осуждение при совершении нового преступления в период испытательного срока, смягчить вид исправительного учреждения и режимные условия отбывания, снизить сроки давности, вид рецидива, сократить минимальные сроки отбывания лишения свободы, необходимые для условно-досрочного освобождения, смягчения наказания, и сроки судимости.

Научная общественность обоснованно критикует судебную практику примирительных процедур и освобождение в связи с деятельным раскаянием (ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ) по преступлениям против безопасности движения и эксплуатации транспорта, в которых от действий виновных (чаще находящихся в состоянии опьянения) гибнут люди¹⁹. Причем основным, непосредственным объектом здесь выступают публичные отношения безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст. 263—268 УК РФ).

Так, 14 мая 2013 года постановлением судьи Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга было прекращено уголовное дело в отношении С., признанного виновным в со-

¹⁶ URL: http://fsin.su/document/index.php?ELEMENT_ID=6663 (дата обращения: 17 августа 2015 г.).

¹⁷ Тепляшин П. В., Васильев Д. С. Эффективность гуманизма в профилактике преступлений // Российский следователь. 2013. № 14. С. 38.

¹⁸ Кибальник А. Г. К чему приведет «гуманизация» уголовного законодательства? // Законность. 2011. № 9. С. 23.

¹⁹ Шнитенков А. В. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности: проблемы законодательства и судебной практики // Российская юстиция. 2014. № 11. С. 54.

вершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 264 УК РФ. В результате нарушения Правил дорожного движения С., управлявший автомобилем, причинил смерть дорожным рабочим — Б. и Л. В ходе судебного разбирательства С. выплатил потерпевшим К. и Л. по 1 млн руб. каждой, и от них поступили заявления о прекращении уголовного дела в отношении подсудимого С. в связи с примирением и возмещением причиненного ущерба в полном объеме.

Как ни странно, подобная практика считается правильной. Так, в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» отмечается: «При рассмотрении вопроса о применении положений ст. 76 УК РФ к лицам, совершившим преступление, последствием которого явилась смерть пострадавшего, судам следует иметь в виду положения ч. 8 ст. 42 УПК РФ о переходе прав потерпевшего в таких случаях к одному из близких родственников погибшего. Поскольку уголовно-процессуальный закон не содержит каких-либо ограничений в процессуальных правах лиц, признанных потерпевшими в порядке, установленном ч. 8 ст. 42 УПК РФ, примирение лица, совершившего преступление, с такими потерпевшими может служить основанием для освобождения его от уголовной ответственности»²⁰.

Например, в 2013 году суды прекратили уголовное преследование в отношении 7 325 (50,6 % от всех осужденных по данной статье) виновных в совершении преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, в связи с примирением сторон на основании ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ. Причем более 1 000 таких деяний были связаны с человеческими жертвами и совершены в состоянии алкогольного опьянения. 41 субъект был освобожден от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в соответствии со ст. 75 УК РФ, 28 УПК РФ. В 2014 году эти цифры составили 7 316 (62,5 %) и 44 соответственно.

Принцип неотвратимости наказания не срабатывает и в ходе применения положений ст. 76.1 УК РФ «Освобождение от уголовной

ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности», обязывающей следователя или судью освобождать субъектов более 20 экономических преступлений от уголовной ответственности, если преступление совершено впервые и причиненный ущерб возмещен в полном объеме или пятикратном размере. В этих условиях следователи становятся «коллекторами» уголовного судопроизводства. Больше того, в соответствии с п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» при возмещении ущерба и (или) заглаживании вреда иными лицами или организациями такие лица в случае дальнейшей преступной деятельности вновь считаются совершившими данные преступления впервые и вновь освобождаются от уголовной ответственности.

Уголовно-правовые средства противодействия получению взяток (ст. 290 УК РФ), безусловно, являются наиболее действенными как с точки зрения общей превенции данного коррупционного преступления со стороны должностных лиц, склонных к подобному поведению, так и в части индивидуального предупреждения со стороны должностного лица, уже получившего взятку.

Несмотря на высокую латентность коррупционных преступлений, статистический анализ демонстрирует динамичный рост регистрируемых фактов получения взяток, как и других коррупционных преступлений. Так, по данным Следственного комитета РФ, за период с 2000 по 2010 год число регистрируемых преступлений, предусмотренных главой 30 УК РФ, возросло в 2 раза и составило 37 067 преступлений²¹. Количество преступлений коррупционной направленности, дела о которых направлены в суд, в 2013 году составило 28 712. Перед судом предстали около 10 тысяч коррупционеров, по ст. 290 УК РФ было осуждено — 1 571, а в 2014 году — 1 625 чиновника²².

В 2013 году из 1 571 взяточников к реальному лишению свободы были осуждены лишь 191 (12,1 %), причем без дополнительного наказания в виде лишения права занимать после

²⁰ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 8 апреля 2015 г.).

²¹ Вестник Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации. 2010. № 3—4. С. 95—96.

²² URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150&item=2372> (дата обращения: 12 августа 2015 г.).

освобождения свои должности, к штрафу как основному виду наказания — 1 073 (68,3 %), штрафу как дополнительному виду наказания — 309 (19,6 %), условно с испытательным сроком — 360 (22,9 %).

Изучение судебной практики за 2009—2014 годы показывает некоторую либеральность судей к лицам, причастным к преступлениям террористической направленности. Стоит заметить, что активные лидеры террористов часто правомерно в соответствии со ст. 22 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» лишаются жизни в ходе пресечения террористического акта либо осуществлению иных мероприятий по борьбе с терроризмом действиями.

За последние 5 лет за совершение террористических актов, содействие террористической деятельности и публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма было осуждено 73 человека, из них в отношении 36 (50 %) наказание в виде лишения свободы назначено ниже низшего предела при наличии исключительных обстоятельств на основании ст. 64 УК РФ, 3 осуждены условно с испытательным сроком на основании ст. 73 УК РФ, то есть фактически освобождены от наказания, 1 осужденный оправдан.

Анализируя произошедшие в этот период террористические акты в г. Назрани, г. Махачкале, г. Кизляре, крушение поезда «Невский экспресс», взрывы в московском метро, в аэропорту «Домодедово», а также вспоминая беспрецедентные теракты в школе г. Беслана, театральном комплексе на Дубровке, серию преступлений в г. Волгограде, невольно задаешься вопросом, откуда подобный либерализм судей? Либо проблема находится глубже — в качестве расследования и наличии достаточной доказательственной базы?

Федеральным законом от 05.05.2014 № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» сделаны шаги в сторону ужесточения уголовной ответственности террористов:

Увеличены сроки лишения свободы при назначении данного наказания по совокупности преступлений до 30 лет и по совокупности приговоров — до 35 лет в случае совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст. 277, 278, 279, 353, 356, 357, 358 и 360 УК РФ (ч. 5 ст. 56 УК РФ).

Совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма введено в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (п. «р» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Статья 64 дополнена частью 3 следующего содержания: «Виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 211 настоящего Кодекса, либо виновным в совершении сопряженных с осуществлением террористической деятельности преступлений, предусмотренных статьями 277, 278, 279 и 360 УК РФ, не может быть назначено наказание ниже низшего предела, предусмотренного указанными статьями, или назначен более мягкий вид наказания, чем предусмотренный соответствующей статьей, либо не применен дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного».

Осужденным за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 205, ч. 1 и 2 ст. 205.1, ст. 205.2, ч. 2 ст. 205.4, ч. 2 ст. 205.5, ч. 1—3 ст. 206, ст. 360 УК РФ, запрещено назначать условное осуждение (п. «а.1» ч. 1 ст. 73 УК РФ).

К той же категории осужденных не применяются сроки давности (ч. 5 ст. 78 УК РФ), отсрочка отбывания наказания (ч. 1 ст. 82 УК РФ), сроки давности обвинительного приговора (ч. 4 ст. 83 УК РФ).

Также увеличены сроки лишения свободы и повышена категоризация ряда преступлений террористического характера.

Этот адекватный шаг приведет к тому, что все осужденные за данные преступления будут приговариваться к реальному лишению свободы.

Однако не стоит забывать и о заключительных этапах реализации уголовной ответственности — об отбывании назначенного наказания и постпенитенциарном надзоре за данной категорией преступников.

Как показывает практика, осужденные за преступления террористического характера, как правило, совершают их впервые в молодом возрасте (что, соответственно, судами учитывается как смягчающее обстоятельство), большинство из них ранее не отбывали лишения свободы. Следовательно, согласно п. «в» ч. 1 ст. 58 УК РФ такие лица отбывают лишение свободы в исправительных колониях строгого (даже не особого) режима. Лишь единственный осужденный к пожизненному лишению свободы Ч. А. Рустамов был направлен для отбывания лишения свободы в исправительную колонию особого режима.

Напомним, что осужденные к лишению свободы, отбывающие наказание в обычных (как и облегченных) условиях в исправительных колониях строгого режима, проживают в общежитиях, то есть постоянно находятся с другими осужденными. Будучи, как правило, глубоко убежденными экстремистами, зараженными идеями терроризма, они могут негативно повлиять и даже привлечь на свою сторону других осужденных²³. Именно поэтому в уголовном (ст. 58 УК РФ) и уголовно-исполнительном (ст. 74 УИК РФ) законодательстве следует закрепить норму о направлении таких осужденных в исправительные колонии особого режима или тюрьму и предусмотреть их проживание в запираемых помещениях или помещениях камерного типа.

Учитывая, что рано или поздно все террористы (возможно, и осужденные к пожизненному лишению свободы) окажутся на свободе, следует дополнить ст. 3 Федерального закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» отдельным пунктом об обязательном административном надзоре в отношении обозначенной категории преступников в период судимости. Кроме этого, в ст. 86 УК РФ необходимо оговорить невозможность досрочного снятия судимости с данных лиц, представляющих опасность для общества и государства.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года говорится о необходимости совершенствования уголовно-исполнительной политики (организации исполнения наказаний), направленной на социализацию осужденных; изменения структуры уголовно-исполнительной системы, создания новых видов учреждений, осуществляющих исполнение наказаний в виде лишения свободы, отказа от коллективной формы содержания осужденных, осуществления раздельного содержания осужденных с учетом тяжести совершенного преступления и криминологической характеристики осужденного. Стоит признать, что в этих направлениях каких-либо законодательных, организационных изменений и конкретных действий не наблюдается.

В то же время в условиях изоляции по-прежнему находится достаточно большое количество осужденных. По состоянию на 1 июля 2015 года в уголовно-исполнительную систему входят 729 исправительных колоний, 128 колоний-поселений, 6 исправительных колоний для осужденных к пожизненному лишению свободы, 219 следственных изоляторов и 106 помещений, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях, 8 тюрем и 39 воспитательных колоний для несовершеннолетних. В данных учреждениях содержатся 658 279 человек. В 81 федеральном казенном учреждении «Уголовно-исполнительная инспекция» и в 2 407 их филиалах состоят на учете 437 918 осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, и 3 167 подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся под домашним арестом.

Необходимо согласиться с мнением о том, что монопольное положение наказания как единственного средства уголовно-правового принуждения осталось в прошлом²⁴.

На рубеже веков в научных кругах активно стал обсуждаться вопрос кризиса института уголовного наказания, все чаще научный взор стал обращаться в сторону его альтернатив, в частности иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных действующим уголовным законом (ст. 2 УК РФ). Действительно, современные реалии свидетельствуют о необходимости поиска новых путей реагирования государства на преступное поведение граждан. Тем более, что эффективность действующих наказаний оставляет желать лучшего.

Причем не всегда данные меры должны носить карательный характер, а в условиях модернизации арсенала уголовно-правовых средств воздействия на правонарушителей их содержание и формы могут со временем несколько трансформироваться.

Социально-правовая действительность свидетельствует о поиске новых форм реализации уголовной ответственности, отвечающих международным стандартам и способных достичь целей — удержания осужденного от повторного совершения преступления и обеспечения спокойной жизни законопослушных граждан.

²³ Усманов И. М., Сулайманов З. Г. Религиозный аспект радикализации осужденных к лишению свободы: миф или реальность? // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2014. № 2. С. 88.

²⁴ См.: Пронников В. В., Нечепуренко А. А. Содержание условного осуждения и пути оптимизации его назначения // Российская юстиция. 2006. № 9.

В поисках оптимальных путей выхода из сложившейся ситуации учеными высказывались предложения по дополнению системы уголовных наказаний отработанными в некоторых зарубежных странах и показавших свою эффективность наказаниями в виде домашнего ареста (аналог ограничения свободы), залога²⁵; по возврату таких наказаний, как увольнение от должности, возложение обязанности загладить причиненный вред²⁶, ссылка, высылка; по возвращению и приданию наказанию в виде конфискации имущества статуса основного²⁷ и др.

Ранее ученые справедливо предлагали трансформировать институт колоний-поселений, фактически не являющихся лишением свободы, в наказание в виде ограничения свободы и ввести его в действие путем изменения ст. 53 УК РФ²⁸. Законодатель пошел по другому пути. Однако данное предложение остается актуальным для такого явно нереального наказания, как принудительные работы, которые появились в отечественном законодательстве 7 декабря 2012 года.

Исходя из комплексного анализа факторов, влияющих на формирование уголовно-исполнительной политики, выявляются следующие тенденции ее развития:

Гуманизация, поиск новых и совершенствование уже имеющихся мер уголовно-правового характера, альтернативных лишению свободы.

Передача функций по исполнению некоторых видов наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного, органам местного самоуправления и подразделениям по делам несовершеннолетних (обязательные, исправительные работы, условное осуждение в отношении несовершеннолетних).

Демилитаризация уголовно-исполнительной системы и увеличение гуманитарной, социальной составляющей, то есть вывод из силовых ведомств всей системы либо учреждений и органов, исполняющих уголовно-правовые меры без изоляции²⁹.

Переход от ретрибутивного (возмездного, основанного в первую очередь на опасности деяния) к консеквенциональному (некарательному, основанному на личных качествах преступника) подходу к наказанию и мерам уголовно-правового характера³⁰.

Дифференциация назначения и исполнения наказания и иных мер уголовно-правового характера, при котором оно должно быть адекватным и соразмерным содеянному³¹.

Изложенное является лишь постановкой проблемы адекватной и эффективной реакции государства на противоправное поведение граждан, необходимости должной научной проработки данного вопроса, пересмотра и реанимирования всей системы уголовно-правового принуждения.

²⁵ Горобцов В. И. Организационно-правовые меры, альтернативные уголовному наказанию в виде лишения свободы // Перспективы деятельности органов внутренних дел и государственной противопожарной службы : тезисы докладов Всерос. науч.-практ. конференции. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2000. С. 26—27.

²⁶ См.: Зубкова В. И. Система наказаний по УК РФ и проблемы ее реализации // Уголовное право в XXI веке : материалы Междунар. науч. конференции на юрид. факультете МГУ имени М.В.Ломоносова, 31 мая — 1 июня 2001 г. М. : ЛексЭст, 2002. С. 139.

²⁷ См.: Устинов В. С. Уголовно-политическая стратегия в XXI веке // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвуз. сборник науч. трудов. Вып. 6 / отв. ред. В. И. Горобцов ; Сибирский юридический институт МВД России. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2003. С. 7, 12.

²⁸ См.: Горобцов В. И. О корректировке системы уголовно-правового воздействия // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сборник материалов междунар. науч.-практ. конференции (7—8 февраля 2003 г.). Ч. 1. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2003. С. 24 ; Милюков С. Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб., 2001. С. 79.

²⁹ Селиверстов В. И., Базунов В. В. О перспективных путях развития уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система России: стратегия развития : материалы науч.-практ. конференции. Ч. 1. М. : НИИ ФСИН России, 2005. С. 23.

³⁰ Уткин В. А. Роль «тюремных начал» в современной пенитенциарной системе России // Уголовно-исполнительная система России: стратегия развития. С. 43.

³¹ Уголовно-правовое воздействие / под ред. А. И. Рарога. М., 2012.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ансель М. Новая социальная защита. — М., 1970.
2. Горобцов В. И. О корректировке системы уголовно-правового воздействия // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сборник материалов международной научно-практической конференции (7—8 февраля 2003 г.) : в 2 ч. — Ч. 1. — Красноярск, 2003.
3. Горобцов В. И. Организационно-правовые меры, альтернативные уголовному наказанию в виде лишения свободы // Перспективы деятельности органов внутренних дел и государственной противопожарной службы : тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. — Иркутск, 2000.
4. Жигарев Е. С. Криминологическая характеристика несовершеннолетних и организация их правового воспитания. — М., 1990.
5. Зубков А. И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий (в связи с проектом Федерального закона «О внесении в некоторые законодательные акты Российской Федерации изменений и дополнений по вопросам уголовно-исполнительной системы»). — М., 2000.
6. Зубкова В. И. Система наказаний по УК РФ и проблемы ее реализации // Уголовное право в XXI веке : материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ имени М.В.Ломоносова, 31 мая — 1 июня 2001 г. — М., 2002.
7. Игошев К. Е. Психология преступных проявлений среди молодежи. — М., 1971.
8. Кибальник А. Г. К чему приведет «гуманизация» уголовного законодательства? // Законность. — 2011. — № 9.
9. Князев А. В., Елизаров А. Б. Нормативные проблемы исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы // Уголовно-исполнительная система России: стратегия развития : материалы научно-практической конференции. — Ч. 2. — М., 2005.
10. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. И. Зубкова. — М., 1997.
11. Лиеде А. А. Социологические и психологические основы условного осуждения несовершеннолетних // Правоведение. — 1996. — № 4.
12. Милюков С. Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. — СПб., 2001.
13. Пронников В. В., Нечепуренко А. А. Содержание условного осуждения и пути оптимизации его назначения // Российская юстиция. — 2006. — № 9.
14. Селиверстов В. И. Концептуальные проблемы передачи уголовно-исполнительной системы в Министерство юстиции России // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики. — Красноярск, 1998.
15. Селиверстов В. И., Базунов В. В. О перспективных путях развития уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система России: стратегия развития : материалы научно-практической конференции. — Ч. 1. — М., 2005.
16. Теплов В. Применение условного осуждения и отсрочки исполнения приговора // Советская юстиция. — 1986. — № 17.
17. Тепляшин П. В., Васильев Д. С. Эффективность гуманизма в профилактике преступлений // Российский следователь. — 2013. — № 14.
18. Уголовно-правовое воздействие / под ред. А. И. Рарога. — М., 2012.
19. Усманов И. М., Сулайманов З. Г. Религиозный аспект радикализации осужденных к лишению свободы: миф или реальность? // Вестник Национального антитеррористического комитета. — 2014. — № 2.
20. Устинов В. С. Уголовно-политическая стратегия в XXI веке // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики. — Вып. 6 / отв. ред. В. И. Горобцов. — Красноярск, 2003.
21. Уткин В. А. Роль «тюремных начал» в современной пенитенциарной системе России // Уголовно-исполнительная система России: стратегия развития : материалы научно-практической конференции. — Ч. 1. — М. : НИИ ФСИН России, 2005.
22. Хуторская Н. Б. Опыт применения общественных (обязательных) работ за рубежом // Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации : материалы международной конференции. — М., 2001.
23. Шнитенков А. В. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности: проблемы законодательства и судебной практики // Российская юстиция. — 2014. — № 11.

Материал поступил в редакцию 27 августа 2015 г.

PENAL ENFORCEMENT POLICY TENDENCIES IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 21 CENTURY

SKOBELIN Sergei Yur'evich — PhD in Law, Associate Professor, Head of the Criminalistics Laboratory of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

skob@inbox.ru

125080, Russia, Moscow, Vrubelya Street, 12

Review. *The article deals with the concept and contemporary trends in the penal and enforcement policy of the Russian Federation in the 21 century. It analyzes the judicial practice of prescribing criminal sentences and the like from the beginning of the year 2000 and up to 2007, and then from 2007 to 2014. The author notes an inadequate stability of the number of convicted and the share of some types of punishment carried out in the first group. It is concluded that conservative approach of judges to the principles of differentiation and individualization of criminal responsibility. The author reveals the reasons for the current situation which relate to legal inaccuracies not allowing the judges to effectively assign and execute criminal law measures alternative to the imprisonment. The ways of solving these problems are suggested. The article indicates and explains the reasons for the change of ossified approach in appointment and enforcement of sentences since 2007, when the criminal law measures not related to the isolation of convicts from the society take place of the conventions of criminal responsibility and real imprisonment. The prospects for further implementation of the penal and enforcement policy of the country in accordance with the objectives of the Concept of MIS by 2020 are outlined.*

Significant changes in criminal and penal and enforcement legislation in the field of appointment and execution of punishment and other measures of criminal law are analyzed. Through the example of punitive practices for crimes against traffic safety and operation of transport, corruption and terrorist crimes the author attempts to show the imperfection and conflict of principles of humanism and justice. It is proposed to carry out a correlation between the mitigation of the conditions and procedure of execution and serving the punishment by the condemned and the rights of victims of criminal attacks. In order to prevent new offenses and correct the convicts, it is suggested to avoid duplication of control functions for juvenile offenders without their isolation from the society through institutions of the penitentiary system and the juvenile divisions of ATS, by transferring these functions to the latter. The author also justifies the need to change the legal nature and scope of punishment in the form of forced labor by transformation of the Institute of the colony-settlement, without actually being incarcerated.

Keywords: *sentencing, the impact of other measures, execution of punishment, fairness, differentiation, individualization, crime prevention, means of correcting, humanization, postcriminal control, correction.*

BIBLIOGRAPHY

1. *Anhel Mark.* New Social Protection. — Moscow, 1970.
2. *Gorobtsov V. I.* On adjustment of the system of penal and enforcement law. Topical issues of combatting crime in the Siberian region: International Scientific and Practical Conference Digest (7-8 of February, 2003). 2 Parts. — Part 1. — Krasnoyarsk, 2003.
3. *Gorobtsov V. I.* Organizational and legal alternatives to criminal penalties of imprisonment //Prospects of activity of the Interior and the State Fire Service: All-Russian Scientific and Practical Conference Abstracts. — Irkutsk, 2000.
4. *Zhigarev E. S.* Criminological characteristics of juveniles and organization of their legal education. — Moscow, 1990.
5. *Zubkov A. I.* Punitive policy in Russia at the turn of the millennium (in connection with the draft of Federal Law "On introduction of amendments and additions to some legislative acts of the Russian Federation on the penal and enforcement system"). — Moscow, 2000.
6. *Zubkova V. I.* The system of penalties under the Criminal Code of the Russian Federation and problems of its realization // Criminal Law in the 21 century: Proceedings of the International Scientific Conference at the Law Faculty of the Lomonosov State University 31 May - 1 June 2001. — Moscow, 2002.
7. *Igoshev K. E.* Psychology of criminal manifestations among the youth. — Moscow, 1971.
8. *Kibal'nik A. G.* What will the "humanization" of criminal law lead to? Legality. — 2011.— No 9.
9. *Knyazev A. V., Elizarov A. B.* Regulatory problems of execution of punishments alternative to imprisonment // Penitentiary System of Russia: strategies of development. Proceedings of Scientific and Practical Conference. — Part 2. — Moscow, 2005.

10. Commentaries to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. Zubkov A.I. (ed.), — Moscow, 1997,
11. *Liede A. A.* Sociological and psychological bases of juvenile probation. Jurisprudence. — 1996. — No 4.
12. *Milyukov S. F.* Punishment: criminal and criminological analysis. Saint-Petersburg, 2001.
13. *Pronnikov V. V., Nechepurenko A. A.* The content of probation and ways to optimize its purpose// Russian Justice. — 2006. — No 9.
14. *Seliverstov V. I.* Conceptual problems of the transfer of the penitentiary system to the Ministry of Justice of Russia //Topical issues of the theory of crime and enforcement practice. -Krasnoyarsk, 1998.
15. *Seliverstov V. I., Bazunov V. V.* On prospective ways of development of the penitentiary system. //Penitentiary System of Russia: strategies of development. Proceedings of scientific and practical conference. — Part 1. — Moscow, 2005.
16. *Teplov V.* The practice of probation and suspended sentence. The Soviet Justice. — 1986. — No 17.
17. *Teplyashin P.V., Vasil'ev D.V.* Efficiency of Humanism in Prophylactics of Crimes. //Russian Investigator, — 2013. — No 14.
18. Criminal law. / Raroga A.I. (ed.). — Moscow, 2012.
19. *Usmanov I. M., Sulaimanov Z. G.* The religious aspect of the radicalization of convicts: myth or reality? // Bulletin of the National Anti-Terrorist Committee - 2014. -No 2.
20. *Ustinov V. S.* Criminal and political strategy in the 21 century. //Topical issues of the theory of crime and law enforcement. — Issue 6. Gorobtsov V.I. (ed.). -Krasnoyarsk, 2003.
21. *Utkin V. A.* The role of "prison outbreak" in modern Russian penitentiary system. //Penitentiary System of Russia: strategies of development. Proceedings of scientific and practical conference. — Part 1. Moscow, Research and Development Establishment Federal Penitentiary Service of Russia, 2005.
22. *Khutorskaya N. B.* Experience in the use of public (compulsory) work abroad. //Alternatives to imprisonment in the Russian Federation: International conference proceedings. -Moscow, 2001.
23. *Shnitenkov A. V.* Conciliation with the victim as grounds for exemption from criminal liability: problems of legislation and judicial practice. Russian Justice, — 2014. — No 11.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Е. А. Курнышева*,

Ю. В. Родионова**

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Аннотация. В статье продемонстрирован путь развития профессионального образования следователей Следственного комитета Российской Федерации в Приволжском федеральном округе. Дана хронология создания новой формы дополнительного профессионального образования сотрудников Следственного комитета Российской Федерации — окружной учебной структуры — четвертого факультета (с дислокацией в г. Нижний Новгород) Института повышения квалификации ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации».

Авторами раскрыты некоторые направления деятельности четвертого факультета повышения квалификации, одно из которых является приоритетным для Следственного комитета Российской Федерации в целом — это организация работы по совершенствованию профессионального становления молодых следователей.

Выделены принципы построения системы качества образования, приведены структурные элементы системы контроля качества образования, реализуемые в четвертом факультете повышения квалификации, в частности, контроль знаний слушателей при зачислении, контроль знаний, умений и навыков слушателей по итогам изучения конкретной дисциплины — уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, итоговая аттестация (защита выпускной работы (реферата), экзамен в форме тестирования).

В статье показано взаимодействие практических работников и профессорско-преподавательского состава как форма, повышающая качество учебного процесса.

Авторами уделено внимание единству систем обучения и воспитания на примере четвертого факультета повышения квалификации Института повышения квалификации. В данном исследовании отражено развитие патриотического воспитания сотрудников Следственного комитета в рамках их обучения и повышения квалификации по различным программам, влияние такого воспитания на развитие у сотрудников морально-нравственных качеств при осуществлении своей профессиональной деятельности, а именно расследовании преступлений.

© Курнышева Е. А., Родионова, Ю. В., 2016

* Курнышева Елена Александровна, кандидат педагогических наук, заместитель директора — декан четвертого факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Нижний Новгород) Института повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации
kurnysheva@yandex.ru

603104, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Краснозвездная, д. 5

** Родионова Юлия Викторовна, кандидат политических наук, доцент кафедры уголовного процесса четвертого факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Нижний Новгород) Института повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации
rodionova@mail.ru

603104, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Краснозвездная, д. 5

Сделан вывод о выполнении задачи по организации повышения квалификации следователей Следственного комитета Российской Федерации в Приволжском федеральном округе. Так, в четвертом факультете повышения квалификации обеспечивается не только бучение слушателей, но формируется прочный научный фундамент, благодаря привлечению слушателей к написанию в период обучения научных работ — рефератов, докладов и участию их в научных форумах, проводимых четвертым факультетом.

Ключевые слова: профессиональное образование, повышение квалификации, следователь, Следственный комитет Российской Федерации, Приволжский федеральный округ, Академия, четвертый факультет, учебный процесс, обеспечение обучения, слушатели, формирование научного фундамента.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.113.4.138-150

Под профессиональным образованием принято понимать получение и закрепление новых знаний и навыков для повышения производительности и эффективности труда. Профессиональное образование решает не проблему повышения образовательного уровня сотрудника, а проблему повышения его профессионального уровня, то есть является дополнительным к основному образованию, его еще можно определить как повышение квалификации.

Когда на работу принимаются молодые сотрудники, профессиональное образование становится основным фактором, обеспечивающим развитие умений, навыков и установок, необходимых для их эффективной деятельности. Получить высокие результаты в работе любой организации можно только в том случае, если кадры обладают знаниями, умениями и соответствующим настроением, необходимым для того, чтобы их усилия были направлены на выполнение общих целей и задач. Эффективность профессионального образования в значительной степени зависит от системности, а также от того, кто и в каких формах его осуществляет.

Традиционно система повышения квалификации состоит из двух уровней.

Первый — повышение квалификации на местах, то есть в тех организациях, где непосредственно работают сотрудники, которым требуется дополнительное получение знаний по профессии.

Второй уровень — повышение квалификации в профильных образовательных учреждениях, реализующих программы дополнительного профессионального образования.

Аналогичная система предусмотрена и для повышения квалификации следователей.

В данной статье авторы попытались раскрыть становление второго уровня профессионального образования следователей, так как в настоящее время в силу разных причин именно повышение квалификации в профильном образовательном учреждении занимает значительное место в профессиональной подготовке сотрудников Следственного комитета Российской Федерации.

Создание Следственного комитета Российской Федерации (далее — Следственный комитет) как самостоятельного государственного органа, обеспечивающего в пределах своих полномочий исполнение законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве, потребовало глубокого качественного изменения в организации профессионализма сотрудников, в первую очередь следователей.

Это, по нашему мнению, обусловлено тем, что источником пополнения основного кадрового состава Следственного комитета являются молодые специалисты, вчерашние выпускники высших учебных заведений, вузовское представление которых о работе следователя резко отличается от фактического ее выполнения.

Практика показывает, что молодые сотрудники, пришедшие на следственную работу, не всегда способны преодолеть специфические особенности этой профессии, выдержать ее психологические и физические нагрузки. В силу этого важнейшей задачей кадровой политики Следственного комитета стала организация работы по совершенствованию профессионального становления молодых следователей.

Если перефразировать общеизвестное изречение «Кадры решают все» (высказанное более 70 лет назад, но актуальное и в современной

России) применительно к кадровому составу Следственного комитета, то лозунгом в его деятельности, по нашему мнению, можно считать «Следователи решают все». Именно следователи всегда занимали и занимают особое место в борьбе с преступностью, они — передовые части, так как первыми сталкиваются с преступлением, первыми разоблачают преступника и «вступают с ним в бой»¹. Раскрытие и расследование преступлений, изобличение виновных и составляют сущность работы следователя. От его умения и энергии, настойчивости, оперативности, инициативы и самоотверженности во многом зависит не только исход конкретного уголовного дела, но и выполнение главной задачи Следственного комитета, а в конечном счете — и конституционной обязанности государства по защите прав и свобод человека и гражданина. Поэтому понятно, что к работе следователя, его профессионализму и квалификации, нравственному облику и культурному развитию предъявлялись и предъявляются самые высокие требования.

А. И. Бастрыкин, председатель Следственного комитета в своих высказываниях о следователе подчеркивал: «И физически, и психологически работа следователя — одна из самых трудных. Поэтому в процессуальном противостоянии следователь должен иметь моральную прочность, выдержку, быть образцом нравственности. Эти качества — фундамент профессионализма и способны вызвать уважение противоположной стороны. Следователь обязан изобличить лицо, виновное в совершении преступления, но при этом не унижать достоинство личности. Все действия и решения следователя должны быть подчинены главной цели — отысканию истины»².

Сказанное еще раз подтверждает, что профессия следователя — профессия не только почетная, но и творческая. Она требует непрерывной работы над собой, постоянного совершенствования своего профессионального мастерства, повышения квалификации и нравственно-культурного развития.

Следователь должен учиться непрерывно: на каждом раскрытом им преступлении, на каждом деле, которое он расследовал, то есть работать он должен учась, а учиться — рабо-

тая; а также должен использовать различные формы повышения своего профессионального образования.

С учетом значимости профессии следователя логика развития Следственного комитета в условиях его становления вынесла на повестку дня вопрос о перестройке организации дополнительного профессионального образования именно этой категории сотрудников.

Первый шаг к этому сделан практически сразу после создания Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации приказом первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации — председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации от 3 октября 2008 г. № 84 «Об институтах (учебных центрах) Следственного комитета при прокуратуре РФ в федеральных округах».

В Следственном комитете получил развитие второй уровень повышения квалификации, который реализовывался шестью отделами профессионального развития (учебными центрами), созданными в федеральных округах.

Следует заметить, что повышение квалификации следователей органов прокуратуры в профильных образовательных учреждениях существовало и ранее, однако оно ограничивалось несколькими учебными заведениями, в основном республиканского значения, так как к моменту создания Следственного комитета большинство региональных центров были упразднены, что, по мнению практиков, нарушило системность подготовки профессиональных кадров прокуратуры³. В связи с этим необходимо было решать проблему получения молодыми следователями специальных умений и навыков следственной работы, которые классическим юридическим образованием не предусматривались.

Повышение квалификации следователей явилось и реализацией концепции непрерывного образования взрослых, принятой в России, предназначение которой сводится к компенсации недостатков, упущений предыдущей подготовки либо в пополнении знаний в связи с новыми требованиями жизни и профессии.

Создание учебных центров повышения квалификации именно в федеральных округах —

¹ Настольная книга следователя / под общ. ред. Г. Н. Сафонова. М., 1949. С. 3.

² Следственный комитет Российской Федерации. URL: <http://sledcom.ru/blog/bastrikin>.

³ Ямников В. Профессиональная подготовка следователя // Законность. 2006. № 10. С. 35-37

новая форма дополнительного образования. Ориентирована она не только на приближение следователей (слушателей) к месту работы, хотя в период экономической нестабильности это немаловажно, но и на то, чтобы обучить основам следственной работы более многочисленную армию молодых следователей.

Преимущество этой формы нам видится и в том, что в учебных центрах стали обучаться следователи, объединенные не только территорией работы, но и судебно-следственной практикой, а это позволяло и позволяет решать возникающие применительно к округу проблемы в работе следственного аппарата.

Положительным в данной форме является и значительное расширение привлекаемых к учебному процессу практиков — работников суда, прокуратуры, экспертных учреждений, но самое главное, по нашему мнению, — профессионалов территориальных следственных органов Следственного комитета, входящих в федеральные округа.

В современных условиях, при реформировании в России практически всех сфер деятельности, жизнь заставляет каждого идти в ногу со временем, а значит, и работать по-новому. В связи с этим второй уровень системы повышения квалификации Следственного комитета претерпел изменения в сторону развития и совершенствования.

Отделы профессионального развития (учебные центры) с созданием федерального государственного казенного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации» (далее — Институт) были реорганизованы в филиалы.

Распоряжением Правительства РФ от 27.01.2014 № 77-р на базе Института создано федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия Следственного комитета Российской Федерации» (далее — Академия).

Главной задачей Академии является «подготовка юристов (следователей) — идейных, практически ориентированных, желающих работать и осознающих важность профессии следователя для общества и государства, что

способствует и укреплению, и стабилизации кадрового состава в целом в системе Следственного комитета, повышению уровня профессионализма следователей, обеспечению преемственности кадров»⁴.

Сегодня Академия имеет два института — юридический и повышения квалификации. В структуре Института повышения квалификации функционируют шесть факультетов с дислокацией в центрах федеральных округов, которые созданы на базе ранее действующих филиалов (отделов профессионального развития (учебных центров)).

Создание в системе профессионального образования Следственного комитета факультетов в федеральных округах еще раз подчеркнуло новизну формы повышения квалификации в этом государственном органе, а также подтвердило необходимость профессиональной подготовки следователей по региональному (окружному) принципу, который положительно зарекомендовал себя с момента действия учебных центров.

Становление профессионального образования следователей в Приволжском федеральном округе, конечно же, неразрывно связано с развитием дополнительного профессионального образования в целом в Следственном комитете.

В начале 2009 г. руководством следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области были открыты курсы повышения квалификации с привлечением преподавателей ведущих вузов г. Нижний Новгород. В течение четырех месяцев 87 следователей региональных следственных управлений Следственного комитета Приволжского федерального округа прошли обучение по программе «Проблемы раскрытия и расследования тяжких и особо тяжких преступлений против личности».

В апреле 2009 года при Следственном управлении Следственного комитета по Нижегородской области создан отдел профессионального развития (учебный центр), задачей которого являлось самостоятельное осуществление повышения квалификации сотрудников следственных управлений Следственного комитета, входящих в Приволжский федеральный округ.

⁴ Багмет А. М. Организация деятельности Академии Следственного комитета Российской Федерации — нового учреждения высшего образования в системе российского юридического образования // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2014. № 1. С. 22.

Для выполнения поставленной задачи необходимо было укомплектовать штат отдела и решить вопрос с помещениями для его размещения. Штатным расписанием в отделе предусматривались 10 должностей оперативных сотрудников, которые и должны были обеспечивать учебный процесс. От кандидатов на замещение вакантных должностей требовались опыт практической следственной работы, навыки преподавательской деятельности, преимущественно наличие ученой степени или звания. С учетом квалификационных требований к началу учебного года в штате отдела работали 1 профессор, доктор наук, 6 кандидатов наук. Все сотрудники отдела имели стаж следственно-прокурорской работы и преподавательской деятельности.

Для осуществления учебного процесса отдел разместился в благоустроенном офисном здании в арендуемых помещениях площадью 360 кв. м., на которых были оборудованы две учебные аудитории на 20 и 30 посадочных мест, криминалистический полигон, читальный зал, библиотека и музей криминалистики.

1 сентября 2009 года отдел профессионального развития (учебный центр) начал первый учебный год. Повышение квалификации проводилось уже по трем дополнительным профессиональным образовательным программам: «Проблемы раскрытия и расследования тяжких и особо тяжких преступлений против личности», «Расследование коррупционных преступлений» и «Организация процессуального контроля». Это позволило расширить категории слушателей: кроме следователей, повышение квалификации было организовано и для сотрудников отделов процессуального контроля региональных следственных управлений.

За 3 года в учебном центре повысили квалификацию 1 400 сотрудников следственных управлений Следственного комитета, расположенных в Приволжском федеральном округе.

С момента создания в отделе профессионального развития (учебном центре) учебная деятельность совмещалась с научно-исследовательской работой. Уже в декабре 2009 года был проведен однодневный научно-методический семинар «Методика расследования преступлений против несовершеннолетних» при участии помощника Председателя Следственного комитета И. Ф. Комиссарова и первого заместителя Председателя Комитета Государственной Думы РФ по вопросам семьи, женщин и детей Н. Н. Карпович, с участием представи-

телей правозащитного движения «Спротивление». Весной 2010 года была организована Всероссийская заочная научно-практическая конференция «Коррупция в России. Актуальные проблемы теории и практики выявления и пресечения коррупционных нарушений. Проблемы раскрытия и расследования коррупционных преступлений». В ноябре 2010 года был проведен двухдневный научно-практический семинар-тренинг «Следственные действия по выявлению насилия над детьми», с участием прокурора города Тарту Эстонской Республики.

20 марта 2012 г. на базе отдела профессионального развития (учебного центра) создан Нижегородский филиал Института (далее — филиал). Филиал приобрел статус подразделения учебного заведения Следственного комитета, в его структуре образованы кафедры: уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.

С созданием филиала число дополнительных образовательных программ повышения квалификации увеличилось до 10 (в настоящее время их 15), значительно расширился контингент слушателей. Одновременно в филиале повышали квалификацию уже более 50 сотрудников региональных следственных органов Следственного комитета Приволжского федерального округа: следователи, следователи-криминалисты, помощники руководителей и следователей, инспекторы отдела процессуального контроля, заместители руководителей и руководители отделов.

В связи с реорганизацией на основании приказа Председателя Следственного комитета от 17 января 2014 г. № 12-кш на базе Нижегородского филиала организован четвертый факультет повышения квалификации Института повышения квалификации Академии (с дислокацией в г. Нижний Новгород) (далее — четвертый факультет).

С этого времени четвертый факультет вступил в новый этап своей деятельности, это связано еще и с тем, что он переехал в здание с более комфортными условиями для осуществления учебного процесса.

Сегодня четвертый факультет размещается на 1 129 кв. м, в помещениях, переданных Академии в безвозмездное пользование, это позволяет обучать слушателей одновременно на трех потоках. Актовый зал площадью 107 кв. м оборудован самой современной техникой, в частности интерактивной доской, что дает возможность проведения научных форумов более широкого масштаба.

Изложенное выше — это хронология создания одного из подразделений Академии. По мнению авторов, становление профессионального образования следователей в отдельно взятом федеральном округе не может быть продемонстрировано лишь через призму хронологических событий. Замысел статьи — показать развитие профессионального образования сотрудников Следственного комитета в Приволжском федеральном округе через виды деятельности учебной структуры Академии и реализуемые в ней формы учебных занятий, с учетом проблем, влияющих на профессионализм следственных кадров.

Новые исторические условия выдвинули проблемы, важность и острота которых стали очевидны в профессиональной подготовке следователей. Основные проблемы, на наш взгляд, таковы:

- 1) качество юридического образования в российских высших учебных заведениях не всегда отвечает требованиям, предъявляемым работодателем (в данном случае Следственным комитетом) к выпускникам вузов, поступившим на федеральную государственную службу, особенно в должности следователей;
- 2) базовое юридическое образование, получаемое в рамках традиционной системы высшего образования, принципиально не может раз и навсегда обеспечить человека, связавшего свою жизнь со следственной работой, знаниями, умениями, навыками и качествами, необходимыми ему для эффективного выполнения своих профессиональных обязанностей;
- 3) должности следователей замещаются подчас малоопытными сотрудниками. На долю следователей следственных органов Следственного комитета следователей со стажем работы более 3 лет приходится порядка 40 %.

Дополнительное образование следователей — повышение квалификации — нацелено на пополнение базовых знаний в сфере юриспруденции и овладение необходимыми для следователя профессиональными навыками. Кроме того, дополнительное профобразование в системе Следственного комитета — это и профессиональное сознание, которое характеризует многие стороны социального поведения личности следователя — от целей и ценностей до осознания результатов деятельности по критериям реальности и будущего.

Способствование профессиональному росту слушателей на основе актуализации и систематизации их знаний, развитие соответствующих навыков, использование современных технологий обучения находят отражение в реализуемых четвертым факультетом дополнительных образовательных программах повышения квалификации.

Общеизвестно, что главной задачей российской образовательной политики является обеспечение высокого качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества, государства. Следуя выполнению данной задачи и цели повышения квалификации следователей, профессорско-преподавательский состав четвертого факультета уделяет большое внимание качеству образования, которое понимается как комплекс характеристик образовательного процесса, определяющих последовательное и эффективное формирование компетентности и профессионального сознания.

Качество образования раскрывается нами в таких характеризующих его понятиях, как: качество преподавания (учебного процесса); качество профессорско-преподавательского состава; качество дополнительных образовательных программ; качество материально-технической базы, информационно-образовательной среды; качество слушателей; качество управления образованием; качество научно-исследовательской работы.

На формирование указанных характеристик, конечно же, нужно сознательно влиять, а следовательно, ими необходимо управлять. Система управления качеством образования в четвертом факультете включает мотивацию, организацию, планирование, анализ и исследование качества, контроль качества и построена на принципах:

- 1) ориентации всей деятельности четвертого факультета на образование (повышение квалификации), отражающее потребности Следственного комитета;
- 2) непрерывного совершенствования и повышения качества всех процессов образовательной деятельности;
- 3) обеспечения участия всего профессорско-преподавательского состава четвертого факультета, а также слушателей и региональных следственных управлений Следственного комитета Приволжского федерального округа в решении проблем качества образования;

- 4) создания системы мотивации повышения качества образования как для преподавателей, так и для слушателей;
- 5) разработки и использования современных образовательных технологий;
- 6) создания системы мониторинга качества образования на основе объективных показателей состояния качества и оценки тенденций его изменения;
- 7) установления соответствия качества образования миссии и цели образования в обществе и задачам Следственного комитета; воспитания профессионала, гражданина, патриота;
- 8) формирования информационного обеспечения управления качеством образования;
- 9) исследования и прогнозирования тенденций изменения качества образования и потребностей в новом качестве.

Известно, что для осуществления управления, помимо системы, необходим и механизм управления.

Примером механизма управления качеством образования является созданная на четвертом факультете система контроля качества обучения, которая включает несколько способов измерения качества полученных слушателями знаний:

- 1) контроль знаний слушателей при зачислении (входной контроль);
- 2) контроль знаний, умений и навыков слушателей по итогам изучения конкретной дисциплины — уголовного права, уголовного процесса, криминалистики (текущий внутридисциплинарный контроль);
- 3) итоговая аттестация (защита выпускной работы (реферата), экзамен в форме тестирования (выходной контроль)).

Принятая система оценки знаний, по нашему мнению, позволяет обеспечивать в полной мере контроль освоения программного материала.

С целью повышения эффективности подготовки слушателей осуществляется мониторинг качества полученных ими знаний и анонимное анкетирование. Мониторинг качества знаний организуется ежегодно при непосредственном участии кадровых подразделений региональных следственных управлений Следственного комитета Приволжского федерального округа. Анонимное анкетирование проводится в каждой группе слушателей. Ответы на вопросы анкеты анализируются и при необходимости используются для улучшения качества про-

фессионального образования, в первую очередь — учебного процесса, так как повышению его качества на четвертом факультете отводится главенствующая роль.

Учебный процесс обеспечивает квалифицированные преподаватели, 67 % из которых имеют ученые степени доктора и кандидата наук.

Все преподаватели — в прошлом сотрудники следственных органов и прокуратуры, поэтому, кроме общетеоретических знаний, обладают и практическим опытом.

К учебному процессу наряду со штатными сотрудниками привлекаются профессионалы в области судебной медицины и психиатрии, а именно: эксперт Нижегородского областного бюро судебно-медицинской экспертизы, кандидат медицинских наук В. Г. Воробьев и профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского доктор психологических наук Е. В. Васьков, которые сотрудничают с четвертым факультетом уже шесть лет.

Профессорско-преподавательским составом постоянно ведется работа по интенсификации учебного процесса, его компьютеризации, поиску и внедрению прогрессивных технологий обучения. В преподавании все большее распространение получают инновационные формы обучения, направленные на отработку действий слушателя в обстановке, приближенной к реальности.

Наряду с традиционными формами обучения (лекциями, семинарами, практически занятиями) организуются круглые столы, деловые игры, решение актуальных юридических и правоприменительных задач на основе изучения судебно-следственной практики, дискуссии, анализ конкретных ситуаций, интеллектуальные игры. В учебном процессе применяются дидактические и методические материалы, основанные на использовании современной компьютерной и видеотехники, лекционные занятия сопровождаются презентациями. Деловые игры и практические занятия проходят на стационарно оборудованных полигонах, которые позволяют слушателям самостоятельно производить технико-криминалистические операции: дактилоскопирование, изготовление слепков следов обуви, изъятие следов пальцев рук, микроскопическое исследование различных объектов, моделировать обстановку места происшествия.

По программе повышения квалификации «Криминалистическое обеспечение предварительного расследования» одним из обязательных занятий является выезд на местность для отработки навыков применения криминалистической техники. В каждой группе слушателей проводятся практические занятия по теме «Компьютерная сферическая фотопанорама как способ фиксации хода и результатов следственных действий». В процессе занятия рассматриваются приемы изготовления компьютерной сферической фотопанорамы на имеющемся в четвертом факультете оборудовании. Совместно с отделом криминалистики Следственного управления Следственного комитета по Нижегородской области и экспертно-криминалистическим центром ГУ МВД России по Нижегородской области на базе Гороховецкого учебного центра ЗВО МО РФ в п. Мулино Нижегородской области ежегодно организуются практические занятия «Тактика осмотра места происшествия по преступлениям, совершенным с использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств».

По программам повышения квалификации, касающимся расследования преступлений против личности, организации работы следственных подразделений, криминалистического обеспечения предварительного расследования аудиторные занятия проводятся в форме круглых столов, на которых рассматриваются проблемы раскрытия и расследования преступлений. На таких занятиях следователи делятся не только своими профессиональными успехами, но и трудностями, а также опытом их разрешения. Эта форма общения помогает молодым следователям осознать, что их трудности не единичны и решаемы, их волнение — нормальное состояние для всех людей, начинающих работу на новом месте и с новыми должностными обязанностями, преодоление трудностей — совершенствование в выбранной профессии. Встречи за круглым столом расширяют профессиональный кругозор не только следователей-новичков, но и опытных сотрудников, а также преподавателей.

Четвертым факультетом уделяется повышенное внимание и учебно-методическому обеспечению учебного процесса: профессорско-преподавательский состав разрабаты-

ет специальные пособия (учебные, учебно-практические, учебно-методические и т.п.) и внедряет их в процесс обучения. Библиотекой четвертого факультета обеспечивается доступ слушателей к информации посредством использования библиотечно-информационных ресурсов на различных носителях: бумажном (книжный фонд, фонд периодических изданий), цифровом (CD-диски), коммуникативном (компьютерные сети) и иных. Фонд библиотеки укомплектован учебной, методической, научной, справочной, отраслевой литературой, периодическими изданиями и стабильно пополняется.

Для эффективности и результативности учебного процесса четвертым факультетом постоянно ведется работа по организации взаимодействия с образовательными учреждениями, судом, органами прокуратуры и правоохранительными структурами. В рамках договоров о творческом сотрудничестве в учебном процессе принимают участие: судьи Нижегородского областного суда; сотрудники прокуратуры Нижегородской области и Управления Генеральной прокуратуры РФ в Приволжском федеральном округе; сотрудники Главного управления ФСИН по Нижегородской области, отдела пропаганды безопасности дорожного движения УГИБДД ГУ МВД России по Нижегородской области, Приволжского регионального центра судебных экспертиз, Межрегионального управления Росфинмониторинга по Приволжскому федеральному округу, Приволжского регионального центра МЧС России; преподаватели Нижегородской академии МВД России, Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского и др.

Огромную роль в улучшении качества учебного процесса играет взаимодействие четвертого факультета со следственными управлениями Следственного комитета, территориально входящими в Приволжский федеральный округ. Уделяя взаимодействию со следственными органами повышенное внимание, сотрудники четвертого факультета исходят из следующего. В современной России взаимодействие определяется как социальное партнерство, которое является очень значимой областью человеческих отношений. Синонимом слова «взаимодействие» является «сотрудничество», которое в Толковом словаре русского языка

⁵ Ушакова Д. Н. Толковый словарь русского языка // URL: <http://www.dict.t-mm.ru/ushakov>.

Д. Н. Ушакова определяется как совместная деятельность⁵. Повышение квалификации в профильном учебном заведении не может быть эффективным, если оно будет замкнуто, отдалено от практической деятельности; только вместе, объединив усилия следственных органов и преподавателей, можно сформировать сотрудников, профессионально подготовленных к выполнению сложной и многогранной следственной деятельности. Следственные органы должны проявлять активность в формулировке требований к количеству и качеству профессиональной подготовки своих сотрудников, а образовательное учреждение — удовлетворять их запросы. Понимая это, региональные следственные управления не могли оставаться только исполнителями предлагаемых планов по повышению квалификации и наблюдателями за процессом обучения. Жизнь требовала их активного включения и в сам процесс повышения квалификации.

Взаимодействие четвертого факультета и следственных управлений Следственного комитета Приволжского федерального округа выстроилось по следующим направлениям:

- обмен информацией по сотрудникам, прибывающим на обучение;
- участие наиболее квалифицированных сотрудников следственных органов в учебном процессе;
- обмен информацией о недостатках и об ошибках предварительного следствия;
- обмен подготовленными специальными изданиями.

По первому направлению формы взаимодействия сводятся к следующему:

1. Представление справок-анкет на сотрудников, планируемых к повышению квалификации, заявок на бронирование им мест в гостинице.
2. Информация следственных органов о замене либо о невозможности прибытия на обучение ранее запланированного сотрудника.
3. Представление в следственные органы перечня тем для подготовки слушателями рефератов по конкретным программам повышения квалификации.
4. Информационные письма о результатах обучения каждого направленного сотрудника, о соблюдении им учебной дисциплины и о поведении.
5. Ежегодный мониторинг слушателями качества знаний, полученных на курсах повышения квалификации.

Взаимодействие по данному направлению позволяет:

- свести к минимуму повышение квалификации по дополнительной образовательной программе сотрудников, ранее по ней обучавшихся;
- выполнить в полном объеме план набора слушателей;
- не допускать фактов нарушений слушателями учебной и поведенческой дисциплины;
- исключить случаи неосвоения слушателями программы обучения;
- активизировать работу следственных органов по отбору кандидатов на повышение квалификации и спросу с них за результат обучения;
- осуществлять подготовку слушателями рефератов на высоком уровне, с возможностью их использования в учебном процессе и опубликования в специальной литературе;
- повысить стремление слушателей к процессу обучения, получению новых знаний и более высокой оценки по результатам повышения квалификации;
- использовать результаты мониторинга для совершенствования учебного процесса.

Следующее направление взаимодействия — участие наиболее квалифицированных сотрудников следственных органов в учебном процессе. Взаимодействие в этом направлении строится по выработанной схеме:

1. В следственные органы, входящие в Приволжский федеральный округ, направляются учебно-тематические планы дополнительных образовательных программ повышения квалификации с предложением выбора тем занятий, которые могут провести наиболее опытные и квалифицированные сотрудники следственного управления.
  2. С учетом поступивших предложений с кандидатом согласовывается время и форма проведения занятий (лекция, практическое занятие), полученные данные вносятся в расписание занятий.
  3. В адрес руководства следственного органа направляется письмо-вызов на сотрудника для его участия в учебном процессе с указанием времени проведения занятий, формы и темы, по результатам проведенных занятий направляется письмо-благодарность.
- Активное участие в учебном процессе принимают сотрудники следственных управлений Следственного комитета по Пензенской, Оренбургской, Нижегородской областям, по Удмурт-

ской Республике, по Республике Татарстан, по Республике Мордовия, Приволжского следственного управления на транспорте.

Взаимодействие по данному направлению способствовало:

- внедрению в процесс обучения эффективных методов следственной работы, применяемых в разных регионах Приволжского федерального округа, и их доступность для внедрения во всех следственных органах округа;
- использованию в учебном процессе профессорско-преподавательским составом четвертого факультета опыта работы региональных следственных органов;
- ознакомлению сотрудников следственных органов с деятельностью четвертого факультета, налаживанию контактов по профилирующим дисциплинам и использованию его в дальнейшей совместной деятельности.

Наиболее актуальным и эффективным как для учебного процесса, так и для работы следственных органов, на наш взгляд, является обмен информацией о недостатках и об ошибках предварительного следствия.

Ежеквартально следственные управления Следственного комитета Приволжского федерального округа направляют на четвертый факультет копии постановлений о направлении уголовных дел на дополнительное расследование прокурором, возвращение уголовных дел прокурору судом в порядке ст. 237 УПК РФ, а также оправдательных приговоров. Указанные процессуальные документы анализируются, выявленные ошибки предварительного следствия используются как при подготовке специальной учебной литературы, так и на аудиторных занятиях (лекционных, практических, круглых столах и т.п.), в частности по темам: «Техника составления обвинительного заключения. Ошибки, допускаемые при составлении обвинительного заключения»; «Анализ следственной и судебной практики по решениям реабилитирующего характера»; «Анализ причин возвращения уголовных дел прокурором и судом в порядке ст. 221 и 237 УПК РФ и вынесения судом оправдательных приговоров по уголовным делам». Нередко слушатели узнают свои уголовные дела, в этом случае преподаватель разбирает допущенные ошибки уже с кон-

кретным исполнителем, привлекая к обсуждению других слушателей, что в определенной степени имеет положительный результат.

Одним из направлений взаимодействия является обмен подготовленными специальными изданиями. Ряд следственных органов для использования в деятельности четвертого факультета направляют разработанные ими методические рекомендации, издаваемые бюллетени и другой специальный материал (видеофильмы, электронные издания и т.п.). Четвертый факультет при подготовке специальной литературы (учебных пособий, учебно-практических, учебно-методических пособий) производит ее рассылку во все следственные управления Следственного комитета Приволжского федерального округа. Взаимодействие в данном направлении, например, способствовало развитию деятельности четвертого факультета по воспитанию патриотизма следственных работников.

Сегодня осуществляемая четвертым факультетом образовательная деятельность представляется не только педагогической, но и воспитательной. Образование и воспитание — основа социума, именно они обуславливают эффективность всех элементов и факторов общественного прогресса. Воспитание возникло вместе с человеческим обществом и существует, пока живет общество. Оно является одним из важнейших средств обеспечения существования и преемственности поколений, подготовки производительных сил и развития общества⁶.

Важнейшей проблемой современного образования является восстановление единства систем обучения и воспитания, которое всегда было особенностью российского образования. Это подчеркнул и Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая в г. Краснодаре 12 сентября 2012 года на встрече с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи: «Нам необходимо в полной мере использовать лучший опыт воспитания и просвещения, который был и в Российской империи, и в Советском Союзе».

Судьба молодого поколения в значительной мере зависит от устойчивого функционирования взаимосвязанных систем образования и воспитания, определяющих нравственные ориентиры, дающие знания и прочную духов-

⁶ Кванина В. В. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере высшего профессионального образования : монография. М., 2005. С. 10.

ную опору на подлинные, а не мнимые жизненные ценности, формирующие гражданственность и патриотизм.

Не секрет, что сегодня в России отношение к патриотизму неоднозначное, это связано в основном с изменением ценностей современной молодежи. Поэтому особую роль приобретает воспитание истинного патриотизма, определению которому дано Президентом Российской Федерации на вышеуказанной встрече: «это уважение к своей истории и традициям, духовным ценностям наших народов, нашей тысячелетней культуре и уникальному опыту сосуществования сотен народов и языков на территории России. Это ответственность за свою страну и ее будущее».

Решение задачи государственной национальной политики Российской Федерации в сфере патриотического воспитания определяется формированием общероссийского гражданского самосознания, чувства патриотизма, гражданской ответственности, гордости за историю страны, воспитанием культуры межнационального общения, основанной на толерантности, уважении чести и национального достоинства граждан, духовных и нравственных ценностей народов России.

Служба в Следственном комитете в нашем сознании ассоциируется со словом «честь», так как она связана с такими понятиями, как честь мундира, честь офицера, уважение чести и достоинства личности.

По В. Далю, «честь — это внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть»⁷. С нашей точки зрения, именно на данных понятиях основываются морально-нравственные нормы следственной деятельности. С учетом этого патриотическое воспитание сотрудников Следственного комитета рассматривается нами и как воспитание морально-нравственных качеств, важных в следственной работе.

Для проведения мероприятий патриотической направленности на четвертом факультете используется весь имеющийся потенциал: государственная символика, аудиторная площадка, музей, видеотека и наглядная агитация.

На факультете реализуются традиционные, хорошо зарекомендовавшие себя в прошлом и современные формы воспитательной ра-

боты. С целью реализации учебно-теоретических основ патриотического воспитания в учебно-тематический план всех дополнительных образовательных программ повышения квалификации включены занятия по темам: «Нормативная правовая база, регулирующая деятельность следственных органов», «Профилактика коррупционных правонарушений», «Актуальные изменения в уголовном, уголовно-процессуальном и ином законодательстве», «Психологические аспекты деятельности следственной работы. Психология общения. Коммуникативная компетентность», «Методы преодоления противодействия, оказываемого участниками уголовного судопроизводства», «Практика Европейского Суда по правам человека при обеспечении разумных сроков уголовного судопроизводства на досудебной стадии. Проблемы исчисления сроков предварительного следствия», «Основные правовые, организационные меры по профилактике дорожно-транспортных правонарушений», «Укрепление исполнительской дисциплины», «Основные положения Кодекса этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета России». Занятие по теме «Профессиональная честь, мастерство, неподкупность, моральная чистота и скромность — традиции сотрудников Следственного комитета России» сопровождается демонстрацией документальных фильмов «Честь мундира» и «Убит следователь».

На наш взгляд, важнейшим фактором, требующим изменения подхода к патриотическому воспитанию, является возникновение условий для непосредственного включения слушателей в жизнь общества через развитие у них патриотических чувств. С этой целью в мае каждого года слушателям предлагается подготовить очерк о ветеранах Великой Отечественной войны и следственных органов. С большим уважением к историческому прошлому и гордостью за своих земляков слушатели рассказали о многих из них.

Самым ярким мероприятием в воспитании патриотизма является традиционная встреча с ветеранами следственных органов. Встреча с профессионалами, верными выбранной в молодости нелегкой профессии следователя, не только показывает живучесть преемственности поколений, но и раскрывает этапы ста-

⁷ Даль В. И. Толковый словарь // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/375190>.

новления российского следствия на примерах конкретных человеческих судеб. Во время таких встреч знакомство с людьми, соприкасавшимися с уже историческими для молодых следователей периодами следственной работы, играет важную роль в формировании следственного идеала.

Разнообразие форм воспитательной работы⁸, по нашему мнению, формирует позитивное отношение к службе в органах Следственного комитета; способствует развитию познавательного интереса к профессии, активному освоению методик проведения следственных действий; оказывает положительное влияние на совершенствование профессиональной деятельности и саморазвития; способствует привлечению сотрудников к решению общегосударственных и ведомственных задач, умению действовать в соответствии с национальными интересами России, форми-

рованию высокого патриотического сознания, верности Отечеству, выполнению конституционных и служебных обязанностей.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что задача, поставленная руководством Следственного комитета Российской Федерации по организации повышения квалификации следователей в Приволжском федеральном округе, выполняется.

Новая форма дополнительного профессионального образования следователей, созданная в Следственном комитете, — окружные учебные структуры (факультеты Академии) — не только успешно прошла путь становления, но и интенсивно развивается: растут масштабы деятельности факультетов, совершенствуется качество учебного процесса, а это создает уверенность в эффективном и результативном профессиональном образовании сотрудников Следственного комитета и в будущем.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Багмет А. М. Организация деятельности Академии Следственного комитета Российской Федерации — нового учреждения высшего образования в системе российского юридического образования // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2014. — № 1.
2. Настольная книга следователя / под общ. ред. Г. Н. Сафонова. — М. : Юридическая литература, 1949.
3. Ямников В. Профессиональная подготовка следователя // Законность. — 2006. — № 10.

Материал поступил в редакцию 27 августа 2015 г.

FORMATION OF VOCATIONAL EDUCATION FOR INVESTIGATORS OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE VOLGA FEDERAL DISTRICT

KURNYSHOVA Elena Aleksandrovna — PhD in Pedagogics, Deputy Director of the Institute of Continuous Education of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; Dean of the 4th Faculty of Continuous Education (Nizhny Novgorod).

kurnysheva@yandex.ru

603104, Russia, Nizhny Novgorod, Krasnozvezdnaya street, 5.

RODIONOVA Yulia Viktorovna — PhD in Political Studies, Associate Professor at the Department of Criminal Procedure of the 4th Faculty of Continuous Education (Nizhny Novgorod) the Institute of Continuous Education of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

rodionova@mail.ru

603104, Russia, Nizhny Novgorod, Krasnozvezdnaya street, 5.

Review. *The article demonstrates the process of development of vocational training for investigating officers of the Investigative Committee of Russian Federation in the Volga Federal District. The article also outlines the chronology of the creation of a new form of additional vocational training of the staff of the Investigative Committee of the Russian Federation — District educational structure - the fourth faculty (located in Nizhny Novgorod) the Institute of Continuous Education FSCEI HE "The Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation."*

⁸ См. подробно: Курнышева Е. А. Воспитание патриотизма в стенах Академии Следственного комитета Российской Федерации // Вестник Академии Следственного комитета России. 2014. Вып. 1. С. 111—113.

The authors have disclosed some activities of the 4th Faculty of Continuous Education, one of which is a priority for the Investigative Committee of Russia as a whole is the organization of work to improve the professional development of young investigating officers.

They highlighted the principles of creation of a system for quality of education, the structural elements of the control system of education quality implemented in the 4th Faculty of Continuous Education, for example, level of knowledge control when enrolling students, control of knowledge and skills students have gained following the learning of a particular subject, e.g. criminal law, criminal procedure, criminology, and final examination (defense of their final paper (essay), examination in the form of a test.

The article shows the interaction between practitioners and faculty members as a form which improves the quality of the educational process.

The authors pay attention to the unity of the systems of training and education following the example of the 4th Faculty of Continuous Education of the the Institute of Continuous Education. This study reflects the development of patriotic education of the staff of the Investigative Committee in the framework of their education and skills enhancement at various programs, the impact of such education on the development of the employees' moral qualities in exercising of their professional activities, namely investigation of crimes.

The authors sum up the results of execution of the task on the organization of skills enhancement training of investigating officers of the Investigative Committee of the Russian Federation in the Volga Federal District. Thus, the 4th Faculty of Continuous Education not only provides educational programs, but also creates a solid scientific base by means of attracting students to the process of writing of scientific papers - abstracts, reports, and their participation in scientific forums held fourth faculty during their training.

Keywords: *vocational training, continuous education, the investigating officer, the Investigative Committee of the Russian Federation, Volga Federal District, the Academy, the 4th Faculty, the learning process, providing education, students, formation of a scientific foundation.*

BIBLIOGRAPHY

1. *Bagmet A. M.* The organization of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation — a new higher education institution in the system of Russian legal education. // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. Moscow. — 2014. — No 1.
2. *Investigating officer's reference book.* Safonov G.N. (ed.). — Moscow, Law books, 1949.
3. *Yamnikov V.* Vocational training of an investigating officer. Legality — 2006. — No 10.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

А. В. Хмелева*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ В РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы становления и развития в России такого процессуального института, как предварительное следствие. В связи с выдвигаемыми в последнее время предложениями по реформированию следствия особое значение приобретает ретроспективный взгляд на формирование следственных органов, зарождение института судебных следователей, особенности их процессуального положения, полномочий, организации взаимодействия с органами прокуратуры и полиции. Не вызывает сомнения, что исторические исследования возникновения и формирования какого-либо правового института помогают лучше понять его предназначение, место в правовой системе, эффективность функционирования.

Начало новой эры в уголовном процессе России было положено реформами 1860—1864 гг., основные завоевания которых отражены в Уставе уголовного судопроизводства. Анализ его норм позволяет констатировать, что в России устанавливался смешанный тип уголовного процесса с преобладанием следственно-розыскных признаков на предварительном следствии и состязательных — на судебной стадии.

В статье подробно анализируются содержащиеся в подписанных Александром II 8 июня 1860 г. Учреждении судебных следователей и Наказе судебным следователям процессуальные полномочия судебного следователя. Подчеркивается, что несмотря на то, что в деятельности следователя усматривался обвинительный уклон, следователь был обязан с полным беспристрастием выяснять как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие; целью его деятельности определялось установление материальной истины относительно совершенного деяния.

В 1894 г. была создана специальная комиссия, призванная обобщить опыт организации и результатов предварительного следствия, выявить имеющиеся недостатки и выработать предложения по его совершенствованию. Было установлено, что предполагаемая самостоятельность и процессуальная независимость судебных следователей фактически не была достигнута, качество следствия зачастую не отвечало предъявляемым требованиям, наблюдались длительные сроки следствия, что во многом объяснялось существенной нагрузкой на следователя (одновременно в его производстве обычно находилось 20—40 дел).

В результате предпринятой попытки исторического анализа результатов проведенной реформы следствия в России в середине XIX в. и предложений о возврате к институту судебных следователей в наше время автор отмечает, что при реформировании следствия необходимо исходить из существующей финансовой обстановки в государстве, кадрового состава следственного и судебного корпуса, национальных традиций, менталитета, уровня правосознания населения и сотрудников правоохранительных органов.

© Хмелева А. В., 2016

* Хмелева Алла Владимировна, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой криминалистики Академии Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции
hmeleva.alla@mail.ru
125080, Россия, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

По мнению автора, совершенствование организации и производства предварительного следствия должно осуществляться путем решения законодательных проблем, укрепления материальной базы следственных органов, всесторонней работы по повышению престижности и значимости должности следователя, развития в нем чувства достоинства, уважения к профессии и уважения себя в профессии, воспитания сопричастности с теми, кто стоял у истоков следствия в России. А для этого надо всемерно укреплять созданный в 2011 г. специализированный следственный орган — Следственный комитет Российской Федерации, принципиально новое ведомство, которое подчинено непосредственно главе государства. После майорских следственных канцелярий XVIII в. в России вновь созданы специализированные самостоятельные следственные органы, которые в известной степени несут черты национальной исторической традиции.

Ключевые слова: создание, реформирование следственных органов, уголовно-процессуальное законодательство, судебный следователь, Устав уголовного судопроизводства, Учреждение судебных следователей, полномочия и процессуальное положение, прокурор, полиция, суд, недостатки следствия.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.113.4.151-161

История предков всегда любопытна для того,
кто достоин иметь Отечество.
Н. М. Карамзин

Вопросы истории российского уголовно-процессуального законодательства, связанные с возникновением, становлением и развитием тех или иных процессуальных институтов, сегодня вызывают повышенный интерес ученого сообщества и как никогда актуальны, особенно в контексте намечаемого и предлагаемого реформирования следственных и судебных органов. Во многом именно этим обусловлено стремление познать исторические корни организации и деятельности следственных структур, факторов, оказавших влияние на их формирование и функционирование.

«Понять тенденции развития современного уголовного судопроизводства, раскрыть сущность и значение существующих в настоящее время уголовно-процессуальных институтов невозможно “без взгляда назад”, без изучения бесценного опыта наших предшественников»¹.

Исторические исследования возникновения и становления какого-либо правового института помогают лучше понять его историческое предназначение, место в правовой системе, эффективность функционирования. Нельзя не согласиться с Ю. А. Цветковым, что именно

в недрах истории следует искать ответы на самые сложные и запутанные вопросы реформирования системы досудебного производства по уголовным делам².

В начале XIX в. в России по Своду законов Российской империи 1832 г. следствие делилось на предварительное и формальное. В дальнейшем «старое» предварительное следствие получило форму дознания, а формальное — предварительного следствия. Коренным образом изменили российское уголовное судопроизводство реформы 1860—1864 гг. «Быть по сему...» — начертал 20 ноября 1864 г. император Александр II на первом листе Устава уголовного судопроизводства (далее также — УУС). Тем самым было положено начало новой эры в уголовном процессе России вообще и в предварительном следствии в частности.

Анализ норм Устава уголовного судопроизводства 1864 г., Учреждения судебных следователей 1860 г. (далее — УСС) позволяет констатировать, что этими документами фактически устанавливался смешанный тип состязательного уголовного процесса. То есть русское уголовное судопроизводство образца 1864 г. можно

¹ Очерки развития уголовно-процессуального законодательства / под ред. И. В. Смольковой. М., 2011. С. 6.

² Цветков Ю. А. Исторические этапы развития органов предварительного следствия в России // История государства и права. 2015. № 3. С. 33.

определить как судопроизводство с преобладанием на предварительном следствии следственно-розыскных признаков, а на судебной стадии — состязательных. Предварительное следствие проводилось негласно, письменно, судебное же было основано на гласности, устности и состязательности. Такой смешанный характер процесса характеризуется сочетанием элементов, свойственным инквизиционному и состязательному типам уголовного судопроизводства.

Концепция судебной реформы середины 1990-х гг. и начала XX в. предусматривала построение уголовного судопроизводства на основе состязательности: исключение всех элементов обвинительной роли суда, равноправие сторон в состязательном судебном заседании, а также развитие состязательности на досудебной стадии процесса. Особое значение имело возрождение суда присяжных.

В июне 2015 г. исполнилось 155 лет со дня появления в уголовном процессе России института судебных следователей. Одна из главных ролей в его становлении принадлежала известному юристу Н. И. Стояновскому. Его концепция была основана на обобщении опыта западных стран. Опираясь на процессуально-правовые доктрины европейских государств, к ноябрю 1859 г. Н. И. Стояновский подготовил служебную записку о путях реформирования следствия в России. При этом он исходил из теоретического положения, что «власть следственная есть часть власти судебной». По его мнению, следственный аппарат должен был находиться в судебном ведомстве, организационное подчинение следственного аппарата суду трактовалось им как средство обеспечения независимости следственного аппарата от административной и полицейской власти.

В марте 1860 г. специально созданная комиссия на основе служебной записки Н. И. Стояновского подготовила проект закона «Учреждение следственных судей». Проект в целом был одобрен императором, в него внесены лишь некоторые изменения, коррективы, в частности термин «следственный судья» был изменен на «судебный следователь». При этом справедливо исходили из того, что рас-

сматриваемое должностное лицо несоизмеримо больше занимается расследованием преступлений, чем выполнением собственно судебных функций. (В настоящее время некоторые авторы используют эти термины как синонимы, но представляется, что это не совсем корректно³. Напомним в связи с этим слова А. Ф. Кони: «Стоит переставить слова в народном выражении “кровь с молоком” и сказать “молоко с кровью”, чтобы увидеть значение отдельного слова»⁴).

Александр II одобрил проект закона: 8 июня 1860 г. им был издан Именной Указ Правительствующему Сенату об отделении полиции от производства следствий по преступлениям и проступкам.

К Указу прилагались три законодательных акта:

- 1) Учреждение судебных следователей;
- 2) Наказ судебным следователям;
- 3) Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок.

В соответствии с данным Указом предписывалось «отделить следственную часть от полиции» и в 44 губерниях назначать особых, подведомственных Министерству юстиции чиновников, «наименовав их судебными следователями». Таким образом, в 1860 г. в юридической сфере появилась должность следователя (до этого в разные исторические периоды расследование было возложено на дьяков приказов, фискалов, приставов, сыщиков, сотрудников полиции: урядников, становых приставов и др.).

За полицией оставалось расследование маловажных преступлений и проступков, а также «первоначальное дознание о происшествиях, кои могут по связи с преступлением более важным подлежать рассмотрению судебных мест».

Следователи должны были назначаться из лиц, имевших высшее или среднее образование, обладавших навыками в расследовании дел и отличавшихся добросовестностью. Фактически следователь находился в организационном и процессуальном подчинении окружного суда. Если он не был загружен делами, то мог участвовать в делах уездного суда наравне

³ См., например: Смирнов А. В. Почему России нужен новый Уголовно-процессуальный кодекс // Уголовный процесс. 2014. № 9. С. 76.

⁴ Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики) // Избранные труды и речи. М., 2013. С. 533.

с прочими его членами, однако ему запрещалось участвовать в рассмотрении тех дел, которые он расследовал.

Судебные следователи учреждались как независимые должностные лица, подчинявшиеся только суду. Так, только суду предоставлялось «право делать следователям указы и предписания, проверять их действия, назначать преследования, останавливать производство следствия, определять передачу дел от одного следователя другому». Суд также рассматривал жалобы на действия следователя.

Законодатель предоставил следователю максимальную для того времени независимость и самостоятельность. Гарантией его независимости являлось прежде всего то, что от должности он мог «быть удален не иначе как с преданием суду», взыскания по службе налагались на него «судами второй степени». Суд, прокурор вправе были требовать от судебного следователя письменные сведения о положении производимого им следствия только в случае жалобы на неправильное задержание лица. Все государственные органы, чиновники, частные лица были обязаны исполнять требования следователя.

До судебной реформы 1864 г. независимое от исполнительской власти положение следователей ограничивалось тем, что они находились в зависимости от губернаторов, которые их назначали, перемещали, распределяли по участкам, давали предписания, получали по ним рапорты. В ходе реформы был введен прокурорский надзор за предварительным расследованием. Было принято положение, согласно которому судебные следователи, наравне с другими членами суда, назначались на должность императором, им же они отстранялись от должности по представлению министра юстиции (с подачи губернатора), причем перечень этих случаев был общим и для судей, считавшихся несменяемыми, и для следователей. Перевод следователя из участка в участок осуществлялся в случаях «крайней необходимости» министром юстиции на основании постановления суда.

Этим законодотворцы старались обеспечить несменяемость судебных следователей наравне с судьями. Но фактически несменяемость следователей была отменена тем, что Министерство юстиции, вместо соблюдения установленного порядка в назначении на должность

следователей, стало командировать к исполнению таковой причисленных к нему чиновников. Это объяснялось нехваткой в первое время опытных людей и опасением сознательных и бессознательных упущений и нарушений⁵.

К следователям предъявлялись следующие квалификационные требования: наличие высшего юридического образования, предпочтительно — университетского, и стаж практической работы в должности не ниже секретаря окружного суда в течение трех лет. Порядок назначения на должность устанавливался следующий: при открытии вакансии собиралось общее собрание членов окружного суда, оно определяло кандидатуру на должность. Председатель окружного суда направлял соответствующее представление старшему председателю судебной палаты, тот — министру юстиции. Решение о назначении принимал император. Такой порядок назначения должен был гарантировать процессуальную независимость следователя. За упущения по службе следователю, как и судьям, могло быть объявлено только предостережение. Оно объявлялось судебной палатой после коллегиального обсуждения.

На должности следователя назначались преимущественно лица, «окончившие курс наук в высших или средних учебных заведениях, произведшие несколько успешных следствий и известные начальству опытностью и добросовестностью». Успешно окончившие учебу молодые люди могли стать кандидатами на должность судебных следователей. Для получения должности следователя претендент должен был соответствовать ряду условий и требований. Так, следователем не могли быть назначены лица, состоящие под судом и следствием за совершение преступлений и проступков; подвергшиеся по судебным приговорам тюремному заключению; исключенные со службы или из дворянского, духовного или иных сословий; объявленные несостоятельными должниками; состоящие под опекой; принимавшие участие в период обучения «в противозаконных проявлениях». Возрастной ценз для следователей был установлен в 25 лет.

При окружных судах состояли старшие и младшие кандидаты на должность судебных следователей. Звание старших кандидатов присваивалось лицам, имеющим высшее юридиче-

⁵ Кони А. Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России // Избранные труды и речи. С. 469.

ское образование, со стажем не менее полутора лет по судебному ведомству и получившим от суда удостоверение о приобретении достаточной практической подготовки. Если в течение двух лет младший кандидат не получал такого удостоверения, он лишался этого звания.

В Учреждении судебных следователей указывалось, что они состоят в должности 8-го класса (коллежский ассессор) и носят мундир этого же класса, а на пенсии считаются в 6-м разряде (коллежский советник). Во время командировок выплачивались суточные — 1 руб. 20 коп. Судебным следователям «назначались квартиры и лошади для разъездов», а также содержание — 800 руб. серебром в год (жалованья 400 руб. и столовых 400 руб.). Кроме этого, выдавалось 200 руб. серебром на канцелярские издержки, наем рассыльных и другие расходы.

Интересно, что до революции женщины не могли занимать должности следователей, прокуроров и судей. 9 мая 1900 г. император по предложению Кабинета министров лишь повелел: «Допустить лиц женского пола к исполнению обязанностей по письменной и счетной частям в центральных и местных учреждениях Министерства юстиции, а также канцеляриях, без предоставления им каких-либо прав и преимуществ, государственной службой приобретаемых, а равно права на замещение штатных должностей».

В соответствии со ст. 9 УСС к обязанности полицейских органов «относятся только первоначальные изыскания», которые свидетельствуют о совершении преступления или проступка. К обязанности судебных следователей — все дальнейшие действия, необходимые, чтобы «изыскать, получить и сохранить все те сведения и доказательства, которые нужны суду для произнесения правильного приговора». Закреплялись и основания «к производству следствия» — письменные требования судебных мест, губернского прокурора, городской и земской полиции, исправника и приставов суда. Следователь самостоятельно возбуждал дело в случае явки с повинной «или же когда преступление усмотрено при производстве следствия по другому преступлению или проступку». Ограничивалось и вмешательство в дела следователя со стороны суда, прокурора, которые «вправе были требовать от судебного следователя письменных сведений только в случае жалобы на неправильное задержание лица». При проведении следственного действия составлялся протокол.

Следствие было обязательно по всем делам о тяжких преступлениях, подсудных окружному суду или судебной палате. Как правило, уголовные дела возбуждались по указанию прокурора. Следователь был полномочен проверять, дополнять или отменять действия полиции, поручать ей производство справок, дознания. Начатое следователем производство по делу не могло быть прекращено прокурором, который был обязан вопрос о прекращении следствия ставить перед окружным судом. Только суд мог прекращать уголовные дела (ст. 277 УУС). Таким образом, для обеспечения законной деятельности судебного следователя учреждался контроль суда и прокурорский надзор.

Приступая к следствию по предложению лиц прокурорского надзора и сообщениям полиции, присутственных мест и должностных лиц, а также по объявлениям и жалобам частных лиц, обращенных к ним непосредственно, а в некоторых случаях и по личному усмотрению, судебные следователи обязаны не начинать предварительного следствия без законного повода и достаточного основания (ст. 262, 297, 1006, 1008, 1136 УУС).

В статье 265 УУС определены задачи предварительного следствия:

- 1) исследование преступного деяния;
- 2) обнаружение виновных лиц, привлечение их к следствию и пресечение возможности уклоняться от следствия;
- 3) исследование виновности лиц, совершивших преступное деяние, в смысле проверки как улик, так и оправданий обвиняемого;
- 4) восстановление прав, нарушенных преступным деянием.

К следственным действиям относились: допросы свидетелей и обвиняемых, осмотр и освидетельствование, обыск, выемка, привлечение сведущих лиц, собирание необходимых сведений через полицию. Каждое следственное действие должно проводиться в установленном порядке и должно быть обличено в письменную форму.

Существенно отличалась от современного уголовно-процессуального законодательства стадия завершения предварительного следствия: по УУС обвинительный акт (обвинительное заключение в сегодняшнем понимании) составлялся прокурором, которому судебный следователь передавал завершённое производство по делу, при необходимости прокурор имел право «обратить дело к доследованию» (ст. 512 УУС).

Несмотря на то что в деятельности следователя усматривался обвинительный уклон, согласно его изначальному предназначению и закону субъектом обвинения он не являлся. По смыслу закона следователь был обязан с полным беспристрастием выяснять как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие (ст. 265 УУС). «Обязанности, возлагаемые на следователей, свидетельствовали, что они должны быть обвинителями и защитниками обвиняемого. А вместе с тем — и беспристрастными исследователями всех доказательств и улики вины и невинности подсудимого»⁶. В Основных положениях уголовного судопроизводства, являющихся введением (или объяснительной запиской) Устава уголовного судопроизводства, выделена цель уголовного судопроизводства — обнаружение материальной истины относительно происшествия или деяния, признаваемого преступлением, и наказание действительно виновного в совершении преступления или проступка. Предписывалось, чтобы в уголовном судопроизводстве все действия, предшествующие решению дела, были направлены на получение удостоверения в действительном совершении преступления обвиняемым и в степени его виновности⁷.

Известный правовед П. И. Люблинский в своих работах того времени отмечал: «В следователе, этом всеобъемлющем органе, соединяются вместе обязанности судьи, обвинителя, защитника и даже органа полиции»⁸, а выдающийся государственный деятель Н. В. Муравьев писал в 1886 г. о процессуальном призвании следователя: «Следователь в значительной степени держит в своих руках судьбу уголовной истины»⁹. Интересно, что это созвучно и с отдельными оценками роли следователя

в современных условиях: например, А. М. Багмет дал емкую формулировку процессуальной роли следователя: «Следователь — судья на досудебной стадии»¹⁰.

По мнению сенатора В. К. Случевского, для следователя необходимо было, «чтобы он обладал развитым чувством справедливости, способностью господствовать над своими увлечениями, пронизательным умом, знанием людей и разнообразнейших условий их жизни, а также прочими юридическими сведениями и хорошим здоровьем»¹¹.

(Отметим, что это созвучно с требованиями, которые предъявляются к следователю в наши дни. В интервью «Российской газете» Председатель СК России А. И. Бастрыкин отметил: «Главным в профессии следователя должна быть справедливость... Следователь должен руководствоваться не только юридическими, но и нравственными законами, отыскивая истину...»)¹².

О приверженности первых следователей этой трудной, но почетной должности А. Ф. Кони писал: «Некоторых из утвержденных следователей первого года судебной реформы не могли соблазнить никакие назначения. Достоин неся и осуществляя свою судебную независимость, они и умерли, занимая должности именно такого следователя, какого себе представляли и начертали составители Судебных уставов. Большинство из них неохотно меняло свою живую деятельность на звание члена суда или на должность прокурора, сродняясь со своими участками и тесно сплоченным товарищеским кругом... Должностных лиц полиции заменили люди высшего образования с чувством не только собственного достоинства, но и достоинства носимого ими звания и присвоенной им власти»¹³.

⁶ Объяснительная записка к проекту новой редакции Устава уголовного судопроизводства. СПб. : Сенатская типография, 1900. Т. 2 : Дознание и предварительное следствие. С. 4.

⁷ Пашин С. Краткий очерк судебных реформ и революций в России // Отечественные записки. М., 2003. № 2. С. 161—182.

⁸ Очерки развития уголовно-процессуального законодательства. С. 185.

⁹ Аверченко А. К., Серов Д. О. Организация следственного аппарата России: история и современность // Вестник НГУ. Т. 2. Вып. 1. 2006. С. 5.

¹⁰ Багмет А. М. Следователь — судья на досудебной стадии // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения : сборник науч.-практ. трудов Академии Следственного комитета России. Вып. 4. М., 2014. С. 337.

¹¹ Цветков Ю. А. Процессуальная самостоятельность как проблема формирования профессионального мышления // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. Вып. 4. М., 2014. С. 376.

¹² Бастрыкин А. И. Интервью // Российская газета. 2015. 20 января.

30 лет существования учреждения — достаточный период для оценки деятельности, организации и жизнеспособности того или иного учреждения. Поэтому при царствовании Александра III по инициативе министра юстиции Н. В. Муравьева 7 апреля 1894 г. была учреждена Комиссия по пересмотру Судебных уставов 1864 г., которая собирала и изучала материалы по практическому применению, проводила научные дискуссии и разрабатывала предложения по совершенствованию и реформированию законодательства. Отчет о работе комиссии составил 42 тома, один из них посвящен дознанию и предварительному следствию.

Комиссией было отмечено отсутствие должного взаимодействия следственных органов с органами полиции, которые должны были проводить дознание и первоначальные следственные действия. «По каким-то темным причинам, — говорит судебный следователь фон Бергхольц, — судебные следователи встречают в большей части полицейских чиновников такой антагонизм, что, вместо ожидаемого содействия и помощи, следователи встречают только затруднения»¹⁴.

«Следователь не был достаточно самостоятелен. Подчиненный прямо уездному суду и косвенно — губернскому прокурору и губернатору, он был в значительной степени связан в своих действиях и не знал иногда, в чем найти опору», — писал А. Ф. Кони¹⁵.

Кроме этого, как недостатки были отмечены большие размеры участков, закрепленных за следователем, удаленность местонахождения следователя от других населенных пунктов участка, загруженность следователя и его малоопытность. «Неподготовленный к делу кандидат, получив назначение следователя, да еще в уездный город, в котором не с кем посоветоваться (если там нет другого следователя), делается горе-мучеником. И долго он производит эксперименты и над собою, и над людьми, с которыми ему приходится иметь дело, и над следствием»¹⁶. (Не правда ли, можно увидеть аналогии с сегодняшним днем?) Отмечалось,

что большое количество дел, находящихся в производстве следователя (20–40 дел) порождает медлительность в производстве следствий, а с другой стороны, отрицательно сказывается на их качестве.

В материалах для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий говорится: «Имея большое количество дел в производстве, а тем более при переходящем из месяца в месяц накоплении дел, самый добросовестный и энергичный следователь неизбежно разбрасывается и легко теряет нить отдельного следствия, постоянно отрывается и переходит от одного к другому и, в конце концов, остается подавленным множеством, иногда чисто механической, канцелярской работы. Это влечет за собой следующие последствия:

- 1) следователь начинает заниматься немногими почему-либо интересующими его следствиями, а остальные откладывает в сторону, соблюдая по ним самые необходимые формальности;
- 2) он вообще перестает относиться с живым интересом к производимым следствиям и достаточно старательно обрабатывать каждое из них;
- 3) сбитый с толку возрастающим накоплением дел, следователь все более и более запутывает состояние своего участка и, махнув рукой на него, безнадежно ожидает какого-нибудь случайного исхода.

Около 10 % от общего количества дел возвращается прокурорами на доследование, что также отрицательно сказывается на сроках следствия»¹⁷ (кстати, по результатам 2014 года этот показатель равен 4 %).

Если мы обратимся к документам того времени, то обнаружим, что одними из недостатков следствия были волокита, большие сроки следствия. В опубликованных документах Комиссии упомянуто расследование кражи из московского уездного казначейства медной монеты на 115 тыс. руб., начатое в 1844 году и оконченное лишь в 1865 году, то есть через двадцать один год. Можно привести еще один

¹³ Кони А. Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России // Собр. соч. М., 1967. Т. 4. С. 465.

¹⁴ Объяснительная записка... С. 3–4.

¹⁵ Кони А. Ф. Судебная реформа и суд присяжных // Избранные труды и речи. С. 417.

¹⁶ Хрулев С. Суды и судебные порядки // Юридический вестник. 1884. № 9. С. 32.

¹⁷ Объяснительная записка... С. 46–47.

пример — известное дело «червонных вальтов» о мошеннических действиях группы дворян, мещан, военных, следствие по которому длилось 10 лет.

Вот еще одно документальное свидетельство: 24 февраля 1915 г. в газете «Южный край» было опубликовано письмо харьковских присяжных заседателей, в котором они писали о возмутительной волоките в производстве предварительного следствия:

«Разобрав длинный ряд дел, предложенных на наше рассмотрение, мы не можем не отметить, что в огромном числе случаев эти дела касаются событий, имевших место пять, семь и даже более лет тому назад, что многие подсудимые в момент совершения деяния, вменяемого им в вину, были подростками с детским разумением, на суд же явились уже отцами семейств, представляя, в сущности, совсем иную личность, чем та, которая привлекла в себе внимание следственной власти. К тому же многие подробности дела за давностью не могут быть восстановлены»¹⁸.

Комиссия 1894 г. отмечала «огромный процент следственных дел, оканчивающихся обнаружением виновных; множество дел, поступающих в суды в неудовлетворительном виде и не дающих правильных данных для решений присяжных, которые часто бывают оправдательными; медлительность следствия, которая отзывается на долгом содержании обвиняемых под стражей»¹⁹.

Выявленные недостатки следствия способствовали тому, что в обществе возникали сомнения в целесообразности существования института судебных следователей. Так, министр внутренних дел П. А. Валуев направил в Государственный совет проект реорганизации предварительного расследования, заявив, что с учреждением судебных следователей предварительное следствие «пришло в еще худшее положение»²⁰.

Проведенная реформа не была последовательна в стремлении создать независимое положение судебному следователю. Например, следователи поначалу находились в зависимости от губернаторов, которые их назначали, пе-

ремещали, увольняли, распределяли по участкам. В дальнейшем главы губерний давали судебным следователям предписания, получая от них рапорты, то есть реально существовала зависимость следователей от административной власти.

На практике не все проходило так гладко, как хотелось бы законодателям. Административная власть по-прежнему нередко вмешивалась в дела следователей. Тульский губернский прокурор писал в рапорте министру юстиции: «Губернатор принимает жалобы на действия судебных следователей и, не передавая эти жалобы на рассмотрение судебных мест, требует объяснений от следователей... Один из судебных следователей заявил прокурору, что почти по каждому делу он обязан давать объяснения губернатору, отчего проходит много времени на соби́рание сведений по жалобе, влекущей большей частью только затяжку дела». Калужский губернатор В. А. Арицмович также отмечал: «...Судьи не столько стараются помочь судебным следователям, сколько затрудняют их, замечая недостатки в производимых ими следствиях, нередко мелочные, не относящиеся к существу дела»²¹.

Как видно из отзывов лиц судебного ведомства того времени по поводу судебного преобразования, следователи при производстве следствий в большинстве случаев находились в крайне затруднительном положении. «... Всем опытом доказано, что от всех тех властей судебных, полицейских и административных, с которыми судебные следователи были в ежедневном соприкосновении, они встречали не столько содействие, сколько бездействие»²².

Юристы, обобщающие опыт следственной деятельности в России после принятия Устава уголовного судопроизводства, отмечали, что общепринятое неудовлетворительное состояние «нашей следственной части», несомненно, отражается на правильном отправлении правосудия.

В связи с этим предлагались следующие меры по совершенствованию предварительного следствия:

¹⁸ Советский следователь // Пособие для следователя. М., 1949. С. 5.

¹⁹ Объяснительная записка... С. 19.

²⁰ ЦГИА СССР. Ф. 1149. Оп. 6, 1864, д. 44, л. 251.

²¹ См.: Советский следователь // Пособие для следователя. М., 1949. С. 8.

²² Объяснительная записка... С. 6.

- 1) преобразование предварительного следствия на началах обвинительного процесса с допущением к участию в нем защиты обвиняемого;
- 2) учреждение судебной полиции для производства розыска и дознания;
- 3) изменения в устройстве органов следственной власти;
- 4) ограничение подследственности в смысле уменьшения дел, по которым требуется производство предварительного следствия.

Комиссия посчитала необходимым обратить внимание на то, что реформа предварительного следствия (как свидетельствует опыт западно-европейских законодательств) находится в теснейшей зависимости от местных и бытовых условий каждой страны и потому должна быть предпринимаема с особой осторожностью. Практика свидетельствует, что относительная успешность того или иного учреждения зависит не только от достоинства законодательных определений, но и от соответствия этих законоположений местным условиям, при которых установленный законом порядок осуществляется. В судебной организации следует опираться на национальные учреждения²³.

В заключение хотелось бы отметить следующее. В настоящее время многими учеными и практиками, которых волнуют вопросы совершенствования следствия (а одним из способов его предполагается реформирование следственных органов), выдвигается идея возврата института судебных следователей, аналогичного созданному в России в середине XIX в.

Однако официальные документы того времени (в том числе — статистика), научные труды, воспоминания ученых-юристов и практиков дореволюционного периода показывают: проведенная в середине XIX в. реформа следствия не избавила его от недостатков, которые, к сожалению, традиционны: это неустановление лица, совершившего преступление; низкое подчас качество следственных действий; большие сроки следствия. Не была обеспечена на деле независимость следователя от административной власти, прокурора; не был ликвидирован ведомственный контроль (он осуществлялся вышестоящими по должности судьями и кол-

лективными судебными органами). Вряд ли подобная реформа (то есть возврат института судебных следователей) в настоящее время станет панацеей от всех бед и недостатков следствия сегодняшнего. При реформировании следствия необходимо исходить из существующей финансовой обстановки в государстве, кадрового состава следственного и судебного корпуса, национальных традиций, менталитета, уровня правосознания населения и сотрудников правоохранительных органов. Форсирование прогресса в государственном строительстве может быть несвоевременным и отрицательно сказаться на криминогенной ситуации в обществе. Оценивая историческое значение уголовного судопроизводства, А. Ф. Кони совершенно справедливо писал: «Законы о судопроизводстве уголовном, помимо своего значения как ряда действующих правил об отправлении уголовного правосудия, имеют значение историческое... в смысле показателя путей и степени развития народа к восприятию господствующих форм и обрядов уголовного процесса и усвоению себе связанных с ними учреждений»²⁴.

Нужно изучать предшествующий опыт создателей и реформаторов следственных органов, брать на вооружение все лучшее в нем, но идти вперед, учитывая современные реалии правоприменительной практики; не нагромождать новые проблемы на еще не решенные. В противном случае наши следователи рискуют так и не поработать в условиях «послереформенного» следствия, находясь в круговороте реформ, причем реформ непоследовательных, представляющих собой шараханье из стороны в сторону. Следует согласиться с Ю. П. Буреленковым, который отметил: «Радикальные предложения о ликвидации предварительного следствия как формы досудебного производства по уголовным делам не основаны на современных российских реалиях. Любые предложения о реорганизации, ликвидации каких-либо правоохранительных органов, об изменении архитектуры их системы должны быть взвешенными и должны базироваться на глубочайшем мониторинге, расчете соотношения ожидаемых позитивных и неизбежных негативных последствий»²⁵.

²³ Объяснительная записка... С. 114.

²⁴ Кони А. Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России. С. 317.

²⁵ Буреленков Ю. П. О некоторых вопросах реформирования органов уголовного преследования // Российский следователь. 2013. № 10. С. 7.

Нам представляется, что совершенствование организации и производства предварительного следствия должно осуществляться путем решения законодательных проблем, укрепления материальной базы следственных органов, всесторонней работы по повышению престижности и значимости должности следователя, развития в нем чувства достоинства, уважения к профессии и уважения себя в профессии, воспитания сопричастности с теми, кто стоял у истоков следствия России. А для этого надо всемерно укреплять созданный в 2011 г.

специализированный следственный орган — Следственный комитет Российской Федерации, который осуществляет полномочия в сфере уголовного судопроизводства. Фактически образовано принципиально новое ведомство, которое подчинено непосредственно главе государства. После майорских следственных канцелярий XVIII в. в России вновь созданы специализированные самостоятельные следственные органы, которые в известной степени несут черты национальной исторической традиции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аверченко А. К., Серов Д. О. Организация следственного аппарата России: история и современность // Вестник НГУ. — Т. 2. — Вып. 1. — 2006.
2. Багмет А. М. Следователь — судья на досудебной стадии // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. — Вып. 4. — М., 2014.
3. Буреленков Ю. П. О некоторых вопросах реформирования органов уголовного преследования // Российский следователь. — 2013. — № 10.
4. Кони А. Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России // Избранные труды и речи. — М., 2013.
5. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики) // Избранные труды и речи. — М., 2013.
6. Кони А. Ф. Судебная реформа и суд присяжных // Избранные труды и речи. — М., 2013.
7. Очерки развития уголовно-процессуального законодательства / под ред. И. В. Смольковой. — М., 2011.
8. Объяснительная записка к проекту новой редакции Устава уголовного судопроизводства. — Т. 2. Дознание и предварительное следствие. — СПб. : Сенатская типография, 1900.
9. Пашин С. Краткий очерк судебных реформ и революций в России // Отечественные записки. — 2003. — № 2.
10. Смирнов А. В. Почему России нужен новый Уголовно-процессуальный кодекс // Уголовный процесс. — 2014. — № 9.
11. Советский следователь // Пособие для следователя. — М., 1949.
12. Цветков Ю. А. Исторические этапы развития органов предварительного следствия в России // История государства и права. — 2015. — № 3.
13. Цветков Ю. А. Процессуальная самостоятельность как проблема формирования профессионального мышления // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. — Вып. 4. — М., 2014.
14. Хрулев. С. Суды и судебные порядки // Юридический вестник. — 1884. — № 9.

Материал поступил в редакцию 27 августа 2015 г.

PRELIMINARY INVESTIGATION IN RUSSIA: RETROSPECTIVE VIEW

KHMELEVA Alla Vladimirovna — PhD in Law, Head of the Department of Criminology of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Colonel of Justice
hmeleva.alla@mail.ru
125080, Russia, Moscow, Vrubelya Street, 12.

Review. *The article deals with the formation and development in Russia of such a procedural institute as a preliminary investigation. Due to the recently proposed ideas on reformation of the investigation, retrospective view on the formation of the investigating authorities, the emergence of an institution of investigating officers, peculiarities of their procedural status, authority, organization of interaction with the prosecutors and the police have become particularly important. There is no doubt that historical research of emergence and formation of any legal institution help to better understand its purpose, its place within the legal system, and the efficiency of operation.*

A new era in the Russian criminal trial began with the reforms of 1860-1864., the main gains are reflected in the Charter of the criminal proceedings. The analysis of its provisions leads to the conclusion that Russia established a mixed type of criminal proceedings with prevalence of investigative-search features of the preliminary investigation and controversial in the trial stage. The article provides comprehensive analysis of procedural powers of the investigating judge contained in "Establishment of investigators" and "Mandate for judicial investigators" signed by Alexander II on June 8, 1864. It is emphasized that despite the fact that the investigating officer's activity was treated as accusatory, the investigator was required to impartially find out the incriminating circumstances, and the circumstances justifying the accused; the purpose of his activity determined the establishment of the material truth with respect to the offense.

In 1894, a special commission was set up to summarize the experience of the organization and the results of the preliminary investigation, to identify shortcomings and to develop proposals to improve it. It was found that the alleged procedural autonomy and independence of judicial investigators actually were not achieved, the quality of the investigation often did not meet the requirements, the period of investigation took too long, which was largely explained by a substantial burden on the investigator (he typically investigated 20-40 cases simultaneously).

As a result of attempts to conduct historical analysis on the results of the carried out reforms of the investigation activities in Russia in the middle of the XIX century and suggestions to return to the concept of investigating officers in present time, the author notes that the reform of the investigation must be based on the current financial situation in the state, staff of both investigative and judiciary bodies, national traditions, mentality, the level of legal awareness of the population and law enforcement officials. The author believes that the improvement of the organization and production of the preliminary investigation should be carried out by solving the legal problems of strengthening of material base of the investigating authorities, comprehensive work to increase the prestige and importance of the position of an investigator, the development in his sense of dignity and respect for the profession and self-respect in the profession, cultivation of interconnectedness with those who stood at the origins of the process of investigation Russia. To achieve these, it is important to strengthen in every way created in 2011 specialized investigative body - the Investigative Committee of the Russian Federation, a brand new office, which is directly subordinate to the head of state. After major's investigating offices of the 18 century, specialized independent investigative bodies are created in Russia, which, to some extent, hold the features of the national historical tradition.

Keywords: creation, reform of the investigating authorities, criminal procedure legislation, judicial investigator, Charter of the criminal proceedings, Establishment of forensic investigators, the powers and procedural status, the prosecutor, the police, the court, shortcomings of an investigation.

BIBLIOGRAPHY

1. Averchenko A. K., Serov D. O. Organization of an investigative branch in Russia: past and present. //NSU Bulletin. — VOL. 2 — Issue 1, — 2006.
2. Bagmet A.M. Investigator – a judge at the pretrial stage. // Investigation of crimes: problems and ways of their solution. — Moscow, 2014. -Issue 4.
3. Borulenkov Yu.P. About some questions of reforming of organizations of criminal prosecution. // Russian Investigator — 2013. — No 10.
4. Koni A.F. The history of the development of criminal procedure legislation in Russia. // Selected works and speeches. — Moscow, 2013.
5. Koni A.F. The moral principles in criminal proceedings (common features of Judicial Ethics). // Selected works and speeches. — Moscow, 2013.
6. Koni A. F. Judicial reform and the jury.// Selected works and speeches. — Moscow, 2013.
7. Essays on the criminal procedure legislation. / Smolkova I.V. (ed.). — Moscow, 2011.
8. The explanatory note to the draft of new edition of the Charter of the criminal proceedings. — Vol. 2 Enquiry and preliminary investigation. -Saint-Petersburg. Senate typography, 1900.
9. Pashin S. A short essay on judicial reforms and revolutions in Russia. Motherland notes. — 2003. — No 2.
10. Smirnov A. V. Why does Russia need a new Criminal Procedure Code? Criminal Procedure, — 2014. — No 9.
11. Soviet Investigator. Investigating officer's handbook. -Moscow, 1949.
12. Tsvetkov Yu.A. Historical stages of development of agencies of preliminary investigation in Russia. History of State and Law. — 2015. — No 3.
13. Tsvetkov Yu. A. Procedural autonomy as a problem of formation of professional thinking. Investigation of crimes: problems and ways of their solution. — Issue 4. — Moscow, 2014.
14. Khrulev S. Courts and legal process. Law Bulletin. — 1884. — No 9.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ (1914—1992 ГГ.)¹

Аннотация. В статье раскрываются биографические вехи советского и российского ученого-юриста, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Николая Сергеевича Алексеева. На жизнь ученого, родившегося в 1914 г., наложили отпечаток Первая мировая война, Октябрьская революция и Гражданская война. Получив рабочий стаж на заводе, он поступил в Ленинградский юридический институт, по окончании которого работал следователем прокуратуры. Был призван в армию накануне Отечественной войны, которую встретил в должности политрука в полку войск НКВД. Уже в июле 1941 г. он был ранен и тяжело контужен, а после излечения откомандирован в военную прокуратуру. Н. С. Алексеев находился на многих фронтах, в том числе в блокадном Ленинграде. Закончил войну в должности военного прокурора отдельной железнодорожной бригады. С 1947 г. и до конца своей жизни Н. С. Алексеев преподавал на юридическом факультете Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова. При этом он около 40 лет возглавлял кафедру уголовного процесса и криминалистики, неоднократно избирался деканом факультета. Николай Сергеевич был ученым широкого научного кругозора. Его творческие интересы не ограничивались какой-то одной узкой темой или каким-то одним направлением исследований. В орбиту его многогранной научной деятельности входили самые разнообразные и очень актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

Профессор читал лекции по уголовному праву и процессу в немецких вузах, причем на безукоризненном немецком языке. В 1959 году Германская академия государственных и правовых наук имени Вальтера Ульбрихта присвоила ему степень почетного доктора наук.

Отдельной темой серьезного научного интереса Н. С. Алексеева являлась тема уголовной ответственности нацистских преступников.

Н. С. Алексеев принимал активное участие в написании и редактировании учебников по уголовному процессу и криминалистике, комментариев к уголовно-процессуальному законодательству. Его доклады звучали на многих международных научных форумах, как в Советском Союзе, так и далеко за его пределами (в Великобритании, ФРГ, Польше, Финляндии и в других странах).

Заслуги Николая Сергеевича были высоко оценены советским государством. Он кавалер ряда высоких боевых наград, имеет иностранную награду, удостоен звания заслуженного деятеля науки РСФСР, трижды лауреат премии Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова за лучшую научную работу.

¹ Материал подготовлен с использованием сборника очерков: Российский ученый и ветеран Великой Отечественной войны Алексей Николай Сергеевич : книга памяти / авт.-сост. : А. М. Багмет, В. В. Бычков, А. Л. Иванов, О. Н. Куликова ; под ред. А. И. Бастрыкина. М., 2015.

© Бастрыкин А. И. , 2016

* Бастрыкин Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, Председатель Следственного комитета Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса Академии Следственного комитета Российской Федерации

akskrf@yandex.ru

125080, Россия, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

Ключевые слова: Николай Сергеевич Алексеев, советский и российский ученый, юрист, доктор юридических наук, профессора, ветеран, антифашист, ответственность нацистских преступников, общественный деятель, Ленинградский (Санкт-Петербургский) государственный университет.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.113.4.162-168

Выдающийся отечественный ученый, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Николай Сергеевич Алексеев прожил замечательную, яркую и полную событий жизнь.

Николай Сергеевич родился в 1914 г. Следует согласиться с мнением академика Г. К. Толстого, предположившего, что на личные качества Николая Сергеевича наложило отпечаток время, в котором он жил и развивался. Он родился в канун Первой мировой войны и встретил Октябрьскую революцию в трехлетнем возрасте. После революции его судьба складывалась тяжело и иногда довольно трагически. Ему, «столбовому дворянину», была закрыта дорога в высшие учебные заведения, необходимо было получать рабочий стаж на металлическом заводе им. Сталина. Но он никогда об этом не жалел и всегда гордился тем, что получил там «пролетарскую закваску». Затем он поступил в Ленинградский юридический институт, по окончании которого работал следователем прокуратуры Октябрьской железной дороги.

В январе 1940 г. Николая Сергеевича призвали в армию, направив для прохождения службы в 4-й Украинский Краснознаменный им. Ф.Э. Дзержинского полк войск НКВД СССР. Сначала он проходил службу в качестве рядового, затем исполнял обязанности заместителя политрука и в этом полку, и во 2-м особом батальоне этой же части. Полк находился на усилении 24-го пограничного отряда в Кагуле, на советско-румынской границе.

Николай Сергеевич мужественно сражался на фронтах Великой Отечественной войны, был ранен и тяжело контужен. При прорыве немецко-фашистских войск к Киеву (13–16 июля 1941 г.) в составе подразделений полка Н. С. Алексеев был направлен на ликвидацию прорыва на р. Ирпень. В районе Белгородки-Игнатовки 16 июля 1941 г. он был ранен и контужен, а после излечения в госпитале откомандирован в военную прокуратуру. Н. С. Алексеев побывал на многих фронтах. В самый трудный период Ленинградской блокады (1942–1943 гг.), находясь в осажденном городе, нес службу в органах военной прокура-

туры Ленинградского фронта. Закончил войну в должности военного прокурора отдельной железнодорожной бригады.

Документы, отражающие боевой путь ветерана — профессора Н. С. Алексеева, экспонируются в Центральном музее внутренних войск МВД СССР в Москве и в Мемориальном комплексе истории Великой Отечественной войны в Киеве.

С 1947 г. и до конца своей жизни Н. С. Алексеев преподавал на юридическом факультете Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова. При этом он 38 лет возглавлял кафедру уголовного процесса и криминалистики и неоднократно избирался деканом факультета.

Студенты, аспиранты, преподаватели с первого дня своего пребывания в стенах Ленинградского университета ощущали поистине отеческую заботу, внимание профессора Н. С. Алексеева, и не только как заведующего кафедрой, но и как Педагога, Учителя с большой буквы. Николай Сергеевич, не считаясь со своим личным временем, оказывал помощь в подготовке и защите кандидатских и докторских диссертаций, написании статей и монографий. Николай Сергеевич был блестящим педагогом и оратором. Студенты любили его лекции; аудитории, где он преподавал, всегда были заполнены до отказа.

Блестяще выступал он и на заседаниях ученого совета, где проходили защиты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук, давая принципиальные оценки научным исследованиям.

Николай Сергеевич был ученым широкого научного кругозора. Его творческие интересы не ограничивались какой-то одной темой или каким-то одним направлением исследований. В орбиту его научной деятельности входили самые разнообразные актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

В своей кандидатской диссертации (1951 г.) он исследовал вопросы исторического развития российского и советского уголовного законодательства об ответственности за уклонение

от воинской службы. Его диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук, защищенная в Московском государственном университете, — «Кодификация уголовного законодательства двух германских государств» — явилась глубоким сравнительным исследованием законодательства ГДР и ФРГ и была подготовлена на основе глубокого изучения иностранных источников.

Предметом его научного интереса являлись вопросы уголовной ответственности за транспортные преступления, основы уголовного права Германской Демократической Республики; проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних в социалистической Германии.

Профессор Н. С. Алексеев читал лекции по уголовному праву и процессу и в немецких вузах, причем на безукоризненном немецком языке. В 1959 г. Германская академия государственных и правовых наук имени Вальтера Ульбрихта присвоила ему степень почетного доктора наук. По воспоминаниям профессора Д. А. Шестакова, однажды в Институте зарубежного и международного уголовного права имени М. Планка во Фрайбурге пожилая немка, вспоминая визит Н. С. Алексеева, так его охарактеризовала: «Русский профессор, представительный, каких, наверное, можно было встретить в конце девятнадцатого века у нас в Баден-Бадене».

Отдельно стоящей темой серьезного научного интереса Н. С. Алексеева являлась тема уголовной ответственности нацистских преступников. Ей Николай Сергеевич посвятил два монографических исследования: «Ответственность нацистских преступников» и «Злодеяния и возмездия», а также ряд научных статей. Как показало время, проблема привлечения к правовой ответственности лиц, совершающих тяжкие международные преступления против мира и человечества, к сожалению, надолго пережила своего исследователя и вновь стала чрезвычайно актуальной, о чем в наши дни убедительно свидетельствуют трагические события на Украине.

Как человек, прошедший самую страшную в истории человечества войну, видевший все ее ужасы и страдания людей, особенно в блокадном Ленинграде, Николай Сергеевич делал

очень многое для того, чтобы все нацистские преступники понесли заслуженное наказание, а фашизм, как человеконенавистническая идеология, был полностью искоренен из общественного сознания. В 1960—1970-е гг. он в качестве эксперта от СССР принимал активное участие в ряде крупных судебных процессов по делам о преступлениях нацистов. Эти процессы проходили в Федеративной Республике Германия и подробно описаны в его книге «Злодеяния и возмездие. Преступления против человечества» (1986 г.)¹. Н. С. Алексеев являлся помощником главного обвинителя на Нюрнбергском процессе от Советского Союза — Романа Андреевича Руденко.

В 60-х годах прошлого века профессор организовал Школу юного юриста при юридическом факультете Ленинградского университета и Дворце культуры имени Ленсовета. Уже в те годы он думал о правовом воспитании, правовой культуре детей и подростков. В этой Школе учились выпускники средних школ, которые готовились поступать на юридический факультет Ленинградского государственного университета, и те, кто хотел получить какое-то первоначальное юридическое образование.

Большой темой для научного творчества Николая Сергеевича стало исследование влияния ленинских идей на развитие отечественного уголовно-процессуального законодательства. Результаты глубокого изучения творческого наследия В. И. Ленина применительно к этой сфере процессуальной науки и практики позволили Н. С. Алексееву (в творческом союзе с В. З. Лукашевичем) подготовить два серьезных монографических исследования — «Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве» и «Претворение ленинских идей в советском уголовном судопроизводстве» (1979 г.).

Интерес ученого распространялся и на вопросы развития науки уголовного процесса. В 1980 г. увидела свет монография, подготовленная Н. С. Алексеевым в соавторстве с Г. Ф. Горским и Л. Д. Кокоревым, — «Очерк развития науки советского уголовного процесса». В ней были показаны основные тенденции и направления развития уголовно-процессуальной науки, проблемы теории и практики, которые привлекали внимание процессуали-

¹ Книга переиздана в 2014 г. в издательстве «Юридический центр» (отв. ред., предисл. — д. юрид. н., проф. В. С. Джатиев).

стов-исследователей, характеризовались их научные достижения, намечались перспективы развития этой отрасли знаний.

Н. С. Алексеев принимал активное участие в написании и редактировании учебников по уголовному процессу и криминалистике, комментариев к уголовно-процессуальному законодательству.

Его доклады звучали на многих международных научных форумах как в Советском Союзе, так и далеко за его пределами (в Великобритании, ФРГ, Польше, Финляндии и других странах).

Николай Сергеевич был неутомимым пропагандистом и популяризатором правовых знаний: он с большим успехом выступал с лекциями в самых различных и широких аудиториях, публиковал популярные статьи и брошюры, адресованные широкому кругу читателей, принимал активное участие в деятельности общественной организации «Знание».

Сейчас, когда идут споры о том, нужна ли истина в процессе, какая истина, что входит в ее содержание, профессор З. В. Макарова советует обратиться к работам Н. С. Алексеева, который не сомневался в том, что истину необходимо устанавливать в уголовном процессе: «Истина — это выводы, полностью соответствующие действительности, проверенные практикой, опытом»². Содержание истины, считал Н. С. Алексеев, составляют только факты, обстоятельства совершенного преступления: «Отнесение к единому понятию истины, устанавливаемой в уголовных делах, фактических обстоятельств, их юридической квалификации и назначения наказания не может быть признано правильным по следующим основаниям:

- а) возникает смещение гносеологической (познавательной) и аксиологической (оценочной) сторон в уголовно-процессуальной деятельности;
- б) достоверно установленная истина не может быть в будущем опровергнута, юридическая же оценка может быть изменена;
- в) закон признает доказательствами фактические данные, а не их юридическую оценку;
- г) смешение фактических данных с оценочными может привести к опасной подмене фактов суждениями, конкретных обстоятельств дела — их квалификацией».

² Алексеев Н. С. Уголовный процесс : учебник / отв. ред. Н. С. Алексеев, В. В. Лукашевич, П. С. Элькинд. М., 1972. С. 150.

³ Алексеев Н. С. Уголовный процесс. С. 151.

Николай Сергеевич понимал важность внедрения достижений научно-технического прогресса в область права и правоприменительной практики. Он писал: «Советское право призвано содействовать разумному использованию результатов научно-технического прогресса и предотвращать отрицательные явления, иногда вызываемые неправильным применением достижений науки и техники»³.

Причем ученый считал, что атомное законодательство достигло такого уровня, что его можно рассматривать как специфическую, самостоятельную, комплексную отрасль права. Сейчас, когда различные экстремистские группы стремятся к овладению ядерным оружием, предложение Николая Сергеевича о новой отрасли права — атомном праве, является своевременным и заслуживающим серьезного внимания законодательной власти.

Заслуги Николая Сергеевича были высоко оценены советским государством. Он — кавалер ряда высоких боевых наград (среди них ордена Отечественной войны I и II степеней, орден Красной Звезды, медали «За оборону Ленинграда», «За оборону Кавказа», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией»). Кроме того, он имеет и иностранную награду — Серебряный Крест Заслуги Польской Народной Республики.

Профессор был удостоен высокого звания заслуженного деятеля науки РСФСР, он трижды лауреат премии Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова за лучшую научную работу.

Как верно заметил профессор А. И. Александров, Николай Сергеевич воспитал целую плеяду выдающихся государственных деятелей государства, среди которых, в частности, Президент России В. В. Путин.

Николай Сергеевич проявил себя и как очень активный общественный деятель. Он выполнял огромный объем общественной работы на самых различных ее направлениях: был членом президиума Совета ветеранов Великой Отечественной войны ЛГУ, руководителем Ленинградского отделения общества советско-германской дружбы, членом комиссии по юридическим и философским наукам Комитета по Ленинским и Государственным премиям,

членом Головного совета по юридическим наукам Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, руководителем правовой секции Совета ректоров Ленинграда и многих других государственных и общественных организаций и объединений.

Долгие годы Н. С. Алексеев являлся главным редактором одного из ведущих периодических юридических изданий страны — журнала «Правоведение». Под его руководством авторитет издания достиг своих вершин — опубликоваться в нем являлось большой честью не только для начинающих научных работников, но и для маститых представителей советской и зарубежной юридической науки. Разумеется, вся эта многогранная деятельность, как было принято в то время, выполнялась только на общественных началах. И оставалось лишь восхищаться и удивляться безграничной энергии и удивительному, исключительному энтузиазму, с которым Николай Сергеевич посвящал себя служению государству, обществу и науке в самых различных проявлениях своего многогранного таланта.

И еще одно замечательное качество отличало Николая Сергеевича. Это его удивительное жизнелюбие, оптимизм, способность не поддаваться унынию и растерянности в период невзгод, временных неудач и жизненных испытаний. Он был умелым и очень мудрым руководителем и организатором науки. Академик Ю. К. Толстой вспоминал о Н. С. Алексееве: «Как подлинный русский интеллигент не в первом поколении, он гибко и тактично управлял довольно сложными процессами, происходившими на факультете»⁴. Ему удавалось возглавлять коллективный труд большого количества педагогов, не применяя, как теперь принято говорить, административный ресурс. К каждому из своих сотрудников он мог найти индивидуальный подход, привлечь к той части совместного труда, где усилия конкретного сотрудника могли принести самые ощутимые положительные результаты. Он хорошо умел создавать в коллективе благожелательный тонус общего полезного дела, что лучше всего сплачивает работающих вместе людей, поддерживать обстановку энтузиазма и взаимопомощи, веру в успешное завершение труда и общую коллективную победу.

Николай Сергеевич не терпел и не допускал в коллективах, которые он возглавлял, склок, интриг, дразг. Он всегда стремился создать во-

круг себя атмосферу дружелюбия, взаимного доверия и согласия. И это у него отлично получалось.

Нельзя не сказать и о том, что Николай Сергеевич обладал прекрасным чувством юмора, ценил добрую и уместную шутку, веселые истории, сам был великолепным рассказчиком и вообще очень любил разносторонние человеческие отношения, на практике следуя известной идее Сент-Экзюпери о роскоши человеческого общения.

К сожалению, в наше время все эти качества необычайно выразительной души, которой обладал Николай Сергеевич, все больше становятся редкостью.

Все тот же Ю. К. Толстой вспоминал, что Николай Сергеевич был разносторонней натурой. Заядлый грибник, ягодник, рыбак, он легко мог прошагать не один десяток километров по лесам, которые знал вдоль и поперек.

По воспоминаниям его дочери, Елены Николаевны Алексеевой, ученый был разносторонним человеком, прекрасным собеседником. В круг его интересов, помимо юриспруденции, входили история, архитектура, изобразительное искусство. Профессор любил литературу и хорошо ее знал. Его любимыми писателями были: Л. Н. Толстой, И. А. Бунин, А. П. Чехов, Ф. М. Достоевский, С. Т. Аксаков. Поскольку он сам был влюблен в природу, то ему очень близки были писатели, которые писали о русской природе. И. С. Тургенева и его «Записки охотника» он перечитывал не единожды, любил В. А. Солоухина, Б. Л. Паустовского, М. М. Пришвина. Ему нравилось читать Б. Л. Пастернака, М. А. Булгакова, и этот список можно очень долго продолжать. Кроме того, он любил поэзию, читал детективы, любил Р. Л. Стивенсона, Генриха Бёля, Эдгара По. Появление в доме новой книги для него было большим праздником. Николай Сергеевич выписывал журналы: «Иностранная литература», «Вокруг света», «Наука и жизнь», «Аврора»; газеты: «Известия», «Правда», «Литературная газета» и многие другие.

Все, кто знал Николая Сергеевича, испытывают к нему безграничную любовь, огромное уважение и искреннюю признательность за все доброе, что он сделал для огромного числа знакомых и незнакомых ему людей. Здесь так и хочется сказать словами одного киногероя: «Вот если бы все мы так, да всегда бы так...»

⁴ Толстой Ю. К. Портреты заговорили... М., 2014. С. 220.

Нельзя не отметить, что вплоть до последних дней жизни ученый интенсивно занимался научно-исследовательской работой. 23 июня 1992 г. он в качестве докладчика принял активное участие в Международной конференции в Санкт-Петербурге, а за два дня до смерти закончил работу над машинописным текстом доклада для опубликования его в Лондоне.

Ученики Николая Сергеевича, его коллеги и соратники счастливы от сознания того, что им выпала редкая удача быть его современниками. И мысленно, через время, обращаясь к его светлому образу, его ученики говорят своему Учителю: «Мы по-прежнему любим Вас, гордимся Вами и будем помнить Вас всегда!»

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев Н. С. Борьба с преступностью несовершеннолетних в Германской Демократической Республике. — М., 1959.
2. Алексеев Н. С. Основы уголовного права Германской Демократической Республики. — Л., 1960.
3. Алексеев Н. С. Ответственность нацистских преступников. — М., 1968.
4. Алексеев Н. С. Закон и коммунистическая нравственность (право, мораль и правосудие). — М., 1975.
5. Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие: преступления против человечества / под ред. В. С. Джатиева. — СПб., 2014.
6. Российский ученый и ветеран Великой Отечественной войны Алексеев Николай Сергеевич : книга памяти / авт.-сост.: А. М. Багмет, В. В. Бычков, А. Л. Иванов, О. Н. Куликова ; под ред. А. И. Бастрыкина. — М., 2015.

Материал поступил в редакцию 27 августа 2015 г.

NIKOLAY SERGEEVICH ALEKSEEV (1914—1992)⁵

BASTRYKIN Aleksandr Ivanovich — Doctor of Law, Professor, Chairperson of the Investigative Committee of the Russian Federation; Professor at the Department of Criminal Procedure of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
akskrf@yandex.ru
125080, Russia, Moscow, Vrubelya Street, 12.

Review. *The article reveals the biographical milestones of Soviet and Russian scientist and lawyer, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Nikolai Sergeevich Alekseev. The life of the scientist who was born in 1914 was marked by the First World War, the October Revolution and the Civil War. Having gained work experience at a plant, he entered Leningrad Institute of Law, followed by his work as an investigator in the prosecutor's office. He was called up for military service on the eve of the World War II, which he met as a political officer in the regiment of the NKVD. In July 1941, he was seriously wounded and shell-shocked, and after he had recovered, he was transferred to the military prosecutor's office. N.S. Alekseev happened to be on many fronts, including the siege of Leningrad. He met the end of the war as a military prosecutor of a separate railway brigade. Since 1947 and till the end of his life, N.S. Alekseev taught at the Law Faculty of Leningrad State University after A.A. Zhdanov. He headed the Department of Criminal Procedure and Criminalistics for almost forty years and was repeatedly elected Dean of the Faculty.*

Nikolai Sergeevich was a scholar of broad scientific outlook. His interests were not limited to one narrow topic or one area of research. The scope of his multifaceted scientific activity covered the most diverse and highly topical issues on criminal law, criminology, criminal procedure and criminology.

In his doctoral thesis he examined questions of historical development of the Russian and Soviet criminal legislation on responsibility for evading military service. His thesis for the degree of Doctor of Law — "The codification of the criminal legislation of the two German States" — became a deep comparative study of the legislation of Germany and the German Democratic Republic and was prepared on the basis of in-depth study of foreign sources.

⁵ The material is prepared using a collection of the essays: Russian scientist and veteran of the Great Patriotic War Alekseev Nikolay Sergeevich: memorial book. Compiled by A.M. Bagmet, V.V. Bychkov, A.L. Ivanov, O.N. Kulikova; Bastrykin A.I. (ed.). Moscow, 2015.

The professor lectured on criminal law and procedure in German universities in perfect German. In 1959, the German Academy of the State and the Legal Sciences after Walter Ulbricht awarded him an honorary doctorate.

Alekseev's separate topic of serious scientific interest concerned the issue of criminal responsibility of Nazi criminals.

In 60-70 of the twentieth century, as an expert on the Soviet Union, he took active part in a number of major prosecutions of Nazi crimes. Moreover, N.S. Alekseev assisted the chief prosecutor at the Nuremberg trials on behalf of the Soviet Union R.A. Rudenko.

N.S. Alekseev was actively involved in writing and editing textbooks on criminal procedure and criminology, comments on the criminal procedure legislation.

His reports were heard in many international scientific forums, both in the Soviet Union and far beyond it (in the UK, Germany, Poland, Finland and other countries).

Nikolai Sergeevich was a tireless advocate and promoter of legal knowledge: he successfully lectured in front of different and vast audience, published popular articles and brochures addressing wide audience, took an active part in the public organization "Knowledge".

Nikolai Sergeevich's achievements were highly appreciated by the Soviet state. He is a Companion of a number of high military awards and has a foreign award, he was awarded the title of Honored Scientist of the RSFSR, three times winner of the Zhdanov Leningrad State University Prize for the best scientific work.

Keywords: *Nikolai Sergeevich Alekseev, Soviet and Russian scientist, lawyer, doctor of law, professor, a veteran, anti-fascist, criminal responsibility of the Nazi, public figure, Leningrad (St. Petersburg) State University.*

BIBLIOGRAPHY

1. *Alekseev N. S. Combating juvenile crime in the German Democratic Republic. -Moscow, 1959.*
2. *Alekseev N. S. The basics of criminal law in the German Democratic Republic. -Leningrad, 1960.*
3. *Alekseev N. S. Responsibility of Nazi criminals. -Moscow, 1968.*
4. *Alekseev N. S. Law and communistic morality (law, morals and justice). -Moscow, 1975.*
5. *Alekseev N. S. The atrocities and revenge: crimes against humanity. /Dzhatiev V.S. (ed.). -Saint-Petersburg, 2014.*
6. *Russian scientist and veteran of the Great Patriotic War Alekseev Nikolay Sergeevich: memorial book. Compiled by A.M. Bagmet, V.V. Bychkov, A.L. Ivanov, O.N. Kulikova; Bastrykin A.I. (ed.). -Moscow, 2015.*

А. С. Шахматов*,
А. И. Коробеев**

АЛЕКСАНДР ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ФЕДОРОВ¹

Аннотация. Статья посвящена 60-летию известного практика и ученого — профессора Александра Вячеславовича Федорова. В ней приводятся краткие сведения о юбиларе, данные об основных направлениях его научных исследований и опубликованных им работах, делается вывод о формировании им межотраслевой научной школы борьбы с преступностью. На примере научной и практической деятельности А. В. Федорова показано, что именно практика определяет потребность в проведении соответствующих правовых исследований, так как юридическая наука не может быть оторвана от реалий бытия, а производна от них, обеспечивая решение практических задач. В свою очередь, юридическая практика, во-первых, во многом основывается на результатах предшествующей научной деятельности, а во-вторых, в конечном итоге направлена на решение практических задач. Рассматриваются обусловленные потребностями практики исследования А. В. Федорова по вопросам выработки единых подходов к решению вопросов привлечения к уголовной ответственности лиц, обладающих неприкосновенностью, чтобы обеспечить должную реализацию гарантий неприкосновенности, а также создать и на основе закона реализовывать процедуры ограничения неприкосновенности в целях обеспечения неотвратимости ответственности обладающих неприкосновенностью лиц при совершении ими преступлений. Приводятся данные об изучении А. В. Федоровым зарубежного опыта и о его научных работах по вопросам уголовной ответственности юридических лиц за рубежом и перспективам введения такой ответственности в России. Акцентировано внимание на работах этого автора по вопросам правовой политики, в которых рассмотрены многие положения уголовно-правовой антинаркотической политики как составляющей государственно-правовой антинаркотической политики Российской Фе-

¹ При подготовке настоящей статьи использованы публикации: Аграшенков А. В., Мячин А. Н. Журнал «Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии» и его авторы: Федоров А. В. и опубликованные на страницах журнала результаты его научных исследований // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2014. № 2 (50). С. 44—54 ; К 55-летию со дня рождения профессора Александра Вячеславовича Федорова // Российский криминологический взгляд. 2011. № 2. С. 64—68 ; Федоров Александр Вячеславович — главный редактор журнала «Наркоконтроль» // Библиографический указатель издательской группы «Юрист» (1993—2913 гг.) : в 3 т. Том II / сост. В. В. Гриб, А. В. Федоров, О. Ф. Платонова, М. А. Бочарова. М. : Юрист, 2013. С. 472—474 ; Гриб В. В., Шахматов А. В. К 60-летию профессора Александра Вячеславовича Федорова // Наркоконтроль. 2016. № 1. С. 3—11.

© Шахматов А. С., Коробеев А. И., 2016

* Шахматов Александр Владимирович, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, член редакционной коллегии журнала «Наркоконтроль», доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург)
a-shahmatov@yandex.ru
198206, Россия, г. С.-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

** Коробеев Александр Иванович, доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета
akorobeev@rambler.ru
690950, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8

дерации; сформулированы общие положения теории российской уголовно-правовой антинаркотической политики; изучено современное состояние уголовно-правовой антинаркотической политики, выявлены и проанализированы отдельные тенденции ее развития, в том числе обусловленные влиянием международных антинаркотических договоров, участницей которых является Российская Федерация. Обращено внимание на положения исследований А. В. Федорова, отражающих социальную (включая экономическую) обусловленность криминализации тех или иных деяний, пределов ответственности за их совершение и оснований освобождения от такой ответственности.

Ключевые слова: Александр Вячеславович Федоров, юридическая наука, юридическая практика, взаимосвязь юридической практики и юридической науки, борьба с преступностью, модельное законодательство, коррупция, терроризм, защита государственной тайны, уголовная ответственность обладающих неприкосновенностью лиц, уголовная ответственность юридических лиц, наркопреступность, антинаркотическая политика, наркокриминология, противодействие незаконному обороту наркотиков, журнал «Наркоконтроль», межотраслевая научная школа борьбы с преступностью.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.113.4.169-180

Вопрос о взаимосвязях юридической практики и юридической науки не раз становился предметом научных исследований. Именно практика определяет потребность в проведении соответствующих правовых исследований, ведь юридическая наука не может быть оторвана от реалий нашего бытия, она в какой-то степени производна от них, обеспечивает решение практических задач. В то же время юридическая практика, во-первых, во многом основывается на результатах предшествующей научной деятельности, а во-вторых, в конечном итоге направлена на решение практических задач.

Теоретики права с различных позиций исследовали взаимосвязь юридической науки и юридической практики, используя в том числе различный эмпирический материал. Следуя этому методологическому подходу, на наш взгляд, можно показать такую взаимосвязь и на примере деятельности конкретного ученого, убедительно подтверждающей, что, с одной стороны, юридическая практика является источником развития юридической науки, а с другой стороны, юридическая наука во многом определяет то, каковой должна быть юридическая практика.

Таким примером может быть профессиональная деятельность известного юриста, заместителя Председателя Следственного комитета РФ, главного редактора журнала «Наркоконтроль», профессора Александра Вячеславовича Федорова, которому 27 марта 2016 г. исполнилось 60 лет.

Его трудовая деятельность началась в 1973 г. в Научно-исследовательском институте земной коры при Ленинградском государственном уни-

верситете. Активная жизненная позиция и обостренное чувство справедливости обусловили выбор им профессии юриста. После службы на Северном флоте он был направлен в Высшую школу КГБ СССР, по окончании следственного факультета которой с 1981 г. по 2000 г. проходил службу в органах государственной безопасности, занимаясь расследованием уголовных дел.

После создания в 2000 г. федеральных округов А. В. Федоров был назначен заместителем, а затем — первым заместителем Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе, курирующим правовые вопросы. В условиях становления нового института органов власти Александр Вячеславович, решая задачи по обеспечению единства правового пространства, организовал работу по решению вопросов, связанных с налаживанием в федеральном округе контроля за соблюдением законодательства. В короткий срок удалось привести большинство законодательных актов субъектов, расположенных в пределах округа, в соответствие с федеральным законодательством.

В июле 2003 г. А. В. Федоров был назначен статс-секретарем — заместителем председателя Государственного комитета РФ по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а затем — статс-секретарем — заместителем директора Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков. И вновь пришлось организовывать работу с чистого листа, в этот раз — по формированию нормативной правовой базы нового правоохранительного ведомства.

С января 2009 г. по июнь 2012 г. он — первый заместитель министра юстиции РФ, а с ноября 2012 г. — заместитель Председателя Следственного комитета РФ.

А. В. Федорова отличает стремление к получению и использованию новых знаний. Не ограничившись получением высшего юридического образования, он, помимо различных курсов повышения квалификации по юридической специальности, окончил Межотраслевой институт повышения квалификации при Санкт-Петербургском государственном университете экономики и финансов (1992 г.) и Северо-Западную академию государственной службы (2001 г.), всегда старался совмещать основную работу с научной деятельностью.

Интересом к правовой науке, стремлением к поиску решений сложных юридических вопросов, выбору специализации, как не раз отмечал сам А. В. Федоров, он обязан в первую очередь своим учителям в Высшей школе КГБ, преподавателям уголовного права — А. Е. Беляеву, И. А. Бушуеву, С. В. Дьякову, М. П. Карпушину, Н. Ф. Мурашеву; уголовного процесса — В. Я. Дорохову, В. И. Зажицкому, Б. В. Попову и многим другим, а также высокопрофессиональным практикам — следователям, прокурорам, адвокатам и судьям, с которыми ему довелось работать.

Находясь на практической работе, он всегда стремился обобщить и проанализировать наработанный опыт, описать его, выработать оптимальные алгоритмы организации работы, выявить пробелы и противоречия действующего законодательства и предложить варианты их устранения, обосновать необходимость проведения научных исследований в соответствующих сферах и принять участие в их проведении. Зная и оценивая многие годы работы Александра Вячеславовича в правоохранительной сфере, можно констатировать, что его деятельность является примером того, как юридическая практика становится источником развития юридической науки.

С 1989 г., когда А. В. Федоров стал печататься в общесоюзных изданиях, им опубликовано уже более 500 научных и учебно-методических работ по различным вопросам уголовного права, криминологии, уголовного процесса, оперативно-розыскной деятельности и кри-

миналистики, истории государства и права. Он публиковался более чем в 40 различных советских и российских научных журналах, в том числе таких, как «Государство и право», «Закон», «Законодательство», «Правоведение», «Библиотека криминалиста. Научный журнал», «Оперативник (сыщик)», «Уголовное право», «Библиотека уголовного права и криминологии», «Наркоконтроль», «Российский следователь», «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» и др.

Часть работ А. В. Федорова размещена в справочно-информационной системе «КонсультантПлюс», а почти половина его публикаций включена в РИНЦ, что делает результаты проводимых им научных исследований доступными широкому кругу читателей. О востребованности этих работ свидетельствует то, что они, по данным РИНЦ, процитированы более чем в 1 400 научных публикациях свыше 2 600 раз.

Сказывается многолетний опыт следственной работы — научные исследования А. В. Федорова отличает обстоятельная проработка вопросов, ставших предметом рассмотрения, конкретность и направленность на решение актуальных для современного состояния общества задач.

Векторы научных интересов А. В. Федорова менялись, но все они укладываются в одну глобальную тему — противодействие преступности.

Становление А. В. Федорова как ученого происходило в стенах Санкт-Петербургского юридического института МВД России, где он, имеющий уже большой опыт практической работы расследования уголовных дел, получил возможность реализовать его в научной деятельности.

Этапной для становления А. В. Федорова как ученого стала статья «Депутатская неприкосновенность и уголовная ответственность», опубликованная в журнале «Советская юстиция» за 1993 г.² С нее началась разработка вопросов привлечения к уголовной ответственности лиц, обладающих неприкосновенностью. В итоге А. В. Федоров успешно защитил в 1995 г. в Санкт-Петербургском юридическом институте МВД России кандидатскую диссертацию на тему «Уголовно-процессуальный институт не-

² Федоров А. В. Депутатская неприкосновенность и уголовная ответственность // Советская юстиция. 1993. № 11. С. 21—23.

прикосновенности прокурорских работников и реализация гарантий прокурорской неприкосновенности» (научный руководитель — известный криминалист, профессор И. А. Возгрин, официальные оппоненты — доктора юридических наук В. В. Вандышев и В. И. Рохлин).

Указанное научное исследование было обусловлено потребностями практики в выработке единых подходов к решению вопросов привлечения к уголовной ответственности лиц, обладающих неприкосновенностью, чтобы, с одной стороны, обеспечить должную реализацию гарантий неприкосновенности, а с другой — создать и на основе закона реализовать процедуры ограничения неприкосновенности в целях обеспечения неотвратимости ответственности обладающих неприкосновенностью лиц при совершении ими преступлений.

А. В. Федоров стал одним из первых ученых, обосновавших включение в Уголовно-процессуальный кодекс специального раздела, посвященного вопросам регламентации привлечения к уголовной ответственности лиц, обладающих различными иммунитетами. Проанализировав действующее законодательство и практику его применения, он пришел к выводу, что об иммунитете можно говорить как о самостоятельном институте в уголовно-процессуальном праве, разработал и обосновал предложение «дополнить УПК РФ новым разделом, в который включить нормы, регулирующие проведение следственных и судебных действий с участием и в отношении лиц, обладающих иммунитетом»³. Научные разработки А. В. Федорова были реализованы при принятии Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в главе 52 которого отражены особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. В последующем им были изложены научные подходы к определению свидетельского иммунитета.

Еще одно направление исследований связано с вопросами защиты сведений, составляющих государственную тайну. Автором было подготовлено значительное число научных публикаций по этой теме, а затем с группой единомышленников в 2003 г. фундаменталь-

ное исследование — «Государственная тайна и ее защита в Российской Федерации», которое дважды переиздавалось (в 2005, 2007 гг.).

За цикл трудов «Создание и применение комплекса научно-практических разработок, учебников и методических материалов для подготовки и повышения квалификации специалистов по организации системы экономической и информационной безопасности государства, регионов, хозяйствующих субъектов» А. В. Федорову и его коллегам по этой работе в 2004 г. присуждена премия Правительства РФ в области образования⁴.

Вместе с сотрудниками кафедры оперативно-розыскной деятельности Санкт-Петербургского юридического института МВД России (в дальнейшем — Академии МВД России, а затем — Санкт-Петербургского университета МВД России) А. В. Федоров сначала доцент, а затем профессор этой кафедры, внес существенный вклад в формирование Санкт-Петербургской научной школы оперативно-розыскного права.

А. В. Федоров стал одним из первых ученых, начавших публикацию открытых исследований по вопросам оперативно-розыскной деятельности. В его активе — в том числе разработка теории оперативно-розыскной политики, вопросов правового регулирования содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Итоговыми работами по этим вопросам стали написанные в соавторстве с А. В. Шахматовым книги «Оперативно-розыскная деятельность и граждане» (2001), «Содействие гражданам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность» (2004) и получившая высокую оценку специалистов монография «Правовое регулирование содействия гражданам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность» (2005), а также подготовленные с его участием учебники «Оперативно-розыскная деятельность» (2001; 2-е изд. — 2004), «Теория оперативно-розыскной деятельности» (2006; 2-е изд. — 2011; 3-е изд. — 2014), Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (2006; 2-е изд. — 2014) и ряд других изданий.

³ Морозова Л. А., Сальников В. П., Федоров А. Б. Права человека и статус правоохранительных органов (материалы симпозиума в Санкт-Петербургском юридическом институте МВД России) // Государство и право. 1994. № 11. С. 109.

⁴ Постановление Правительства РФ от 15 декабря 2004 г. № 792 «О присуждении премий Правительства Российской Федерации в области образования за 2003 год» // СЗ РФ. 2004. № 51. Ст. 5213.

Он также является соавтором учебников и учебных пособий по ряду других направлений юридической науки, таких как «Комментарий к Федеральному закону “О прокуратуре Российской Федерации”» (1999), «Криминалистика» (2001), «Экономическая безопасность Российской Федерации» (2001), «Уголовное право в схемах и определениях» (2007), «Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации» (2008; 2-е изд. — 2013; 3-е изд. — 2015; 4-е изд. — 2016)⁵ и ряда учебников по уголовному праву (2008 и 2015).

Особо следует отметить реализуемый им совместно с известным российским ученым В. С. Овчинским проект по изданию работ дореволюционных авторов в серии «Библиотека криминолога»: С. В. Познышева (2007), М. П. Чубинского (2008), С. К. Гогеля (2009), Н. А. Неклюдова (2009), Г. Ашаффенбурга (2010) и др.⁶

Значительное внимание А. В. Федоров уделяет вопросам истории борьбы с преступностью, в том числе истории следственных органов. Так, в 2015 г. в соавторстве с известным историком Д. О. Серовым в журнале «Российский следователь» опубликована серия из 24 статей, посвященных истории российского следствия. Публикация в течение одного года такой объемной серии — беспрецедентный случай как для журнала «Российский следователь», так и других журналов издательской группы «Юрист». Указанные статьи вызвали большой читательский интерес, в связи с чем было принято решение опубликовать их отдельной книгой в виде очерков, раскрывающих последовательно, в хронологическом порядке, исторические этапы становления и развития российских следственных органов в период с X в. до 2007 г.⁷ Презентация этой книги состоялась 3 декабря 2015 г. в Москве, в Колонном зале Дома Союзов в рамках торжественного за-

седания Ассоциации юристов России (АЮР), посвященного 10-летию учреждения этой авторитетной общественной организации российских юристов.

Все эти годы А. В. Федоров принимает активное участие в деятельности АЮР, является членом ее правления, а последнее время еще и председателем Комиссии АЮР по противодействию коррупции. Активная работа в этом качестве нашла отражение в ряде подготовленных им публикаций. В 2014 г. А. В. Федоров был признан победителем Пятого Всероссийского конкурса научных и прикладных работ по противодействию коррупции, получив диплом конкурса за статью «Антикоррупционная конвенция ОЭСР как часть правовой системы Российской Федерации: уголовно-правовой и уголовно-политические аспекты»⁸.

Следует отметить, что А. В. Федоров многие годы решал практические вопросы противодействия коррупции на разных участках работы, принимал участие в разработке антикоррупционного законодательства, а в 2009—2012 годах возглавлял российскую делегацию на переговорах по присоединению к Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития. Результаты этой работы нашли отражение не только в решении вопросов по присоединению Российской Федерации к указанной Конвенции, но и в многочисленных научных статьях, а также в подготовленных с его участием Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ ряде монографических исследований⁹.

Последнее время А. В. Федоров уделяет большое внимание изучению уголовной ответственности юридических лиц за рубежом и перспективам ее введения в России. По результатам проведенных исследований он при-

⁵ Авторский коллектив комментария 2013 г. стал лауреатом премии МВД России и награжден дипломом за лучшее научно-практическое произведение в области юриспруденции.

⁶ О значении серии «Библиотека криминолога» см.: Кузнецова Н. Ф. Историко-сравнительный анализ уголовно-правовых отраслей науки, законодательства и правоприменения // Российский криминологический взгляд. 2008. № 1. С. 124—139.

⁷ Серов Д. О., Федоров А. В. Очерки истории российских следственных органов : научное издание. М. : Юрист, 2015.

⁸ Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2013. № 4 (48). С. 99—128.

⁹ См.: Антикоррупционные стандарты Организации экономического сотрудничества и развития и их реализация в Российской Федерации : монография / Т. Я. Хабриева, А. В. Федоров, А. А. Каширкина [и др.] ; под ред. акад. РАН Т. Я. Хабриевой, проф. А. В. Федорова. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ, 2015.

шел к выводу о том, что введение уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации не только целесообразно, но и неизбежно в перспективе¹⁰. Зная характер Александра Вячеславовича и видя поддержку его позиции со стороны руководства Следственного комитета РФ¹¹, не вызывает сомнения, что А. В. Федорову удастся не только обосновать эту позицию, но и предложить решения, позволяющие реализовать такую ответственность в Российской Федерации, не нарушая сложившиеся отечественные правовые традиции и одновременно выполняя имеющиеся международные обязательства¹².

Главной сферой интересов А. В. Федорова всегда были и остаются вопросы уголовного права, в том числе борьбы с коррупцией (что уже было отмечено), контрабандой¹³ и противодействия незаконному обороту наркотиков. Его исследования в этой части имели значение не только для нашей страны, но и для ряда государств — бывших союзных республик СССР.

С 1994 г. по настоящее время А. В. Федоров — эксперт различных комиссий Межпарламентской Ассамблеи СНГ (МПА СНГ), а затем и Парламентской Ассамблеи ОДКБ. Он является автором и соавтором проектов многих модельных законов для стран — участников Содружества Независимых Государств, в том числе законов «О борьбе с организованной преступностью», «О борьбе с терроризмом», «О борьбе с коррупцией».

Возглавляемыми им научными коллективами были разработаны рекомендательный законодательный акт «О противодействии незаконному обороту наркотических средств,

психотропных веществ и прекурсоров», принятый в 1996 г., и Модельный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах», принятый в 2006 г.¹⁴

Работа в 1995—1996 гг. над проектом рекомендательного акта «О противодействии незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров» определила основное направление научных исследований А. В. Федорова — противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ.

Несомненно, это повлияло не только на характер проводимых им научных исследований, но и на его назначение одним из руководителей первого в российской истории специально уполномоченного федерального органа исполнительной власти по борьбе с наркопреступностью, где А. В. Федорову представилась уникальная возможность вовлечения в научный оборот огромного практического материала и реализации на практике и в законопроектной работе результатов проводимых им научных исследований.

В 2005 г. по инициативе А. В. Федорова было начато издание журнала «Наркоконтроль», главным редактором которого он является до настоящего времени. Этот журнал, являющийся единственным в России специализированным изданием, посвященным правовым вопросам противодействия незаконному обороту наркотиков, рекомендован Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки России для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

¹⁰ См., напр.: Федоров А. В. Введение уголовной ответственности юридических лиц — прогнозная тенденция развития российской уголовно-правовой политики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 3. С. 429—433; Он же. Введение в Российской Федерации уголовной ответственности юридических лиц как результат объективной обусловленности развития уголовного права в пространстве и времени // Там же. № 6. С. 1063—1067.

¹¹ Председатель Следственного комитета РФ профессор А. И. Бастрыкин является сторонником введения уголовной ответственности юридических лиц, о чем он неоднократно писал в своих работах.

¹² См.: Федоров А. В. Международно-правовое регулирование вопросов уголовной ответственности юридических лиц // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 3. С. 367—381.

¹³ См., напр.: Михайлов В. И., Федоров А. В. Таможенные преступления: Уголовно-правовой анализ и общие вопросы оперативно розыскной деятельности / род ред. А. В. Федорова. СПб.: Юридический центр-Пресс, 1999.

¹⁴ См.: Федоров А. В. СНГ: вопросы гармонизации и унификации законодательства о наркотиках // Наркоконтроль. 2006. № 2. С. 6—12.

В журнале «Наркоконтроль» А. В. Федоровым были опубликованы многие подготовленные им статьи, посвященные актуальным вопросам государственно-правовой, в том числе — уголовно-правовой, антинаркотической политики, наркокриминологии, уголовной ответственности за наркопреступления и другим вопросам противодействия наркопреступности.

Александром Вячеславовичем самостоятельно и в соавторстве также опубликован ряд весьма востребованных работ по наркотематике, получивших широкую известность, в том числе:

- «Наркотики в России: преступления и расследование». Данное научное издание стало одной из первых в России комплексных коллективных научных монографий, посвященных борьбе с наркопреступностью;
- «Наркологическая безопасность на морских, речных и рыбопромысловых судах». Это первое комплексное издание по вопросам наркологической безопасности судов в условиях плавания;
- «Международно-правовые основы противодействия незаконному обороту наркотиков». Это издание является наиболее полным из когда-либо публиковавшихся в нашей стране сборников документов по международно-правовым основам противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ;
- «Незаконный оборот наркотиков: глобальные тенденции и проблемы». Это первый не только в России, но и в мире сборник докладов Международного комитета по контролю над наркотиками;
- «Современная наркопреступность: криминологические, уголовно-политические и уголовно-правовые аспекты». Эта монография получила высокую оценку специалистов.

Особо следует отметить комплексные научные работы А. В. Федорова в указанной сфере, основу которых составили научные статьи, ранее опубликованные им в журнале «Наркоконтроль», в которых рассматриваются уголовно-политические, уголовно-право-

вые, криминологические, историко-правовые и международно-правовые аспекты противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ¹⁵. Этим работам также была дана высокая оценка в ряде опубликованных на них рецензий.

А. В. Федорова как ученого и практика знают во многих странах мира. По вопросам противодействия наркопреступности и организации правового сотрудничества во главе и в составе российских делегаций ему довелось побывать более чем в 30 странах мира, выступать на различных международных конференциях и форумах, в том числе возглавлять российскую делегацию на XII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Сальвадор, Бразилия, 12—19 апреля 2010 г.), выступать с докладами от Российской Федерации на сессиях Международного форума по проблемам преступности и уголовного права в эпоху глобализации в Пекине.

Нельзя не отметить и исследования А. В. Федорова в области международного права, а также в сфере сравнительного правоведения, посвященные изучению зарубежного законодательства, многие из которых подготовлены им по материалам зарубежных командировок.

Выезды за рубеж он всегда стремится использовать для изучения зарубежного законодательства. Так, по результатам работы за рубежом, им был подготовлен цикл статей, посвященных вопросам уголовной ответственности юридических лиц в Испании, Китае, Сербии и Швеции.

Из изложенного видно, насколько широк спектр научных интересов А. В. Федорова. Изучение вопросов, относящихся к различным отраслям права, обусловлено изменениями в характере решаемых автором практических задач, но все его исследования укладываются в одну глобальную тему — противодействие преступности.

Более того, можно констатировать, что А. В. Федоров фактически создает во многом уникальную межотраслевую научную школу

¹⁵ Федоров А. В. Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ: уголовно-политические, историко-правовые, уголовно-правовые и международно-правовые аспекты : сборник статей. М. : Юрист, 2011 ; *Он же*. Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ: уголовно-политические, уголовно-правовые, криминологические, историко-правовые и международно-правовые аспекты : сборник статей. М. : Юрист, 2013.

борьбы с наркопреступностью, сердцевину которой составляют политико-правовые исследования.

Им рассмотрены многие положения уголовно-правовой антинаркотической политики как составляющей государственно-правовой антинаркотической политики Российской Федерации; сформулированы общие положения теории российской уголовно-правовой антинаркотической политики; изучено современное состояние уголовно-правовой антинаркотической политики; выявлены и проанализированы отдельные тенденции развития этой политики, в том числе обусловленные влиянием международных антинаркотических договоров, участницей которых является Российская Федерация.

Результаты проведенных исследований частично обобщены в ряде ранее уже упоминавшихся подготовленных им лично и в соавторстве научных изданий по вопросам антинаркотической уголовно-правовой политики.

Следует отметить и другие направления политико-правовых исследований А. В. Федорова, в том числе касающиеся разработки научных основ оперативно-розыскной политики; исследования тенденций развития уголовно-правовой политики в Российской Федерации, в том числе прогнозных тенденций, к каковым относится введение уголовной ответственности юридических лиц; рассмотрения политико-правовых взглядов современных и дореволюционных ученых.

Анализ правовых и политико-правовых исследований А. В. Федорова позволяет сделать вывод о том, что он относится к числу авторов, придерживающихся известной точки зрения о том, что политика есть концентрированное выражение экономики, а право, в свою очередь, производно от политики (как возведенная в закон воля господствующего класса). На это, в частности, указывают положения его исследований, отражающих социальную (включая экономическую) обусловленность криминализации тех или иных деяний, пределов ответственности за их совершение и оснований освобождения от такой ответственности, например работы по вопросам борьбы с наркопреступностью и введения уголовной ответственности юридических лиц.

Практическую и научную работу А. В. Федорову до недавнего времени удавалось сочетать с преподавательской деятельностью. В 1997 г. ему было присвоено ученое звание доцента

по кафедре криминалистики и правовых дисциплин, в 2008 г. — профессора по кафедре оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел.

Под его научным руководством подготовлены и успешно защищены четыре кандидатские диссертации. Двое из его учеников (А. В. Шахматов и С. И. Захарцев) уже стали докторами юридических наук, успешно защитив диссертации.

Нельзя обойти вниманием и активную деятельность в организации выпуска юридических научных журналов. Помимо его любимого детища — журнала «Наркоконтроль», это еще ряд периодических изданий. Так, много лет (с 1997 г.) он работал в редакционной коллегии журнала «Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии», а с 2009 по 2015 гг. во вновь образованном редакционном совете этого издания, где с 1996 г. А. В. Федоров подготовил и опубликовал 45 статей. Уже несколько лет он является председателем редакционного совета журнала «Человек и закон», а в настоящее время как член редакционных коллегий журналов «Расследование преступлений: проблемы и пути их решения» и «Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации» активно работает над созданием научного лица этих специализированных научно-практических изданий.

За заслуги в науке и практике А. В. Федоров награжден государственными наградами, в том числе орденом Почета, орденом Дружбы и медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, почетной грамотой Президента Российской Федерации. Ему присвоены звания заслуженного юриста Российской Федерации, почетного сотрудника органов наркоконтроля, почетного работника юстиции России. А. В. Федоров также награжден медалью Анатолия Кони и многими ведомственными наградами.

Достижения в науке и практической деятельности Александра Вячеславовича оценены и на международном уровне. Он имеет награды Союзного государства и Межпарламентской Ассамблеи СНГ.

Жизнь и деятельность А. В. Федорова наглядно подтверждает, что юридическая практика является источником развития юридической науки и, более того, в определенных сегментах такие источники могут быть увязаны с деятельностью конкретных практиков и ученых.

Поздравляя Александра Вячеславовича с 60-летием, хочется пожелать ему новых успехов в работе и научной деятельности на благо нашего Отечества, в том числе реализации большого практического опыта и результатов проведенных им научных исследований.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аграшенков А. В., Мячин А. Н.* Журнал «Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии» и его авторы: Федоров А. В. и опубликованные на страницах журнала результаты его научных исследований // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. — 2014. — № 2 (50).
2. Антикоррупционные стандарты Организации экономического сотрудничества и развития и их реализация в Российской Федерации / под ред. Т. Я. Хабриевой, А. В. Федорова. — М., 2015. — 296 с.
3. Библиографический указатель издательской группы «Юрист» (1993—2913 гг.) : в 3 т. / сост. В. В. Гриб, А. В. Федоров, О. Ф. Платонова, М. А. Бочарова. — М., 2013. — Т. II. — 1056 с.
4. Государственная тайна и ее защита в Российской Федерации / под общ. ред. М. А. Вуса и А. В. Федорова. — СПб., 2003. — 610 с.
5. *Гриб В. В., Шахматов А. В.* К 60-летию профессора Александра Вячеславовича Федорова // Наркоконтроль. — 2016. — № 1.
6. К 55-летию со дня рождения профессора Александра Вячеславовича Федорова // Российский криминологический взгляд. — 2011. — № 2.
7. *Кузнецова Н. Ф.* Историко-сравнительный анализ уголовно-правовых отраслей науки, законодательства и правоприменения // Российский криминологический взгляд. — 2008. — № 1.
8. Международно-правовые основы противодействия незаконному обороту наркотиков : сборник документов / сост. В. С. Овчинский, А. В. Федоров. — М., 2005. — 624 с.
9. *Михайлов В. И., Федоров А. В.* Таможенные преступления : Уголовно-правовой анализ и общие вопросы оперативно розыскной деятельности / под ред. А. В. Федорова. — СПб., 1999. — 336 с.
10. *Морозова Л. А., Сальников В. П., Федоров А. Б.* Права человека и статус правоохранительных органов (материалы симпозиума в С.-Петербургском юридическом институте МВД России) // Государство и право. — 1994. — № 11.
11. Наркологическая безопасность на морских, речных и рыбопромысловых судах / под ред. В. П. Сальникова, В. В. Булова. — СПб., 2000. — 450 с.
12. Наркотики в России: преступления и расследование / под ред. В. П. Сальникова. — СПб., 1999. — 470 с.
13. Незаконный оборот наркотиков: глобальные тенденции и проблемы : сборник докладов Международного комитета по контролю над наркотиками / сост. и вступ. ст. А. В. Федорова — М., 2007. — 296 с.
14. *Ролик А. И., Романова Л. И., Федоров А. В.* Современная наркопреступность: криминологические, уголовно-политические и уголовно-правовые аспекты / под ред. и с предисл. А.И. Коробеева. — Владивосток, 2009. — 339 с.
15. *Серов Д. О., Федоров А. В.* Очерки истории российских следственных органов. — М., 2015. — 318 с.
16. *Федоров А. В.* Антикоррупционная конвенция ОЭСР как часть правовой системы Российской Федерации: уголовно-правовой и уголовно-политические аспекты // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. — 2013. — № 4 (48).
17. *Федоров А. В.* Введение в Российской Федерации уголовной ответственности юридических лиц как результат объективной обусловленности развития уголовного права в пространстве и времени // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2014. — № 6.
18. *Федоров А. В.* Введение уголовной ответственности юридических лиц — прогнозная тенденция развития российской уголовно-правовой политики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2014. — № 3.
19. *Федоров А. В.* Депутатская неприкосновенность и уголовная ответственность // Советская юстиция. — 1993. — № 11.
20. *Федоров А. В.* Международно-правовое регулирование вопросов уголовной ответственности юридических лиц // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2015. — № 3.

21. Федоров А. В. Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ: уголовно-политические, историко-правовые, уголовно-правовые и международно-правовые аспекты. — М., 2011. — 406 с.
22. Федоров А. В. Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ: уголовно-политические, уголовно-правовые, криминологические, историко-правовые и международно-правовые аспекты. — М., 2013. — 596 с.
23. Федоров А. В. СНГ: вопросы гармонизации и унификации законодательства о наркотиках // Наркоконтроль. — 2006. — № 2.
24. Федоров А. В., Шахматов А. В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. — СПб., 2005. — 338 с.

Материал поступил в редакцию 25 февраля 2016 г.

ALEKSANDR VYACHESLAVOVICH FEDOROV¹⁶

ШАХМАТОВ Aleksandr Vladimirovich — Professor at the Department of Investigation Activities in the internal affairs bodies of the St. Petersburg University of MIA of Russia, honored member of the Interior of the Russian Federation, a member of the editorial board of the journal "Drug Control", Doctor of Law, Professor (Saint-Petersburg) a-shahmatov@yandex.ru
198206, Russia, St. Petersburg, Letchika Pilyutova Street, d. 1

KOROBEEV Aleksandr Ivanovich — Doctor of Law, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far East Federal University
akorobeev@rambler.ru
690950, Russia, Vladivostok, Sukhanova street, 8.

Review. *The article is dedicated to the 60th anniversary of the famous practitioner and scholar Professor Alexander V. Fedorov. It outlines the life of the hero of the day, information about the main directions of his research and published papers, the conclusion about the formation of their interdisciplinary research school of fighting crime. Following the example of scientific and practical activities of A. Fedorov, it is shown that it is the practice that determines the need for appropriate legal studies, since legal science can not be separated from the realities of life, but it is their derivative, providing the solution to practical problems. In turn, first of all, the practice of law is largely based on the results of previous research activities, and secondly, ultimately aimed at solving practical problems. The above analysis shows that, on the one hand, the practice of law is a source of jurisprudence, on the other hand, the jurisprudence largely determines what should be the practice of law. In particular, the needs resulting from the research practices of A.V. Fedorov on the development of common approaches to issues of criminal prosecution of persons who have immunity, on the one hand, to ensure the proper implementation of the immunity guarantees, and on the other - to create and to implement on the basis of the law the integrity of restrictions procedures to ensure the inevitability of responsibility have immunity persons when they commit crimes. The data of the study of A.V. Fedorov international experience and his scientific papers on criminal responsibility of legal persons abroad, and the prospects for the introduction of such liability in Russia, the results of which allowed the author to come to the conclusion that the introduction of criminal liability of legal persons is not only appropriate, but also inevitable in the long term. The article draws attention to the works of this author on legal policy, which addressed many of the provisions of the criminal law drug policy as part of a public*

¹⁶ When preparing the article the following resources were used: Agrashenkov A.V., Myachin A.N. Journal "Scientific notes of Bobkov Saint-Petersburg Branch of Russian Customs Academy" and its authors: Fedorov A.V. and published in the Journal results of his scientific research. Scientific notes of Bobkov Saint-Petersburg Branch of Russian Customs Academy, 2014. No 2(50). pp. 44-45; For the 55 th anniversary of the birth of Professor Alexander V. Fedorov. Russian Criminological outlook. Russian Criminological Outlook, 2011. No 2. pp. 64-68; Fedorov Aleksandr Vyacheslavovich, editor-in-chief of the "Drug Control Journal". Reference of Publishing House "Lawyer" (1993-2013). In 3 volumes. Vol. II. Compiled by Grib V.V., Fedorov A.V., Platonova O.F. Moscow, Publishing House "Lawyer", 2013. pp. 472-474; Grib V.V., Shakhmatov A.V. For the 60th anniversary of Fedorov Aleksandr Vyacheslavovich. Drug Control, 2016. No 1 pp. 3-11.

legal anti-drug policy of Russian Federation; formulates general principles of the theory of the Russian criminal legal anti-drug policy; studies the current state of criminal law anti-drug policy; certain trends in the development of this policy are identified and analyzed, including the influence of the international anti-drug treaties, the Russian Federation being a part of. Attention is drawn to the provisions of his research, reflecting the social (including economic) conditioning of criminalization of certain acts, the limits of responsibility for their commitment and the release of the grounds of such responsibility.

Keywords: Alexander V. Fedorov, jurisprudence, legal practice, the relationship of legal practice and jurisprudence, the combat against crime, model law, corruption, terrorism, the protection of state secrets, criminal responsibility of persons having the immunity, criminal responsibility of legal persons, drug crime, anti-drug policy, drug criminology, combating drug trafficking, Drug Control Journal, intersectoral scientific school of combating crime.

BIBLIOGRAPHY

1. Agrashenkov A. V., Myachin A. N. Journal "Scientific notes of Bobkov Saint-Petersburg Branch of Russian Customs Academy" and its authors: Fedorov A. V. and published in the Journal results of his scientific research.// Scientific notes of Bobkov Saint-Petersburg Branch of Russian Customs Academy, — 2014. — No 2(50).
2. Anti-corruption standards of the Organization for Economic Cooperation and Development and their implementation in the Russian Federation. / Khabrieva T.Ya., Fedorov A.V. (eds.). Moscow, — 2015. — 296 p.
3. Bibliographic Index, Publishing House "Lawyer" (1993-2013). In 3 Volumes. Vol. II. /V.V. Grib, A.V. Fedorov, O.F. Platonova, M.A. Bocharova (eds.). — Moscow, 2013. — 1056 p.
4. State secret and its protection in the Russian Federation. / Vus M.A., Fedorov A.V. (eds.). Saint-Petersburg, 2003. — 610 p.
5. Grib V.V., Shakhmatov A.V. For the 60th anniversary of Fedorov Aleksandr Vyacheslavovich. Drug Control, 1 2016. — No 1
6. For the 55th anniversary of Professor Alexander V. Fedorov. Russian Criminological Outlook, — 2011. — No 2.
7. Kuznetsova N.F. Historical and comparative analysis of the penal branches of science, legislation and enforcement. //Russian Criminological Outlook. — 2008. — No 1.
8. The international legal framework for combating illicit drug trafficking: Collection of documents. / V.S. Ovchinsky, A.V. Fedorov (eds.). -Moscow, 2005. 624 p.
9. Mikhailov V. I., Fedorov A. V. Customs offenses: Criminal law analysis and general issues of operational and investigative activities. A.V. Fedorov (ed.). -St. Petersburg, 1999. — 336 p.
10. Morozova L.A., Salnikov V.P., Fedorov A.V. Human rights and the status of law enforcement: Proceedings of the Symposium in St. Petersburg MIA Law Institute. State and Law, — 1994. — № 11.
11. Drug safety at sea, river and fishing vessels./ V.P. Salnikov, V.V. Burova (eds.). — St. Petersburg, 2000. — 450 p.
12. Drugs in Russia: crimes and investigation./ V.P. Salnikov (ed.). — Saint Petersburg, 1999. — 470 p.
13. Drug trafficking: global trends and challenges. Proceedings of the International Committee for Drug Control. A.V. Fedorov (ed. and introd. article). — Moscow, 2007. — 296 p.
14. Rolik A. I., Romanova L. I., Fedorov A. V. Modern drug crime: criminological, criminal policy and criminal law aspects. /Korobeev A.I. (ed. and foreword). — Vladivostok, 2009. — 339 p.
15. Serov D. O., Fedorov A. V. Essays on the history of Russian investigative bodies. — Moscow, 2015. — 318 p.
16. Fedorov A. V. Anti-corruption Convention of the OECD as part of the Russian legal system: the criminal law and criminal-political aspects. //Scientific notes of Bobkov Saint-Petersburg Branch of Russian Customs Academy, 2013. — No 4 (48).
17. Fedorov A. V. Introduction of criminal responsibility of legal persons as a result of objective conditioning of the criminal law in time and space in the Russian Federation. //Journal of Foreign Legislation and Comparative Law, — 2014. — No 6.
18. Fedorov A. V. The introduction of criminal responsibility of legal persons — the forecast trend in the development of the Russian penal policy.// Journal of Foreign Legislation and Comparative Law, — 2014. — No 3.
19. Fedorov A. V. Parliamentary immunity and criminal responsibility. //The Soviet justice — 1993. — № 11.
20. Fedorov A. V. International legal regulation of criminal responsibility of legal persons. //Journal of Foreign Legislation and Comparative Law, — 2015. — No 3.

21. *Fedorov A. V.* Combating illicit trafficking in drugs, psychotropic, virulent and poisonous substances: criminal policy, criminal law, criminology, historical, legal and international legal aspects. — Moscow, 2011. — 406 p.
22. *Fedorov A. V.* Combating illicit trafficking in drugs, psychotropic, virulent and poisonous substances: criminal policy, criminal law, criminology, historical, legal and international legal aspects. — Moscow, 2013. 1 596 p.
23. *Fedorov A. V.* CIS: the harmonization and unification of drug control legislation. //Drug Control — 2006. — № 2.
24. *Fedorov A. V., Shakhmatov A.V.* Legal regulation of citizens' assistance to the bodies engaged in the investigative activities. — St. Petersburg, 2005. — 338 p.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ МАТЕРИАЛАМ И ИХ ОФОРМЛЕНИЮ

Более подробная информация содержится на сайте журнала lexrussica.ru

1. В журнале публикуются результаты научных исследований и научные сообщения авторов, изложенные в форме научных статей или рецензий в соответствии с тематикой журнала (далее — статья).
2. К сотрудничеству приглашаются авторы — ведущие специалисты, ученые и практики. При прочих равных условиях преимущественное право на опубликование имеют:
  - профессорско-преподавательский состав МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина) — перед сотрудниками иных вузов и научных учреждений;
  - лица, имеющие ученые степени, — перед аспирантами и соискателями.
3. Один автор может опубликовать в течение года не более трех своих статей. Все исключения необходимо заранее согласовывать с редакцией.
4. Направление автором статьи для опубликования в журнале считается акцептом, то есть согласием автора на заключение лицензионного договора о передаче права использования статьи в журнале «Lex Russica». Содержание договора опубликовано на сайте журнала.
5. Автор направляет в редакцию журнала статью согласно условиям и порядку предоставления и опубликования статей, а также требованиям к оформлению статей, размещенным на сайте журнала. При несоблюдении указанных требований редакция оставляет за собой право вернуть статью автору без рассмотрения.
6. Статья направляется в редакцию. Автору необходимо зарегистрироваться в системе, указав все запрашиваемые данные. Для аспирантов и соискателей обязательна для заполнения информация о научном руководителе / консультанте, его контактная информация (в поле «Дополнительные сведения»). В дальнейшем для отправки очередной статьи заново вводить эти данные не требуется. При добавлении новой статьи откроется окошко регистрации статьи, где приводятся все данные о статье (соавторы, название статьи, название журнала, название рубрики, ключевые слова на русском, аннотация на русском, библиография на русском). Текст статьи прикрепляется к регистрационной форме в виде файла, сохраненного в любой версии Word с расширением .doc, .docx или .rtf.
7. Требования к содержанию и объему статьи:
  - объем статьи должен составлять от 25 до 50 тыс. знаков (с пробелами, с учетом сносок) или 15–30 страниц А4 (шрифт — Times New Roman, высота шрифта — 14 пунктов; межстрочный интервал — полуторный, абзацный отступ — 1,25 см, поля: левое — 3 см, правое — 1,5 см, верхнее и нижнее — 2 см). Опубликование материалов меньшего или большего объема должно согласовываться с редакцией журнала;
  - статья должна быть написана на актуальную тему, отвечать критерию новизны, содержать определенное новаторство в подходе к изучаемой теме/проблеме;
  - в статье должны быть отражены результаты научного исследования, основанного на анализе теоретических конструкций, нормативных актов, материалов правоприменительной практики;
  - материал, содержащийся в статье, не должен быть только описательным, констатировать существующее положение вещей (статьи, значительная часть которых содержит воспроизведение нормативного материала, будут отклоняться);
  - в материале должна быть соблюдена фактологическая и историческая точность;
  - необходимо обращать внимание на аккуратное использование заимствованного материала, точность цитирования.
8. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
9. Следует точно указывать источник приводимых в рукописи цитат, цифровых и фактических данных.

10. При оформлении ссылок необходимо руководствоваться библиографическим ГОСТом 7.0.5-2008. Ссылки оформляются в виде постраничных сносок (размещаются в тексте как подстрочные библиографические ссылки), нумерация сплошная (например с 1-й по 32-ю). Сноски набираются шрифтом Times New Roman. Высота шрифта — 12 пунктов; межстрочный интервал — одинарный. Знак сноски в тексте ставится перед знаком препинания (точкой, запятой, двоеточием, точкой с запятой). Пример оформления смотрите на сайте журнала.
- Ссылки на иностранные источники следует указывать на языке оригинала, избегая аббревиатур и по возможности максимально следуя таким же требованиям, как и при оформлении библиографии на русском языке.
- Ссылки на электронные ресурсы следует оформлять в соответствии с библиографическим ГОСТом 7.82-2001. Необходимо указывать заголовок титульной страницы ресурса, полный адрес местонахождения ресурса и в круглых скобках дату последнего посещения веб-страницы.
11. При оформлении списка литературы (библиографии) необходимо руководствоваться библиографическим ГОСТом 7.1-2003. В библиографическом списке не указываются правовые источники (нормативные акты, судебные решения и иная правоприменительная практика). Пример оформления смотрите на сайте журнала.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Телефон редакции: (8-499)244-85-56.

Почтовый адрес редакции: 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

E-mail: lexrus@msal.ru

Объем: 21,39 усл.-печ.л., формат 60x84¹/₈. Тираж 250 экз. Дата подписания в печать 30.04.2016 г.

Редактор *М. В. Баукина*

Корректор *А. Б. Рыбакова*

Компьютерная верстка *Т. В. Серёгина*

Печать цифровая. Гарнитура «Calibri».

Типография Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN 1729-5920

Подписка на журнал возможна с любого месяца.

Распространяется через объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» — 11198.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Lex Russica» обязательна.

Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Ответственность за достоверность информации в рекламных объявлениях несут рекламодатели.